

А. КОМАНДОР
КОСТАННА
КОРОЛЕВА

16+

А. Командор

Костяная королева

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65772334

SelfPub; 2022

Аннотация

Каждый день она носит маски: добрая принцесса, любящая сестра, заботливая дочь. Она такая, какой её хотят видеть. Перед ней преклоняются, её боготворят. Но никто и не догадывается, на что она готова пойти ради власти. Что такое несколько жизней в сравнении с благом целого королевства? Девушка с уникальной памятью, неземной красотой и социопатическими наклонностями. Она хотела изменить мир.

Содержание

Пролог	4
1	6
2	14
3	25
4	41
5	55
6	73
7	84
8	99
9	118
10	131
11	147
12	159
13	177
14	186
15	202
16	225
17	238
18	252
19	271
20	292
21	309

А. Командор

Костяная королева

Пролог

Избранница Солнца, Небесная Дева – так её прозвали при жизни. Величайшая королева страны Каэлур, реформатор, защитница мира. Никто не знал её настоящую.

Ее правление началось в тяжёлые времена. Голод, болезни и постоянное ущемление прав простого народа поставили людей в безвыходное положение. Представьте себе улицы города, переполненные бездомными. Заразные трупы в сточных канавах, голые, потому что одежды сорвали с ещё не остывшего тела. Представьте откормленных крыс, которые из жадности набрасываются и на мертвых, и на спящих. Представьте, как отощавшие матери кормят своих отощавших детей их мясом – бесплатная еда, если сможешь поймать. Представьте.

И только она посреди этого мрака давала людям надежду, давала им свет. Будущее. Полная противоположность брата-тирана, такая чистая и добрая.

Это история о королеве, которая хотела изменить мир. О женщине с феноменальной памятью, которая позволила ей учиться быстрее прочих, но также и обрекла на раннее

взросление. Гениальный политик, одержимый фанатик или несчастная, одинокая душа, не способная найти утешение. Кем она была – не важно. Важно, что она была другой.

Это история Костяной королевы, такой, какой её знаю я. Начало нового времени.

1

Седой торговец держал в руках поводья и глядел в задумчивости на дорогу. Рядом с ним сидел его спутник в одеждах иностранного посла. Дорожная грязь облепила его сапоги и плащ нуждался в основательной чистке.

– Спасибо, что не оставили на дороге, – обратился молодой человек к своему седовласому спутнику. – Говорят, за стенами ночью лучше не оставаться.

– Да? И что же говорят?

– Будто бы ночами по здешним лесам бродят души умерших, и единственное их желание – найти для себя живое тело, чтобы продолжить существовать. И говорят ещё, что если вселится такая душа в тело, человек скоро сходит с ума.

Торговец усмехнулся.

– Слышал я такую легенду. Не похоже на правду, но, – он вытащил из-под рубахи талисман на цепочке, – вот, прикупил на всякий случай. В местных храмах продаётся.

– Так вы уже бывали здесь?

– Однажды. Приезжал торговать.

– А я вот впервые. И какое впечатление?

Старик крякнул, бегло взглянул на запад и щёлкнул кнутом.

– Каэлур окружена высокой каменной стеной, самой высокой из всех стен, что мне доводилось видеть. Там живут

добрые люди, там плодородные земли, и урожай снимают два раза в год. А ещё там бывают сильные ветра. И я знаю одну легенду, как раз связанную с этими ветрами и бродячими душами. Хочешь, расскажу?

– Я весь внимание.

– Вот слушай: когда на эти земли пришли первые поселенцы, они были удивлены плодородию почвы. Построили здесь свои хижины, разбили огороды. Но как только кончилось лето, налетел страшный ураган и порушил хлипкие постройки. Камнями и обломками завалило жителей, и уцелели лишь те, кто спрятался в погребе. Но выжившие не захотели уходить отсюда. Они построили более крепкие жилища – из камня, выкопали подземные тоннели. Мёртвые тоже не желали уходить. И каждый раз, когда поднимается сильный ветер, можно услышать их вой. Плач первых жителей Каэлур предупреждает об опасности.

– Какая красивая легенда. И что же, во время ветра действительно можно услышать призраков?

Старик пожал плечами.

– Это всего лишь легенда. Как и то, что блуждающие души сводят людей с ума.

– Тем не менее, вы носите талисман.

Торговец снова пожал плечами.

Солнце уже опускалось за горизонт, и старик то и дело поторапливал своих лошадей, желая попасть за стены Каэлур до заката. Они ехали по песчаной дороге, пролегающей через

зеленые луга, усеянные маленькими жёлтыми цветами. Кое-где по краям дороги виднелись рощи, а вдалеке пики вечно-зелёных лесов. Лошади ритмично цокали копытами, поднимая клубы пыли. Вокруг царили тишина и спокойствие.

Некоторое время мужчины в молчании смотрели на дорогу и ждали, когда же, наконец, покажутся стены Каэлур. Ровные поля превратились в холмы, почти полностью покрытые лесом. В тени деревьев разглядеть дорогу стало сложнее.

– Говорят, в Каэлур сейчас не самое лучшее время, – сказал человек в посольской одежде. Старик нахмурился.

– Я об этом не слышал. И что же говорят?

– Возможно, это просто слухи. Недавно я совершенно случайно услышал разговор двух торговков на площади. Одна сказала, что в Каэлур сейчас беспорядки. Там повышаются налоги, люди голодают. Ещё, говорят, там участились грабежи. А их нынешний король, Бенедикт, ничего не предпринимает.

– Бенедикт? Видно, старый король умер, а это один из его сыновей. Хотя мне казалось, он младший, а значит, последний в очереди на престол. – Торговец задумчиво потер щечину на подбородке. – Так ты говоришь, беспокойно? Стоит ли туда ехать?

– Не знаю. Но думаю, ничего серьёзного, вы и сами понимаете, как женщины любят всё приукрасить.

– Да, и то верно. А тебе самому зачем в Каэлур? По делу или путешествуешь?

– Да, дела. Я работаю в посольстве Примы. Король отправил меня с предложением. На пути к Каэлур у меня издохла лошадь, не имею понятия, почему. Просто вдруг упала – и все. Как повезло, что вы меня подобрали.

– Пустяки! Все равно ведь по пути. Еще и за проезд уплачено.

Оба засмеялись. Однако вскоре старик забеспокоился, ведь солнце уже садилось. Он стал подгонять лошадей, желая оказаться внутри страны до заката, ведь кто знает, какие твари водятся в лесах. А ворота опускают сразу после захода солнца.

И вот из-за очередного холма показались долгожданные стены Каэлур. Действительно, как и утверждали многие, это необыкновенно величественные стены, неприступные. Они поднимаются над кронами самых высоких деревьев, целиком выполненные из огромных гладких блоков. Башни с заострёнными верхушками служат для наблюдения и охраны внешней стороны стены. Настоящая крепость, наследие великих зодчих прошлого тысячелетия.

Седому торговцу удалось добраться до ворот прежде, чем их опустили. Эти тяжёлые широкие ворота приводили в движение при помощи огромных лебедок. Похоже, зодчие знали толк в подъемных механизмах, раз они служат уже многие сотни лет. Чуть дальше, с внутренней стороны стены, находились ещё одни ворота, не сплошные, а из толстых железных прутьев.

Откуда-то сверху послышался приказ опустить ворота. Несколько человек потянули за ручки лебедок, заскрипели петли, зазвенели тяжёлые цепи, и первые ворота с грохотом опустились. Железные ворота опускать не стали.

За стенами было темно, и торговец решил остановить свою повозку недалеко от ворот на свободном участке, собираясь переждать здесь ночь. Лошади тут же принялись щипать траву. Посол спрыгнул с козел и, поблагодарив торговца, направился к часовым, что курили у ворот.

Мужчина вкратце обрисовал солдатам своё положение, показав при этом медный значок, подтверждающий его государственное дело. Немного поспорив, часовые всё же разрешили ему остаться на ночь в крепости. Один из них потушил окурок о стену и проводил его внутрь. Они поднялись по узкой лестнице в башню, и посол оказался в комнате постовых.

Из окон этой комнаты просматривалось огромное пространство: равнины перед стеной, холмы и лес чуть дальше, и вдалеке снова равнины. А с другой стороны башни открывался вид на Южный город. Хоть посол и не боялся высоты, но от такого зрелища захватывало дух. Однако сейчас, при свете луны и последних закатных лучей, разглядеть можно было не так уж много.

Не считая посла, в комнате находилось два человека. Из мебели тут были только обшарпанный стол и две скамьи, а посередине чаша с полыхающим пламенем. Мужчина усел-

ся в углу в надежде, что ему предложат хотя бы чай. Но постовые молча глядели во тьму за стеной, изредка бросая на пришельца косые взгляды.

Первым молчание нарушил посол:

– Прохладно на такой высоте. Я бы от чая не отказался.

Или чего покрепче.

– Покрепче на службе не положено, – отозвался один. Он указал на закопченный чайник в выемке под каменной чашей. – А чай вон там, кружку бери. Чай казенный, на вкус как собачья моча.

– Хоть согреюсь, – проворчал посол, наливая бледный чай в немытую кружку. Откашлялся. – Я слышал, у вас в стране беспокойно?

– Ни о чём таком не знаю.

Постовые переглянулись между собой, и второй ответил:

– Не слышал такого, – но после паузы добавил: – Хотя народ и недоволен, но беспорядков нет.

– Недоволен? Чем?

– Будешь слишком любопытничать, могут и посадить, – отрезал первый.

– Мне же нужно знать ситуацию в стране, – возмутился посол. – Я тут по важному делу, знаете ли. Перед тем как встретиться с вашим королем, хотелось бы узнать подробности, а то мои сведения, как видно, устарели.

– Ладно, ладно, господин посол. Но ты аккуратнее с такими вопросами. – Они снова переглянулись. – Дело всё в том,

что король снова повысил налоги. Не сможешь уплатить хотя бы за один месяц – выгонят на улицу. Бездомных у нас чуть прибавилось, но ничего больше.

– Расскажите про короля немного. Бенедикт, кажется? Давно пришёл к власти?

– Года два назад, когда прежний старик скончался. При чем Бенедикт – его третий сын.

– А что случилось с первыми двумя?

– Старший несколько лет назад умер от болезни. Средний, как говорят, ходил во сне. Однажды он забрался на башню и упал вниз.

– У короля Виктора остались ещё две дочери, но от другой жены. Бенедикт их не признает.

– Одной восемнадцать, другая на два года младше. Бенедикт их обеих отправил подальше от дворца, как только Виктор скончался. Они живут как раз в нашем Южном.

– Кстати, та, что постарше, Фриджия, просто сокровище. Она часто раздает беднякам хлеб, бесплатно лечит тех, кто не в состоянии заплатить. По её приказу в городе реставрируют дороги и здания. Наш город – самый чистый в стране.

– Только вот её брату это не нравится.

– Почему не нравится? Он как-то выражает своё недовольство?

– Ну, между нами говоря, уже пару раз на принцессу совершались нападения, но она не пострадала. У неё очень хорошая охрана.

Второй постовой предостерегающе глянул на своего товарища:

– Не доказано, что за нападениями стоит именно...

– Понятно. Так вы сказали, принцессе восемнадцать? В таком возрасте, обычно, уже должен быть жених.

– Да вроде бы и есть. Это принц Сильварии Кириэлл. Говорят, это давно спланированный союз, вот только Бенедикт не даёт своего согласия на брак.

– Что ж, – посол задумчиво поглядел в кружку на остатки мутной жижи. – Дело принимает совсем иной оборот.

Посол ещё долго расспрашивал постовых о новых порядках, введённых Бенедиктом после смерти его отца, и пришёл к выводу, что с королём сложно будет о чем-либо договориться.

2

С первыми лучами солнца в торговых районах Каэлур ремесленники и мастера открывали свои лавки, приезжие торговцы искали места для повозок. Уже с самого утра тут собиралось множество народа, и все шумели, спорили, ругались, обсуждали что-то, суетились. И, наконец, повернув свой товар к покупателю самым приличным боком, успокаивались, занимали свои места и зазывали народ, расхваливая свой товар.

За маленьким уличным столиком с чашкой сносного кофе в руках расположился посол. Где ещё услышать последние новости города, оставшись при этом незамеченным, как не на шумных торговых площадях?

Долго ждать не пришлось. Недалеко от него к одной из торговек цветами подошла другая женщина. Они разговорились, пересказывая друг другу новости. Затем к ним присоединились ещё несколько женщин. Среди рыночного шума можно было услышать их вздохи, смех, и удивленные возгласы, когда очередная женщина рассказывала свою историю.

– Вы ведь помните, как сильно заболел мой сын? У него были и жар, и лихорадка, но денег на лекарства у меня не хватало. Я тогда решила сесть на площади и просить милостыню. Ну, а что мне ещё оставалось? Сами понимаете, чего не сделаешь ради ребенка! По счастливой случайности ми-

мо проходила принцесса Фриджия. Она ведь часто помогает простым людям, таким, как мы. Я очень надеялась на это... Она подошла ко мне, спросила, что случилось с моим сыном, и велела позвать лекаря, представляете? Этот лекарь вылечил моего малыша и даже денег не взял! Все правда, что о ней говорят.

– Конечно, правда. Фриджия многим моим знакомым помогла.

– Слышала, на той неделе по её приказу еду раздавали в Низинах.

– А король что? Сидит себе в своём дворце, пирует, пока простой народ с голодудохнет.

– Холь они брат и сестра, но совершенно разные.

– А сколько всего принцесса для каэльцев сделала! И все своими силами.

– Бенедикт тоже немало для людей сделал: налоги повысил, дома у бедных отобрал, чуть что скажешь про него, так и повесить могут.

– Вот бы принцесса Фриджия заняла его место!

– Тише, тише говори. Мало ли, в округе королевские слухачи ходят.

Вокруг цветочной палатки уже собралось много народа, всем хотелось послушать. В адрес короля полетела тихая ругань и проклятия, а при упоминании принцессы многие украдкой совершали жесты божественного покровительства.

– Однажды мой муж, пекарь, чем-то не угодил префек-

ту, и его приказали высечь на площади тридцатью плетьюми! Представьте, какой это был позор. Он, наверно, там бы и умер, но принцесса Фриджия заступилась за него. Мужа моего отпустили. Работает он теперь в бедной пекарне на окраине, ну хотя бы живой.

– А меня вот с семьёй совсем недавно выселить из дома хотели. Сборщики пришли с оружием, стали угрожать. А ведь до полной суммы нам самой малости не хватило. Тогда принцесса сама договорилась со сборщиками, а нам даже еды привезли. У меня ведь шестеро детей, и с этими налогами только на самое дешёвое хватает.

– Да, и у меня подобное бывало...

Люди рассказывали свои истории, иногда возмущённо цокали, качали головами, удивлённо ахали или смеялись, посол наблюдал и слушал. И ему совершенно не нравилось то, что он слышал. Сложилось впечатление, что в Каэлур гражданская война не за горами.

Внезапно сквозь шум толпы послышалась музыка. Постепенно люди замолкали, услышав бродячих музыкантов. Они шли между палатками и лавками, им все уступали дорогу. Когда музыканты нашли себе удобное место, остановились, а зрители встали в круг, чтобы их послушать. В толпу полились звуки лиры и флейт.

Два голоса затянули балладу. Посол ещё раз услышал легенду, которую вечером поведал ему старый торговец, услышал и несколько новых. Пели о древних героях, о даль-

них странах и о местных божествах. А в конце выступления барды исполнили шуточную песню про короля Бенедикта и его постоянные неудачи в постели. Народ разразился хохотом, некоторые даже отблагодарили музыкантов деньгами или едой.

Но уже совсем скоро не осталось и следа от прежнего настроения: люди разошлись по своим делам, снова хмурые, подозрительные. Снова спорили, ругались, торговались и жаловались на свою жизнь.

Посол Примы допил свой кофе и направился к Парадной площади, надеясь своими глазами увидеть принцессу, о которой все говорят. По сторонам мощеной дороги тесно лепились каменные дома в один, два, три и четыре этажа, украшенные изразцами и древними фресками. Здесь было множество мастерских, и люди с хмурыми лицами усердно трудились, ничего вокруг не замечая. Из маленьких пекарен вырывались чудесные ароматы, перекрывающие вонь сточных канав. Работники специально открывали двери, зазывая покупателей запахом свежевыпеченного хлеба. Тут и там среди домов виднелись харчевни и постоялые дворы.

Немного в стороне от остальных построек виднелась Парадная площадь и несколько богатых особняков вокруг нее, один из которых принадлежал местному префекту, а другой – двум королевским дочкам.

Резиденцию окружала каменная изгородь, а на территории раскинулся миниатюрный парк с искусственным прудом.

дом. У входа в особняк дежурили стражники в сверкающих на солнце латах с внушительными секирами в руках. Резиденция в народе называлась Южный дворец. Хотя размерами особняк сильно уступал королевскому дворцу, жителям города нравилось представлять Южный второй столицей.

Посол обратил внимание на внешнее убранство особняка префекта. По незнанию можно было подумать, что именно его дом является резиденцией королевских отпрысков.

Вдруг на площади началось движение. Люди обращали лица к Южному дворцу. Его двери распахнулись, из них вышли двое мужчин и две девушки. Стражники поклонились им, а люди собрались вокруг внешних ворот, кланялись и кричали приветственные слова. Посол встал позади толпы, а его сердце забилось чаще.

Фриджию мог бы узнать даже человек, ни разу её не встречавший. Её осанка, её взгляд, жесты – всё в ней было величественно, царственно. Её светлые волосы, извиваясь, спадали с плеч, на лице – мягкая улыбка, светло-синие глаза лучились добротой. Белая кожа, женственные руки с тонкими пальцами, чуть заострённые скулы... Казалось, принцесса Фриджия излучает особый свет, несравнимый со светом солнца.

Наряд принцессы говорил о её смелости, или даже дерзости: белые широкие штаны в сочетании с алым жилетом. Но местные женщины не стали бы упрекать её в отказе от традиций. Наоборот, пытались найти в себе смелость взять с неё

пример.

Ее сестра Глория придерживалась более консервативных взглядов в одежде. Внешне они были очень похожи, но при этом младшая сестра не обладала такой уверенностью. Сутулила плечи под взглядами толпы и в целом старалась держаться позади сестры.

Мужчины, что шли по обе стороны от принцесс, были для них и личной стражей, и ближайшими советниками. Оба высокие, внушительные, они бесстрастно оглядывали толпу на площади, а руки держали на эфесах мечей, готовые в любой момент пустить оружие в ход. Обоим на вид было не больше тридцати.

Принцесса Фриджия и её спутники, окружённые толпой, шли вдоль площади. Девушка останавливалась у каждого нищего и спрашивала его о том, что заставляет его просить милостыню. Каждый рассказывал свою историю, после чего принцесса могла дать им деньги или еду.

– Что заставляет тебя просить милостыню, добрый человек?

– Ваше высочество, – поклонился старик в грязной зала-танной робе, – я давно уже не могу работать. Мой сын заботился обо мне, но его забрала болезнь. Тех денег, что мы скопили, не хватило, чтобы заплатить новые налоги, и меня выгнали на улицу.

– Разве у тебя нет больше родственников?

– Нет, ваше высочество. Все умерли, всех я пережил.

– Где же ты теперь живёшь?

– В Низинах, ваше высочество. Туда дорога всем обездоленным.

Низины – бедный окраинный район Южного, где стоят уже совсем старые дома, не интересующие сборщиков. Между домами люди соорудили себе палатки и навесы из всего, что смогли найти. А в домах под прогнившими крышами ютились семьи, напиханные в деревянные коробки, будто селёдка в бочку.

Принцесса вложила в руку старика несколько монет, сказала какие-то ласковые слова на прощание и извинилась за то, что не может сделать больше. Подошла к другому нищему. Так она выслушала всех до единого, каждому пыталась чем-то помочь. Посла поразило то, что она не боится прикоснуться к грязной одежде или рукам нищих. Любой бы побрезговал, но не она. Она зажигала на измученных пыльных лицах улыбки, дарила надежду тем, кто уже давно её лишился.

Затем взгляд Фриджии обратился к послу, который все это время наблюдал за ней.

– Посланник Примы, я полагаю? – с обезоруживающей улыбкой она протянула ему руку, которой недавно прикасалась к нищему. Кто-то счел бы это за оскорбление, однако мужчина с радостью прикоснулся губами к её запястью.

– Рад приветствовать вас, ваше высочество.

– Направляетесь к королю?

– Именно так. Позвольте выразить свое восхищение. Красота, ум и отзывчивость в одном человеке – редкое явление в наши дни.

– О моем уме вы по глазам узнали, полагаю?

– Об этом говорят жители вашего города, я же не имею повода подвергать сомнению их слова, ведь во всем остальном они оказались совершенно правы.

– Отрадно слышать. Возможно, вы не откажетесь зайти на чашку чая? Мне и моей сестре будет невероятно интересно узнать новости Примы из первых уст.

– С удовольствием, – поклонился посол и только тут заметил Глорию, тихо стоящую позади сестры. Она смущенно протянула ему руку. – Ваше высочество.

Сквозь листья проглядывало синее небо, тень падала на белую кожу девушек, защищая её от палящих лучей. Выложенная камнями дорожка извивалась вокруг пруда. Его берега поросли сочной зеленью, из воды выглядывали жёлтые кувшинки с плоскими большими листьями. Фриджия и Глория, попрощавшись с послем, разместились на скамейке близ пруда, а сопровождающие их слуги встали по бокам.

– Ты не слишком хорошо выглядишь, – заметила Фриджия, обращаясь к сестре. – Что-то случилось?

Глория покачала головой.

– Так много людей... Мне не очень уютно на публике. А послу и двух слов сказать не смогла.

– Постарайся привыкнуть, моя милая. Тебе часто придется быть у всех на виду. Надо хоть иногда покидать дворец и общаться с кем-то, помимо меня.

– Я понимаю, сестра, но всё-таки...

– В следующий раз пойду без тебя, если хочешь. – Фриджия облокотилась на спинку скамейки и некоторое время в задумчивости смотрела на рябь воды. – Надо будет съездить в Низины самой. Есть у меня завтра свободное время? – спросила она у одного из слуг.

– Боюсь, что нет, госпожа, – ответил Моррит, её ближайший советник.

– Ну а послезавтра?

– Между шестью и семью часами вечера.

– Возможно, этого не хватит. В пять часов у меня урок музыки, так?

– Да, госпожа.

– Я его пропущу. Глория, заменишь меня?

– Конечно, сестра, – музыку Глория любила куда больше разговоров с незнакомцами.

– Хорошо. Тогда, Моррит, передай пекарям заказ.

– Да, госпожа.

Несколько минут Фриджия отрешенно глядела сквозь листву, затем вздохнула и повернулась к сестре:

– У короля Примы два сына. Почти уверена, что он отправил посла к Бенедикту не только о торговле говорить.

– Думаешь, он надеется на политический союз?

– Возможно. Будь я на месте брата, первая бы озаботилась этим вопросом.

– Хочешь выдать меня замуж? – Глория воззрилась на сестру с упрёком и немного испуганно.

– Прима – богатая страна с собственным выходом к морю. Я бы подумала над таким предложением, если бы не...

Глория тут же ухватила за возможность сменить тему:

– Кириэлл приедет уже на следующей неделе?

– Ага, – безэмоционально ответила Фриджия. Глория прищурилась.

– Ты хоть ждёшь его, или это тоже твой *политический союз*?

– И то, и другое. Очень удачно, правда? Возможно, и тебе понравится один из сыновей короля Аргуса. Пора задумать-ся о будущем. Отец запланировал мой брак, когда мне было всего двенадцать.

– Ну Фриджи! Я предпочла бы остаться с тобой навсегда, но сделаю так, как ты скажешь.

Девушка засмеялась.

– Я рада. Но я всё же беспокоюсь о твоей безопасности.

– О безопасности позаботятся Моррит, Шайн и остальные, правда?

Оба слуги кивнули в знак согласия.

– Как знаешь, Глори. Я не собираюсь тебя принуждать, ведь ты моя единственная любимая сестра.

– Значит, переложила груз ответственности на мои хруп-

кие плечи? Очень надеюсь, что брат не примет какое-нибудь поспешное решение на мой счёт.

– Я тебя в обиду не дам, ты же знаешь.

Глория грустно улыбнулась, вспоминая многочисленные моменты из жизни, когда сестра защищала её от нападков Бенедикта. Мог ли сводный брат уже тогда видеть в сестре угрозу своему положению? Нет, только если не знал заранее, что сам придет к власти.

Фриджия со вздохом поднялась и отряхнула свою безупречно чистую мантию.

– Мое свободное время подошло к концу, нужно возвращаться к делам.

– Даже интересно, закончится ли у тебя когда-нибудь запас трудолюбия?

Сверкающие чистотой покои принцессы. Пол покрыт мягкими коврами, единственное окно в спальне плотно затянуто тёмными шторами. Большая кровать посреди комнаты застелена белыми покрывалами, множество мягких подушек разного размера разбросано по всему спальному месту принцессы. Над кроватью до самого пола свисает полупрозрачный воздушный балдахин синего цвета.

На подушках посреди кровати спиной к окну лежала принцесса Фриджия. Её глаза были закрыты, дыхание ровное, поэтому казалось, что она спит. Но она размышляла. Прокручивала в голове тревожащие её вопросы, искала на них ответы в безграничных чертогах памяти. Попыталась всё предусмотреть и просчитать, найти наилучший вариант из всех возможных. Некоторые люди ходят кругами по комнате, а принцесса блуждала только в своих мыслях.

Её покой потревожил негромкий стук в дверь, после чего без дополнительного приглашения в комнату вошёл Моррит, темноволосый страж в тёмной форменной одежде.

– Всё готово, госпожа.

Она открыла глаза и немедленно поднялась с кровати.

– Благодарю.

Вместе со своим слугой Фриджия последовала к выходу на задний двор. Там их ждала хорошо обустроенная повоз-

ка с открытым верхом и запряжённой в неё парой лошадей. Опрятные белые лошади с вычищенными шкурами и лоснящимися черными гривами – гордость Южного королевского двора.

Половину всего пространства повозки занимали мешки с ароматным недавно испечённым хлебом. Напротив принцессы разместился неизменный Моррит, а ещё один из её личной охраны – Рави – занял место на облучке рядом с кучером. Возница отдал команду, и повозка тронулась. Все королевские лошади были хорошо обучены, и управлять ими разрешалось только при помощи слов.

Они выехали на широкий проспект, и люди шумно приветствовали принцессу. Девушка отвечала на все приветствия с улыбкой, махала рукой маленьким детям, которых родители сажали на плечи, чтобы и те смогли увидеть принцессу, любимицу простого народа. Уже многие знали: Фриджия едет в Низины, чтобы раздать беднякам хлеб.

Низины встретили экипаж воню отхождений и немытых тел. Полуразрушенные дома, между которыми громоздились кое-как сколоченные из разного хлама подобия хижин, шалашей или навесов, сильно контрастировали с богатством центральных районов. Все проходы между домами здесь были застроены жилищами нищих и обездоленных, так что повозку пришлось оставить в начале бедного района. Фриджия с двумя слугами отправилась вглубь Низин пешком.

Тут и там люди собирались вместе, разжигали костры, уса-

живались вокруг тёплого пламени. Некоторые сидели на ступенях домов, молча глядя куда-то. Матери закутывали своих детей в грязные рваные лоскуты, которые им удалось найти. Все эти люди в своей потрёпанной одежде, невымытые, болезненные, вызывали в душе некоторую жалость и отвращение. И в самом деле, их можно было только пожалеть. Любой проходящий мимо человек невольно лишней раз возблагодарит судьбу за то, что у него есть уютный дом, чистая одежда и деньги, чтобы только не оказаться среди этого отребья.

Увидев принцессу, люди вставали со своих мест, кланялись, приветствовали её, и она тепло приветствовала нищих в ответ. Казалось, их вид совершенно не вызывал у неё отвращения.

Вначале Фриджия просто шла между кучами мусора и группами людей, осматривая всё вокруг. Бедный район чем-то напоминал свалку на развалинах, однако у людей не было другого приюта. Фриджия хотела узнать поподробнее о жизни в Низинах, ведь с её последнего визита несколько месяцев назад здесь всё стало намного хуже. Девушка подошла к группе женщин с детьми, которые расположились на ступенях, и присела с краю, не боясь запачкать свой плащ.

– Давно вы поселились здесь? – спросила она одну из женщин с тусклыми глазами и болезненно впалыми щеками. На руках она держала тихого худого ребёнка.

– Давно, ваше высочество. Примерно два года назад.

– Из-за чего вы здесь? Говорите как есть, ничего не бой-

теть, – Фриджия ободрительно коснулась её плеча, видя, что женщина сомневается.

– Понимаете, когда король Виктор был жив, он иногда закрывал глаза на недоплату налогов бедными семьями. Иногда мы не могли выплатить полную сумму, но нас никогда не трогали. Прежние собиратели относились к нашим проблемам с пониманием. А когда Бенедикт пришёл к власти, он издал указ об изъятии жилища за долги. Все изменилось. В первое время мы платили, хотя и голодали. Но потом налоги возросли, и нас выгнали на улицу.

– Государству нет выгоды от наших жизней, – присоединилась к разговору другая женщина, но и она, запуганная новыми законами, закусил губу. Выразить свое мнение здесь было не принято.

– Все хорошо, продолжайте, – мягко улыбнулась Фриджия. – Я здесь не для того, чтобы вас осуждать.

– Население увеличивается, а страна – нет. Выгоднее продать наши дома тем, кто способен платить, чем построить новые. Поэтому нас и выгоняют на улицу.

– Мне искренне жаль, что вы все оказались в такой ситуации...

– Что вы, ваше высочество, это ведь не ваша вина!

– Как вы здесь живёте?

– Вначале было сложно, всего не хватало. Есть приходится очень редко, но и к этому, и ко вкусу еды мы привыкли. Когда холодно, мы спим все вместе возле костра. Вот только

одежду ни подшить, ни постирать. А не так давно некоторые люди стали болеть какой-то простудой. Лекарств у нас нет, тёплой одежды тоже, и мы не можем никого спасти, ни детей, ни взрослых. Так умер и мой муж.

– У нас всех кто-то погиб, – вступила в разговор ещё одна женщина. – После их смерти одежда досталась другим людям, и это помогло им выжить.

– Мы все стараемся выжить любой ценой, чего бы это ни стоило, – тихо добавила первая женщина.

– Вы все очень сильные, раз смогли пережить столько невзгод.

– Мы слабы, потому что не можем ни решиться уйти отсюда, ни найти какое-то достойное занятие. Таких, как мы, не берут даже дворы подметать, – горько заметила нищенка.

– Слабы не вы, а государство, что допустило подобную ситуацию. Обещаю, я приложу все усилия, чтобы решить этот вопрос.

Бездомные слабо улыбнулись ей в ответ. Мало кто решился бы поверить, что одна маленькая женщина сможет хоть что-то изменить. Они привыкли бояться и никому не доверять. Они давно потеряли надежду и изо дня в день влачили свое жалкое существование без цели и смысла, давно забыв, почему стараются выжить.

– Благодарю вас за беседу, – Фриджия улыбнулась женщинам и всем, кто подошёл поближе, чтобы послушать их разговор. – Надеюсь, что смогу сделать больше, а пока мы

привезли для вас хлеб.

На бледных изможденных лицах сразу же засияли улыбки – большая редкость в Низинах. Принцесса и её слуги пошли обратно к повозке, а все до единого нищие толпой последовали за ними.

И вот вся эта толпа собралась возле повозки, люди переговаривались, толкали друг друга, протягивали руки. Принцесса Фриджия, Моррит и Рави вкладывали хлеб в эти худые грязные руки, а в ответ получали щербатые улыбки, слова благодарности и божественного покровительства. Очень скоро все мешки опустели, а нищие разбрелись по своим углам, поедая долгожданный кусок хлеба.

Некоторое время, пока они ехали обратно к дворцу, Фриджия молчала, погружённая в свои мысли, которые никогда и никому не раскрывала. Лицо её ничего не выражало, глаза смотрели сквозь предметы, пальцы еле заметно подрагивали, но из-за тряски повозки казалось, что так и должно быть. Затем принцесса перевела взгляд на своих слуг – Моррита и Рави – и тихо сказала:

– И почему я раньше этого не замечала? Нужно как-то исправить ситуацию с бедными районами. Я подумаю над этим. В ближайшие несколько дней все вместе обговорим этот вопрос. Так не может больше продолжаться.

Оба слуги кивнули. Они поняли, что имеет в виду принцесса, потому все свои мысли оставили при себе до собрания.

– Я надеюсь, вы позаботитесь о моей репутации, – добавила Фриджия, обращаясь к Рави.

– Можете на меня рассчитывать.

Весь оставшийся путь до Южного дворца провели в молчании, каждому было о чем подумать.

Лошади остановились на заднем дворе, принцесса с улыбкой погладила своих благородных питомцев по бокам и шее, нашёптывая ласковые слова. Затем Моррит проводил Фриджию к её покоям.

– Пусть ко мне зайдёт Фиделис, – сказала принцесса слуге. Он кивнул, поклонился, и Фриджия осталась одна в своих покоях.

Первым делом девушка сменила одежду, закинув грязную в корзину для белья. Подошла к своему письменному столу с обитым бархатом креслом и придвинула к себе книгу в красной бархатной обложке, чернильницу и перо. Книга хранила в себе заметки и некоторые мысли Фриджии. Благодаря своей удивительной особенности, она могла запомнить любую информацию, но выведенные на бумаге слова помогали сосредоточиться. Некоторые страницы содержали чернильные наброски, которые выражали идеи не хуже слов. Найдя свободную страницу, Фриджия обмакнула кончик пера в чернила, написала число и краткую запись:

«Нужно решить проблему с бедными районами как можно скорее. Варианты действий. Идеальный план».

Когда чернила высохли, девушка захлопнула книгу и убрала её на край стола. Затем поставила локти на стол, подперев голову руками, и больше не двигалась до самого прихода её слуги.

Раздался стук в дверь, вошёл высокий мужчина в тёмной одежде. За спиной он носил большой изогнутый меч фалькату. Его точеные скулы обрамляли темные пряди, под глазами залегли тени, отчего он без особых усилий выглядел угрожающе. Фиделис остановился у двери в ожидании приказа принцессы.

Фриджия кивнула на дверь, чтобы слуга закрыл ее, и, улыбнувшись, сказала:

– Для тебя есть поручение. Найдётся свободное время?

– Конечно, ваше высочество.

– Мне бы хотелось узнать, сколько человек обитает в каждом бедном районе страны. Число детей. Как живут, чем болеют. – Фриджия вкратце рассказала слуге о своей сегодняшней поездке в Низины и прибавила: – Если можно, постарайся узнать всё до конца недели.

– Я займусь этим сейчас же.

– Благодарю.

Фиделис покинул покои принцессы, и она, поддавшись усталости, легла на мягкую кровать, зарылась в подушки и простыни. От прикосновения гладкой прохладной ткани принцесса расслабилась, на минуту позволила себе забыть все проблемы, трудности и печали, так плотно обступившие

её в последнее время. Она лежала, не шевелясь, с закрытыми глазами, наслаждаясь покоем, но вскоре вернулась головная боль от множества мыслей, одновременно кричащих в её голове. Этот бесконечный шум никогда не давал ей покоя, никогда не покидал её. Вне зависимости от ситуации, времени, причины, Фриджию постоянно беспокоили сотни проблем, которые нужно было решить, и тревог, от которых нужно было избавиться. Не последнее место занимали мысли о Глории, а точнее о том, как оградить её от опасностей.

Вдруг в дверь снова постучали, и кто-то вошёл в комнату. Фриджия, даже не взглянув в сторону двери, сразу поняла, что это её сестра.

– Как ты съездила? – спросила Глория, присаживаясь на край кровати.

Фриджия немного приподнялась, облокотилась поудобнее на подушки и вкратце обрисовала сестре ситуацию, в которой пребывали нищие из Низин.

– Это так ужасно, – с грустью произнесла Глория. – Почему брат так поступает?

– Такая у него политика.

– Ты ведь придумаешь что-нибудь? Поможешь им?

– Конечно. Обязательно.

– Если ты уже решила, как поступишь, расскажи и мне.

– Нет, ещё не решила. – Фриджия захотела переменить тему и спросила: – А как прошли твои занятия музыкой?

– Очень хорошо, как всегда. Я начала разучивать новую

мелодию на кифаре. Учитель сказал, что я делаю успехи.

– Сыграешь мне её, когда выучишь?

– Конечно, сестра. Хотя я и не уверена, что тебе это интересно.

– Почему?

– Я знаю, ты просто пытаешься быть вежливой, но на самом деле тебе больше нравится фехтование. Прости, что не могу стать для тебя партнёром как Моррит и остальные. С ними ты проводишь гораздо больше времени.

– Ты что же, ревнуешь? – Фриджия улыбнулась такому проявлению чувств. – Все мои действия направлены на достижение определённых результатов.

– А мои? Играть на кифаре мужу перед сном?

– Думаю, здесь более важен не конечный результат, а сам процесс.

Глория озадаченно нахмурилась, но ничего не сказала. Несколько минут она молча теребила край своего платья, в смущении опустив взгляд, затем вздохнула и улеглась на кровати возле своей сестры, взяв её за руку. Так они некоторое время лежали неподвижно, смотрели друг на друга, Фриджия с удивлением, а Глория с улыбкой, радуясь тому, что наконец решилась проявить больше чувств, чем обычно. Старшая сестра первой нарушила молчание:

– И откуда столько нежности? Неужели, так сильно оскучилась?

– Может быть, ты этого и не замечаешь, но иногда мы не

видимся по несколько дней. Не представляю, как это возможно, с учётом того, что живём мы не во дворце.

– Ты же знаешь, я не специально тебя избегаю. У меня много работы.

– Да, но все же... Раньше все было по-другому.

– Ты уже не маленькая девочка, чтобы всё время за тобой ходить.

– Конечно, когда тебе выгодно, я не маленькая, а на собрания ты меня не пускаешь.

– Тебе там нечего делать.

– Вот всегда ты так!

– У меня свои обязанности, у тебя свои.

Глория обиженно поджала губы, а Фриджия засмеялась, глядя на неё. Не удивительно, что она до сих пор считала сестру малышкой и старалась оберегать от всего и всех. Долго на неё обижаться Глория не могла.

Их мать умерла после рождения Глории, и обе сестры были лишены материнской заботы. Фриджия с раннего возраста привыкла ухаживать за сестрой. Она старалась заменить ей мать: кормила её, одевала, укладывала спать, оберегала. Поскольку и отец не принимал особого участия в их воспитании, сестры были предоставлены сами себе. В детстве они никогда не разлучались. Фриджия часто уходила в себя, была то замкнута, то вела себя весело и приветливо. Для Глории стало целью и счастьем заставлять сестру смеяться.

– Почему ты никогда со мной не делишься своими мыс-

лями и проблемами? Может, я смогла бы тебе помочь. А ты хочешь все решать в одиночку.

– Тебе не стоит так беспокоиться об этом.

– Ты не представляешь, как это трудно – пытаться тебя понять.

Фриджия улыбнулась своей милой, наивной сестре. Иногда она и сама себя не понимала.

– Поздно уже, – как бы между прочим заметила девушка. – А у меня ещё много работы.

– Ладно. Но обещай, что завтра мы хотя бы пообедаем вместе.

– Хорошо. Я и правда в последнее время была занята.

– Я знаю. И понимаю. Прости, сестра. Я просто боюсь, что однажды ты станешь такой, как отец.

– Не стану. Я гораздо лучше него.

Принцесса Фриджия обладала не только привлекательной внешностью, но и щедрым, заботливым сердцем. Именно об этой черте характера и говорил народ в последние два дня. Весть о том, что принцесса посетила Низины, быстро разлетелась по всей стране. Каэльцы пересказывали друг другу новости, иногда преувеличивая значимость этого поступка.

Для каэльцев принцесса Фриджия олицетворяла надежду на светлое будущее, как для страны, так и для каждого в отдельности. Именно поэтому её поступки для многих были любимой темой разговора. И Фриджия не без удовольствия

замечала это.

Улучив свободную минуту, девушка вышла в сад подышать свежим воздухом после работы в душном кабинете. В сопровождении Шайна и Моррита прошлась по саду, пока служанка готовила чай. Люди приветствовали её с площади, и она лучезарно улыбалась им в ответ. Для этого ритуала имелись свои причины, как и для всего, что делала Фриджия.

После прогулки они втроём устроились в тени с чаем и фруктами. Ее личным стражам позволялось очень многое: они частенько обедали вместе с принцессой, работали, отдыхали или тренировались. Со стороны это могло бы показаться странным или даже неприличным, ведь у принцессы не было ни одной фрейлины, но она упрямо игнорировала традиции. Однажды среди знати какая-то завистливая особа пустила слухок, что Фриджия спит со своими слугами, но слух этот исчез очень быстро, как и та дама.

После чая начался урок фехтования со специально приглашенным из заграницы мастером. Хоть её и защищали пятеро приближённых слуг и множество других людей, собственные навыки никогда не помешают. Также Фриджия обучалась различным наукам, половину из которых простой народ счел бы за колдовство, если бы знал о них. А поскольку она являлась принцессой, никто не смел упрекнуть её в увлечении такими не положенными девушкам вещами. Конечно, кроме Бенедикта и верной ему знати.

Урок завершился, и Фриджия, не слишком довольная ре-

зультатами, направилась к своим покоям, однако переодеться и отдохнуть так и не успела – послышался стук в дверь. В комнату вошёл Фиделис с листами бумаги в руках.

– Я выполнил ваше поручение, – объявил он.

– Хорошо. Это очень кстати. Благодарю, что так быстро. Сообщите основную информацию.

– В Центральном городе нищих более тысячи человек, из них двести семнадцать детей младше пятнадцати лет. Болезни: воспаление легких, дизентерия, нома. Ещё, говорят, там несколько прокажённых. В бедном районе Северного города обитает примерно восемьсот человек, из них двести семьдесят шесть детей. Болезни: в основном, нома. Западный город: около пятисот нищих, из них сто сорок восемь детей. Сейчас болеют туберкулезом. В Южном городе нищих чуть меньше трёхсот человек, детей – сто двадцать шесть. Восточный город: более пятисот нищих, детей – меньше ста. Там самая высокая детская смертность.

– Ясно. – Девушка нахмурилась. – Если так пойдёт и дальше, не избежать очередной эпидемии.

– Часть этих болезней возникает из-за плохого питания, а часть из-за условий, в которых проживает чернь.

– И ни то, ни другое я не в силах изменить.

– Вот подробный отчёт, – Фиделис протянул принцессе бумаги. Она приняла их и сказала:

– Не мог бы ты объявить о совещании? Только для моего круга. Состоится в шесть часов вечера где обычно.

– Конечно, госпожа.

– Благодарю.

Фиделис поклонился и покинул комнату, а Фриджия, лежа на кровати, принялась изучать его отчёт о бедных районах страны.

Совещания так называемого круга проходили в маленькой потайной комнатке с хорошо изолированными стенами, которая тщательно охранялась надёжными людьми. Кругом для краткости называлось её ближайшее окружение: пятеро верных слуг, советников и стражей.

Моррит являлся правой рукой принцессы. Он был в курсе всех её дел, сопровождал её в поездках и на прогулках. Много лет назад Фриджия тщательно подобрала для себя личную стражу, каждый из которых имел определённые качества. Она сама выбрала всех, кроме Моррита – его к ней приставил отец, и с него все началось.

В обязанности Рави входило сохранение репутации принцессы – важная часть их совместного плана. Люди, находившиеся под его командованием, внешне ничем не выделялись среди обычных граждан. Они должны были докладывать о настроениях народа, могли пускать выгодные слухи и разносить новости.

Фиделис осуществлял деятельность по части информации. Его люди работали во многих государственных органах, находились на службе у короля, поэтому Фриджия всегда

знала всё, что происходит в главном дворце.

Шайн главным образом являлся советником принцессы по части финансов, занимался также политическими вопросами и иногда сопровождал принцессу в качестве охранника.

Пятым приближенным принцессы был Эквитум. Он в основном сопровождал Глорию, следил за её безопасностью по приказу принцессы. Он единственный из круга владел познаниями в хирургии, тайно изучая её вместе с Фриджией. Разумеется, для всех остальных эти пятеро были простыми стражами.

Незадолго до назначенного времени у двери в комнату собраний разместилась охрана. Приближённые принцессы по одному входили в раскрытые двери, где она уже ждала их, откинувшись на спинку кресла во главе стола. Тесное пространство освещалось свечами, окна отсутствовали. Такая обстановка для проведения тайных собраний была вынужденной мерой, ведь среди простых стражей и рядовых слуг вполне могли затесаться шпионы короля.

Когда вошёл последний из круга, стражники закрыли за ним массивную дубовую дверь с железными вставками. То, о чём говорила принцесса со своими советниками, осталось надёжно скрытым в стенах этой комнаты.

Настал тот самый день, когда к принцессе Фриджии должен был нагрянуть с визитом её нареченный – принц Сильвании Кириэлл.

Сильвания считалась одной из наиболее самобытных стран. Несмотря на то, что границы страны обозначались лишь древними лесами, мало кто решился бы переселиться туда. Чужеземцев частенько пугали слухами о невероятных тварях, которых местные жители держат в качестве домашних питомцев вместо лошадей и собак. Сорны – неизвестного происхождения твари с чёрной жесткой шкурой, выступающими клыками и вытянутой мордой, похожие на дикую смесь вепря и пумы – не встречались больше ни в одной местности, а их вывоз или продажа карались смертной казнью.

Сильвиты ревностно охраняли свои традиции и обычаи от чужаков, а полукровки в их краях встречались крайне редко. Тем не менее, король Виктор смог установить хорошие отношения с правителем Сильвании ещё во времена своей юности, и заветной мечтой обоих монархов стало объединение через брачный союз их детей.

Фриджия в просторном белом платье с красной каймой лежала на подушках, отрешенно глядя сквозь потолок. Так продолжалось уже несколько минут, и могло бы продолжаться-

ся дальше, если бы не стук в дверь. В темном проёме показалась фигура Моррита.

– Принц скоро прибудет, – сообщил он.

– Пойду его встречу.

Девушка поднялась с кровати, заглянула в зеркало, поправила золотистые пряди, выбившиеся из причёски. Вместе со своим слугой по слабо освещенным коридорам она медленно направилась к главному входу. Руки нервно вцепились в складки платья, и этот незначительный жест не ускользнул от внимания Моррита.

Они остановились в холле перед главным входом. Стражи, дежурившие в помещении, поклонились при появлении принцессы, и она приказала себе расслабиться и улыбнуться.

В ожидании Фриджия неподвижно стояла, прислонившись к колонне, затем тихо обратилась к Морриту:

– Как я выгляжу?

– Вы, как всегда, обворожительны, принцесса, – улыбнулся ей слуга.

– Хорошо. Знаешь, такое ощущение, что я как будто бы... волнуясь. Очень надеюсь, что это не слишком заметно.

– Я бы сказал, что это будет воспринято как добрый знак. Кириэлл ценит искренность.

– Ага, – выдохнула девушка, ещё раз поправляя причёску.

– Не беспокойтесь, я буду с вами на протяжении всей встречи.

– Я знаю, просто...

В этот момент двери распахнулись, впуская внутрь Южного дворца солнечный свет и потоки ветра вместе с запахами травы, пота и диких животных.

Один из стражников возвестил:

– Принц Кириэлл из Сильвании!

Из солнечного света в дверном проёме во тьму особняка шагнула фигура, следом другая. Кириэлл являл собой яркий пример потомственного сильвита королевских кровей: светлая кожа, тонкий изгиб бровей, иссиня чёрные волосы, которые неровными прядями лежат на широких плечах. Он носил традиционную укороченную кофту, подчёркивающую его отлично сложенное тело. За его плечом остановился личный телохранитель принца, Реджин.

Фриджия, следуя правилам этикета, поклонилась принцу, и он приветственно поклонился ей. Обменялись формальными фразами, после чего он подал ей руку, а на лице засияла широкая улыбка – сильвиты не отличались сдержанностью в проявлении эмоций.

Вместе со своими слугами они проследовали в комнату для чаепитий. Полы здесь застилал мягкий ковёр, в центре стоял круглый стол из тёмного дерева, кресла с бархатной обивкой и обилием подушек. Оба телохранителя вытянулись у двери, стараясь никак не проявлять своего присутствия. В это же время служанки принесли чай и угощения.

Как только все посторонние ушли, Кириэлл заключил свою нареченную в объятия.

– Я так скучал по тебе.

– Я тоже.

Наконец, он отпустил её, и несколько минут они просто смотрели друг на друга, не замечая никого и ничего вокруг. Фриджия, как будто вспомнив о присутствии слуг, смущённо отвела взгляд. Каждый раз, когда она так делала, сердце Кириэлла начинало биться быстрее.

Оба опустились в кресла, и принц поспешно придвинулся ближе к столу.

– Какие новости? – поинтересовалась принцесса, разливая по чашкам горячий чай.

– Отец, кажется, простудился.

– Надеюсь, это не опасно? Что говорят лекари? В его возрасте от болезней нужно избавляться как можно раньше.

– Не беспокойся, всё будет в порядке, – заверил её принц. – Всего лишь небольшой кашель. Это быстро пройдёт.

– Мне бы хотелось его навестить, если можно.

– Он будет очень рад тебя видеть. В последнее время только о тебе и говорит.

– Правда? Надеюсь, только о хорошем.

– О чём это ты? Разве о тебе хоть кто-то отзывается плохо? Фриджия пожала плечами.

– Репутация моего брата может пагубно сказаться и на моей.

– Поверь, мой отец вас никогда не сравнивал. Он, так же

как и я, считает Бенедикта... Не в восторге от его политики.

– При мне можешь говорить открыто, – улыбнулась девушка. – Никто не в восторге от его политики. А как насчёт ваших придворных? Что они обо мне думают?

– Наш союз давно спланирован, и они уже привыкли к мысли, что когда-нибудь ты станешь их королевой. Никто не настроен против Каэлур, только против короля. Уверен, все понимают, что вы с братом – разные люди.

Фриджия нежно коснулась руки нареченного в знак благодарности за поддержку. Он накрыл её ладонь своей и с тоской заглянул в глаза.

– Вот только, со времени кончины твоего отца мы ни капли не продвинулись к тому, чтобы упрочить союз наших стран.

– Осталось всего лишь договориться с братом.

– Несмотря на все препятствия с его стороны, я не собираюсь отступать.

Кириэлл был слишком горд, чтобы это признать, но уже много лет он мечтал о том дне, когда сможет назвать Фриджию своей женой. Он хотел быть с ней каждый день, а не довольствоваться редкими часами, да ещё и под постоянным наблюдением слуг.

– Почему он не даёт согласие на наш брак? Как ни посмотри, он останется только в плюсе.

– Я думала об этом. Точно не знаю, но из всех возможных вариантов... С его богатым воображением не исключено, что

он полагает: если я получу власть, я смогу свергнуть его и править Каэлур самостоятельно.

– Это и правда единственное объяснение его категорического отношения к этому вопросу.

– Бенедикт всегда отличался параноидальным мышлением.

– Стоит пойти к нему, поговорить. Снова.

– Тебя он в любом случае примет, он не хочет конфликтовать с Сильванией. А меня он не желает видеть, о чем ясно дал понять два года назад, поэтому придётся тебе говорить с ним в одиночку.

– Похоже, он единственный человек в стране, который тебя недолюбливает.

– Нет, есть такие и среди знати. Я много кому доставляю неудобства своими действиями.

– Себялюбивые неблагодарные твари.

– Не стоит судить людей за навязанные мысли. Это все – пагубное влияние моего брата. Каждый из них достоин лучшего.

– Как всегда, сама доброта, – улыбнулся Кириэлл. Иногда он лишней раз благодарил судьбу за то, что свела его с этой во всех смыслах удивительной женщиной.

Идиллию прервал резкий стук в дверь, довольно громкий, что могло бы сказать о том, что стучавший чем-то встревожен.

– Можно, – сказала принцесса, обеспокоенно нахмури-

шись: отвлекать её во время общения с Кириэллом разрешалось только по важным причинам.

В дверях возник Фиделис, который выглядел мрачнее, чем обычно, хотя казалось бы, это невозможно. Он поклонился принцессе и принцу и отрапортовал:

– Доверенные люди сообщают о пожарах в бедных районах страны.

Лицо Фриджии потемнело, она схватилась рукой за край стола.

– Подробнее.

– По неизвестным пока причинам примерно в одно и то же время в каждом из бедных районов стал распространяться огонь. Очевидно, жертв не избежать: пламя с большой скоростью распространяется по скученным деревянным постройкам. Больше пока ничего сказать нельзя.

– Ясно. Пошлите побольше людей на тушение пожаров. Позаботьтесь о спасении людей, в первую очередь детей. Не забывайте оповещать меня.

– Да, ваше высочество. – Он ещё раз поклонился, и звуки его быстрых шагов скоро пропали за поворотом коридора.

Принцесса Фриджия ещё некоторое время печально глядела ему вслед. Казалось, это известие она восприняла как личную трагедию. Она вздохнула и тихо сказала:

– Меня волнует судьба людей нашей страны. Они ведь и так страдают. А сколько ещё им предстоит вынести? Но я ничего не могу с этим поделать.

Кириэлл потянулся к её руке. Невыносимо было видеть боль в глазах возлюбленной.

– Перестань, Фриджи! Не ты виновата в их бедах. – Девушка только вздохнула. – Ты, наоборот, стараешься помочь, сделать их жизнь лучше. Все это видят, не только я. Я уверен, если бы ты была у власти, ты бы не допустила всего этого.

– Спасибо за твою доброту, – отозвалась девушка с горькой улыбкой.

"Если бы".

Вечером, когда принц Кириэлл покинул Южный, пообещав в скором времени поговорить с королём Бенедиктом, Фриджия устало направилась в свои покои. На лице её не осталось ни капли прежнего настроения.

По пути она обратилась к Морриту:

– Как я, по-твоему?

– Как всегда, великолепно.

– Иногда мне кажется, что я слишком эмоциональна.

– Кириэлл гораздо более эмоционален. Я бы даже сказал, совершенно несдержан. Вы заметили, как он... его...

– Да, заметила. Не в первый раз.

– Пожалуй, это нормально.

– Пожалуй. Кстати, ты не мог бы сказать на кухне, что я не буду ужинать?

– Конечно, госпожа. Но вам не следует так часто пренебрегать приёмами пищи.

– Спасибо за твою заботу, Моррит. – Девушка тепло улыбнулась своему стражу. – И за все, что ты для меня делаешь.

– Для меня это честь и радость, ваше высочество.

Оказавшись в своей комнате, Фриджия тут же упала на кровать, зарыв голову в подушки. Её головная боль не давала ей покоя, преследовала изо дня в день, иногда принося бессонницу и головокружения. Но об этом никто не догадывался, даже Моррит, который обычно подмечал легчайшие изменения в её настроении. Она никогда не жаловалась, старалась не подавать повода для беспокойств. Возможно, просто хотела казаться сильной в глазах своих подчинённых.

Не успела Фриджия как следует расслабиться, в дверь дважды тихо постучали. Вошла Глория и села на кровать, не сводя с сестры пристального взгляда. Фриджия сразу поняла, на какую тему предстоит разговор, поэтому села в кровати, со всей серьезностью вглядываясь в глаза сестры. Самые родные для неё светло-синие глаза, правый из которых с зелёным пятном на радужке. Девушка хотела бы избежать этого неприятного разговора, но рано или поздно он всё равно должен был состояться.

– Я слышала, что случилось сегодня в бедных районах, – начала она бесцветным голосом. – Твои солдаты пытались потушить пламя и спасти людей. Но спасти удалось не всех. Я слышала, эвакуировано большинство детей и некоторые взрослые. Множество людей сгорели заживо. Это ведь ужасно, да? Когда люди гибнут, ещё и такой мучительной,

несправедливой смертью.

– Да, Глори.

Глория вздохнула, прикрыла глаза на мгновение – казалось, она вот-вот заплачет – и с болью в голосе произнесла:

– Это ведь ты, да?

Фриджия долго смотрела в глаза сестры, пытаясь угадать её мысли, потом вздохнула и отвела взгляд.

– Я знала, что ты догадаешься.

– Зачем ты это делаешь, сестра?

– Ты не поймёшь сейчас смысл моих поступков. Ты и не обязана меня понимать.

– Просто объясни!

– Я делаю то, что считаю нужным. Хотелось бы обойтись без жертв, но в некоторых ситуациях это не представляется возможным.

– По-твоему, убивать людей ради своих целей – это правильно?

– Я борюсь с жестокостью там, где это возможно, но иногда смерть – единственный, самый милосердный исход. – Глория все так же хмуро глядела на свою сестру, стараясь проглотить слезы обиды и боли. – Ты меня не поймёшь. Мы слишком разные.

– Но Фриджи! Есть ведь и другой путь!

– Этот путь самый верный.

– Они же верили тебе, надеялись на тебя! Разве тебе ничуть не жаль этих людей?

– Жаль.

– По тебе не скажешь. Похоже, ты полностью соответствуешь своему имени: «холодная».

– Очень жаль, что ты так считаешь.

– А что же мне теперь считать правдой? Человеческие жизни для тебя ничего не значат. Ты прекрасно исполняешь свою роль доброй принцессы. Кто знает, может, и я для тебя ничего не значу? Может, я просто груз, который повесили тебе на шею отец и брат? Может, поэтому ты хочешь выдать меня замуж – чтобы поскорее избавиться от меня?

– Глори. Разве тебе ничего не говорит тот факт, что я забочусь о тебе с самого детства? Думаешь, если бы я хотела избавиться от тебя, я бы стала терпеть все эти годы от Бенедикта...? – Она прикрыла глаза, глубоко вздохнула. Головная боль обрушилась с новой силой. – Ты моя единственная сестра. Ты все, что у меня есть.

Глория прекрасно помнила, как в детстве её постоянно защищала Фриджия. Сестра брала все её проступки на себя, часто получала за то, чего она не совершала. Сестра заботилась о ней каждую минуту своей жизни. Девушке вдруг стало стыдно за свое поведение.

– Как бы мне хотелось знать тебя настоящую...

– Невозможно по-настоящему узнать того, кто сам себе кажется чужим.

– Фриджи... когда ты стала такой?

– Кто знает. Наверно, всегда была.

Незадолго до заката принцесса Фриджия в сопровождении двоих телохранителей покинула дворец и вышла на площадь. Скоро вокруг неё собралась толпа растерянных, опечаленных и ничего не понимающих людей. Они все уже знали о происшествии с бедными районами, и теперь тихо, но возмущённо, с негодованием переговаривались между собой, строя предположения и высказывая догадки, кому и для чего нужно было совершать такое злодеяние. Но все голоса как один замолкли, когда принцесса произносила свою скорбную речь.

Начала принцесса с того, что напомнила людям о произошедшем, добавляя новые подробности, сообщённые ей Фиделисом. Принцесса приносила свои соболезнования и глубочайшие извинения за то, что мало чем смогла помочь. Она обещала, что подыщет выжившим в пожаре приют, постарается не допустить повторения этой ужасной трагедии в будущем, хотя у неё и мало полномочий. Она заверила людей в том, что обязательно найдёт преступника, совершившего всё это, того, по чьей вине погибло несколько сотен ни в чём не повинных граждан.

Выразила свои собственные чувства в отношении этого громкого события. Принцесса восприняла столь печальное происшествие как свою личную трагедию. А также добавила, что позаботится о сиротах, оставшихся без родителей после пожара в Низинах Южного города. Конечно, принцесса со-

жалеет, что не может позаботиться обо всех сиротах страны, но она не имеет такой возможности с предоставленными ей средствами и свободами.

В завершение она произнесла несколько сильных фраз, призванных улучшить состояние людей, подбодрить их, вселить в их сердца надежду на лучшее будущее.

Всё это принцесса говорила так искренне, что голос её проникал в огрубевшие сердца людей. Её участие очень много значило для них. Иногда во время обращения голос Фриджии то дрожал, то изменялся, и казалось, будто она еле сдерживает слёзы. Люди безоговорочно в неё поверили. Ведь большое значение имели не столько слова, сколько чувства, которые она в них вкладывала.

После своей речи принцесса отправилась навестить детей-сирот, которых сразу после пожара разместили в свободных комнатах особняка в крыле прислуги. Хоть места в Южном дворце было немного, а детей около сотни, их всё же удалось распределить по комнатам. Детей осмотрели лекари, слуги накормили их, раздали спешно собранную одежду и одеяла. Добровольцы из числа горожан собрались вместе, чтобы помочь в изготовлении кроватей.

Принцесса Фриджия старалась подойти к каждому ребёнку, уделить им свое внимание и подбодрить добрыми словами. И вскоре все невзгоды этого дня отступили перед открывшимися детям перспективами. Хоть они и скорбели по своим родителям, но понимали: могло быть гораздо хуже.

Не прошло и пары дней, как новость обошла каждого каэльца. О добротe принцессы слагали легенды.

Король Бенедикт никак не отреагировал на эту трагедию, зато принцесса как могла поддерживала людей. По её приказаниям погорельцам оказывалась медицинская помощь, а слуги подыскивали для них свободные чердаки и подвалы, чтобы дать людям хотя бы временное пристанище.

Кроме того, дети-сироты Южного города получили всё необходимое для дальнейшей жизни. Принцесса даже собиралась нанять для них учителей. У сирот появился шанс на лучшую жизнь. Когда-нибудь они станут образованными молодыми людьми, смогут найти хорошую работу и будут вспоминать свой бедный район как страшный сон.

Все понимали значение и важность принцессы в их жизни и видели будущее страны только в её руках. Многие уже открыто выражали свой протест королю и требовали передать власть принцессе Фриджии.

Но решающей искры для пламени восстания ещё не возникло.

Фриджия была одной из немногих в те времена людей, которые делают то, что считают нужным, а не то, что правильно по мнению большинства. Поступать наперекор всем установленным правилам – в этом заключалась её игра с миром. Она любила планировать – и проверяла, насколько далеко сможет зайти. Для достижения своих целей она использовала эмоции других людей. В этом и состоит мастерство хорошего управленца: люди делают то, что тебе нужно, и при этом уверены, что поступают так по собственному желанию.

Но не все в жизни поддается холодному расчёту. Не всегда можно смотреть на мир глазами беспристрастного наблюдателя. Эмоции – вот, что мешает действительно великим свершениям. При всем желании Фриджия не могла от них полностью избавиться, ведь она всего лишь человек.

Чем грандиознее план – тем большему риску подвергается Глория. И это единственный человек, которым Фриджия не смогла бы пожертвовать ради своей цели.

Кроме сестры существовал ещё один человек, почти настолько же важный для принцессы. Она могла бы поставить его под угрозу, но жертвовать им не хотела. Потому что такие, как она, если и привязываются к кому-то, то очень крепко. И разрушить эту связь может только предательство.

С раннего детства Фриджия не желала принимать устои

этого мира как данность. У неё на всё было своё мнение. Она видела мир совершенно по-другому, чем все остальные люди, и отчасти такое видение стало возможным благодаря феноменальной памяти. Память – тяжёлый груз.

Любой человек сам для себя решает, что ему считать плохим, а что хорошим, что ему можно, и что нельзя. Установленные правила, морали всего лишь призваны поддерживать порядок в обществе. И если уметь правильно воспользоваться этим, можно многого добиться. Можно изменить мир.

И Фриджия находила именно это своей целью – она хотела изменить мир. Поменять законы, правила, порядки, устои, мораль. Изменить само сознание людей. Для этого требовалось стать той, за кем хотят следовать.

У каждого человека, пусть и неосознанно, есть свой идеал: идеальная женщина, идеальная любовь, идеальная принцесса. Хоть вкусы людей отличаются, но в целом их представления схожи. Фриджия читала людей как открытую книгу, подмечала их вкусы и, приложив немного усилий, становилась такой, какой её хотели видеть. Для каждого менялась, чтобы внушить доверие, понравиться именно ему.

Это искусство во многом зависит от внешности и актёрского мастерства, но чтобы в полной мере открыть в себе такую способность перевоплощения, она упорно занималась. В основе всякого умения лежит знание.

Знание – это власть, сила, оружие. Нужно лишь суметь им правильно воспользоваться.

Принцесса проснулась от ласковых утренних лучей, проникавших сквозь занавески. Она, как всегда, не видела снов. Но просыпаться не хотела, ведь только ночью мысли и шум в голове оставляли её в покое.

Девушка неохотно встала с кровати, выбрала подходящий для сегодняшнего дня наряд. Тут вошла Глория, не спрашивая разрешения. Похоже, она была взволнована, хотела заговорить, но замолчала, увидев старый, но все еще заметный шрам на спине сестры. Глория снова почувствовала вину, ведь этот шрам предназначался ей, а не Фриджии. Но старшая сестра поступила как и всегда: защитила ее.

– Что-то случилось, Глори? – спросила Фриджия, быстро закончив одеваться.

– Да... Доброе утро, сестра. Прости, что вот так ворвалась. Я сожалею. Там на площади собрались люди, все они говорят о тебе. Ты выйдешь к ним?

– Как интересно. Не знаешь, чего они хотят?

– Справедливости...

На площади принцессу встретили просьбами о помощи. Из всеобщего шума стало ясно, что после пожаров собрались люди, которым небезразлична судьба нищих и детей-сирот. Они отправились к главному дворцу просить короля о том, чтобы он проявил хоть какую-то заботу о бедняках. Никому не хотелось повторения этой трагедии. Похоже, королю такое массовое мероприятие не понравилось, и он велел каз-

нить всех участников за государственную измену. Монарх оказался скор на руку – без суда и следствия, без возможности оправдаться несколько десятков человек были показательно казнены на главной площади перед дворцом. Тела изменников так и не выдали родственникам.

Теперь не осталось никакой другой надежды, кроме принцессы. Люди просили её посетить короля, выяснить причину казни ни в чём не повинных людей и потребовать ответа за столь жестокую расправу.

И Фриджия уже знала, чем это кончится.

Принцесса тут же дала необходимые распоряжения, приказала своему гонцу известить короля о предстоящем визите и успокоила собравшуюся толпу добрыми словами.

– Мне поехать с тобой, сестра? – Глория с бледным лицом, напуганная страшными новостями ходила повсюду за Фриджией, пока та готовилась к отъезду.

– Ни в коем случае.

– Почему? – На самом деле, она не хотела ехать: очень боялась Бенедикта. И Фриджия прекрасно это понимала.

– Ты же знаешь нашего брата. Боюсь, после всего этого у него мог окончательно помутиться рассудок. Вдобавок, эти его припадки гнева... В общем, лучше останься здесь.

– Я за тебя волнуюсь.

– Я справлюсь.

– Кто с тобой поедет кроме Моррита?

– Ещё двое слуг. Остальные останутся здесь, с тобой.

– Но Фриджи! Прощу, возьми побольше своих людей!

– Не волнуйся так, всё будет нормально, я уверена. А я ведь никогда не ошибаюсь, так? Ну всё, мне пора. Обещай, что не станешь творить глупости.

– Ну я же не маленькая!

– Очень на это надеюсь.

Повозка принцессы всё дальше удалялась от Южного дворца под шумный хор людских голосов и полные надежд взгляды.

После отъезда сестры Глория долгое время не могла успокоиться. Она вообще стала чересчур волнительной, как говорила её сестра, хотя в детстве была чересчур беззаботная, и за все её шалости доставалось, конечно, Фриджи.

Глория снова вспомнила тот шрам на спине сестры. Раньше, когда ещё вся королевская семья жила вместе во дворце, они не редко виделись с братом, тогда всего лишь младшим сыном короля. Он всегда относился к сёстрам холодно. Уже тогда у него случались неконтролируемые приступы гнева, однако это никто не хотел замечать. Во время одной из таких вспышек ярости Бенедикт захотел наказать маленькую Глорию за какой-то незначительный проступок, но сестра её защитила.

Поэтому Глория очень боялась за сестру. Кто знает, как он поведет себя на этот раз? От него можно было ожидать чего угодно. Он мог ударить сестру за любое слово, как делал

до этого множество раз. Уверенности не добавляло и то, что брат почему-то боится Фриджию. А как известно, то, чего человек боится, он старается уничтожить.

Уже в который раз Глория пыталась прочесть хоть страницу из книги, но мысли её снова возвращались к сестре. Наконец, она отложила книгу в сторону, признав бесполезность этого занятия.

За другим концом стола так же с книгой в руках сидел Эквитум, открытый и общительный молодой человек. Его чаще остальных Фриджия оставляла присматривать за младшей сестрой, чему Глория была только рада. Даже в своей форменной одежде он не внушал такого трепета, как остальные, благодаря юношеской внешности и забавным светлым кудрям.

– Как думаешь, – заговорила девушка, – как там Фриджия?

Эквитум поднял глаза от книги:

– Не переживайте так, принцесса. Они ещё даже не добрались до дворца.

– А если что-нибудь случится?

– Я уверен, она найдёт выход из любой ситуации.

– Да, наверно. О чём они будут говорить? Я лишь мельком слышала людей на площади, так и не успела ничего понять.

– Принцесса попытается добиться помощи нищим из бедных районов, спросит о тех людях, которых казнили вчера – их родные разгневаны, они хотят получить хотя бы тела для

похорон. Ещё собиралась поговорить с королём о налогах. У людей накопилось к нему много вопросов, но он, как вы знаете, давно не принимает прошения и не желает никого слушать.

– Я до сих пор не могу поверить, что он так запросто казнил несколько десятков людей. Почему? Ведь можно же было решить этот вопрос мирным путем.

Она покачала головой, вспоминая жуткие моменты из своего детства, когда Бенедикт безнаказанно издевался над животными и птицами. Кажется, он даже задушил любимого кота Фриджии.

– Если подумать, он всегда был жестоким и неуравновешенным, не то, что старшие братья. Я очень боюсь, что из-за всего этого он пойдёт на какой-нибудь необдуманный шаг.

– Нет повода для беспокойств, – заверил её Эквитум, – принцесса знает, что делает. К тому же она – гениальный стратег.

– Придётся поверить, – вздохнула Глория и снова раскрыла книгу, но через некоторое время опять захлопнула: – А Фиделис поддерживает с ней связь? Как мы узнаем, если вдруг что-то случится?

– Не волнуйтесь. Его люди во дворце пошлют почтового голубя с прибытием принцессы. И в дальнейшем будут держать нас в курсе дел.

– Но это же так ненадежно!

– Нет повода для беспокойств, – вздохнул Эквитум. – Сей-

час голубиная почта – самый надёжный и быстрый способ передачи информации.

– Да, но только если ваших голубей не перехватят ястребы Бенедикта.

– Его ястребов мы уже давно истребили.

Так прошёл час, другой, третий. Время для Глории тянулось бесконечно. Она не знала, чем себя занять, ей ничего не хотелось. Она глядела в книгу без особого интереса, тут же забывая все прочитанное, потому что мысли были заняты сестрой.

Вошёл Фиделис как обычно с непроницаемым выражением лица. Глория вскочила со своего места.

– Только что прилетел голубь из дворца, – сообщил Фиделис. – Принцесса Фриджия сейчас у короля. Он принял её без придворных, они ведут беседу наедине. Беспокоиться не о чем.

Глория опустила обратно в кресло. Ее тревожность ничуть не уменьшилась, ведь то, что король соблаговолил принять сестру, ещё не означает, что они придут к взаимному согласию. Можно было выдохнуть хотя бы оттого, что в дороге с Фриджией ничего не случилось. По расчёту Фиделиса, следующий голубь должен будет прилететь через несколько часов, чтобы сообщить об отъезде принцессы из главного дворца. Сама же принцесса будет только к ночи. Конечно, если не произойдёт что-то непредвиденное.

Глория решила утопить свою тревогу в занятиях музыкой. Это должно было отвлечь от навязчивого плохого предчувствия. Она повторяла разученную мелодию на кифаре, а Эквитум, как и всегда, был её единственным слушателем.

Вдруг дверь резко отворилась, и вошёл чем-то сильно встревоженный Фиделис.

– Прилетел голубь, – сказал он так, что Глория сразу занервничала. – Бенедикт приказал взять Фриджию под стражу. Собирается казнить ее за государственную измену. Официального заявления он ещё не сделал, но, надо думать, захочет решить этот вопрос как можно скорее.

– И... что же нам... делать? – шёпотом спросила Глория. Ее щеки побледнели, голова закружилась, стало трудно дышать – грудную клетку будто сдавили.

– Не волнуйтесь, принцесса, – сказал Эквитум, который ничуть не потерял самообладание. – Уверен, с вашей сестрой всё будет в порядке. Мы сможем её освободить. Нужно только подключить к этому народ и наших воинов. Король не выступит против всей страны.

– Может, отправить голубей Кириэллу? Он точно поможет.

– Так и сделаем. Фиделис, у нас есть указания на этот случай. Все будет хорошо. Ты займись почтой, а я соберу остальных наших.

– Эквитум, я ведь тоже поеду? – требовательно спросила Глория, пока страж вёл её к покоям.

– Похоже, что так.

– Я могу чем-то помочь?

– Думаю, да. Не выходите на улицу без меня, лучше всего оставаться в своей комнате. Скоро я вернусь. Вам нужно будет выступить перед народом с просьбой о помощи.

С этими словами Эквитум покинул её, и Глория осталась наедине со своими мыслями и болезненно колотящимся сердцем. От мыслей о том, что предстоит произнести речь на публике, нутро сводило от страха. Она будет задыхаться и краснеть, но ради спасения своей сестры она должна это сделать. Даже думать не хотелось о том, что может случиться с Фриджией, что её единственная сестра может умереть.

Уже через полчаса весь Южный облетели новости о судьбе принцессы. Город наполнился шумом, суматохой и гневом. Люди бросали свои дела и выходили на улицу, кто-то из них помогал с повозками для воинов и всех желающих, кто-то призывал людей вооружаться. Жители пребывали в возбужденном состоянии, решительно настроенные выступить, наконец, против кровавого тирана. Людские надежды на светлое будущее заключались в принцессе Фриджии. Только она одна помогала простому народу, она одна заботилась о благополучии города, и каэльцы не могли допустить её смерти. В эту минуту она нуждалась в их поддержке, но они нуждались в принцессе больше.

Создавалось впечатление, что все повозки и телеги Юж-

ного города были вывезены на улицу и заполнены людьми, задействованы все лошади и мулы, какие только нашлись на фермах. И когда все они покинули город, Южный будто бы опустел.

Позже выяснилось, что к Центральному дворцу потянулись процессии вооруженных жителей со всех городов Каэлур. Множество людей хотело помочь девушке, которая так много для них сделала. Они были настроены любой ценой освободить принцессу.

К вечеру люди со всей страны собрались в Центральном городе, заполнили площадь для казни с окровавленным эшафотом – ярким напоминанием о недавней трагедии, и прилегающие к дворцу улицы. Королевская стража, в свою очередь, выстроилась перед входом во дворец в несколько рядов. Металлические наконечники пик и полумесяцы секир грозно блестели в кровавых лучах закатного солнца. В воздухе повисло предупреждение, что все, кто попытается приблизиться, будут без промедления и сожаления отправлены в мир мёртвых.

Стражники при полном доспехе с профессиональным оружием в руках внушали трепет, и уверенность первых рядов пошатнулась, ведь большинство из них были вооружены лишь топорами, молотами или дубинами. Но скоро в первые ряды вышли хорошо вооружённые воины принцессы, готовые в любой момент применить свои смертоносные пики и чёрные мечи. Их появление вызвало волну одобрительных

возгласов.

Собравшиеся люди осмелели. Они потрясали оружием, плевались угрозами и требовали освобождения принцессы Фриджии, но все они замолкли и почтительно расступились перед процессией, которую возглавляла юная принцесса Глория. Эквитум, Фиделис, Рави и Шайн в тёмных форменных одеждах и с мрачной решимостью на лицах направлялись сквозь многотысячную толпу ко дворцу требовать у короля ответа.

– Никто из вас не пройдёт во дворец, – предупредил начальник королевской охраны. Он обвел мрачным взглядом Глорию вместе с её спутниками и толпу за их спинами. Сплюнул и с вызовом добавил: – Изменники.

Толпа возмущённо зароптала. Пока Глория старалась не позволять своему страху выбраться на поверхность, Фиделис со свойственным ему хладнокровием практически вплотную придвинулся к начальнику охраны.

– Мы хотим лишь свободы для принцессы Фриджии. И только. Если король отпустит её, мы тут же уйдём. У нас мирные намерения.

– Ага, как же, – мужчина покосился на воинов и людей с импровизированным оружием.

– У нас мирные намерения. Однако, если король откажется выполнить наше требование, мы готовы сражаться за свободу принцессы. И тогда жертв не избежать. Передайте королю мои слова, а также скажите, что все подземные ходы

перекрыты нашими людьми. Уверен, он все поймёт и примет правильное решение, которое удовлетворит каждую из сторон. Воля народа – воля Каэлур.

Начальник охраны подозрительно уставился на него, размышляя, как далеко они на самом деле готовы зайти. Кивнул одному из своих подчинённых, и тот скрылся в необъятной пасти дворца.

Время шло, ожидание затягивалось, толпа пылала недовольством. Глория с нервно сжатыми дрожащими руками рассматривала дворец. За те два года, пока они с сестрой жили в Южном городе, главный дворец ничуть не изменился: всё те же бесконечные щербатые ступени, исполинские колонны, зарастающие мхом, островерхие крыши с загаженной птичьим пометом черепицей. Такое ощущение, что Бенедикта не заботил внешний вид его дворца. Впрочем, не только дворца. Весь Центральный приобрел признаки запустения: мусор и человеческие испражнения в неисправных сточных канавах, обглоданные кости в тёмных углах, обилие крыс и бродячих собак и соответствующий всему этому въедливый запах мочи и гнили.

Недовольные выкрики людей переросли в радостные возгласы. Толпа расступилась, пропуская к дворцу вооружённый отряд сильвитов с их боевыми сорнами. Принц Кириэлл верхом на своём чёрном сорне вместе с двумя телохранителями присоединился к спутникам Глории.

– Кириэлл, наконец-то! – воскликнула девушка. – Как я

рада, что ты здесь.

– Ваше высочество, – он приветственно поклонился принцессе. От его сорна валил густой мускусный дух, с клыков стекала слюна, а плетеобразный хвост угрожающе бил по истертым плитам. – Введите меня в курс дела.

– Мы огласили требование освободить принцессу, но пока ответа не поступило.

– Он ведь не пойдёт против всего народа, правда? Любой бы понял, что ситуация безвыходная. – Глория провела руками по горячим щекам. – О, я так волнуюсь! Мы ждём здесь уже целую вечность.

Кириэлл положил тяжёлую ладонь на ее плечо.

– Не волнуйся. Подождем ещё немного. У короля не осталось выбора, в конце концов он должен подчиниться. Но если не станет... – Его глаза засветились огнём, на лице возникла зловещая улыбка. – Пусть только даст повод – мой сорн сожрёт его живьём на потеху всему городу.

Со скрежетом отворились дворцовые двери. Все в ожидании повернули головы на звук. Из темноты прохода вышла принцесса Фриджия. Казалось, она была удивлена такому количеству народа, что пришли поддержать её. В последних лучах солнца можно было увидеть след от удара на скуле и кровавые подтеки на запястьях. Моррита и ещё двух слуг, прибывших с принцессой во дворец, видно, не пожелали отпустить.

При виде сестры сердце Глории наполнилось счастьем, из

глаз готовы были потечь слезы облегчения. Она еле удержалась от того, чтобы броситься ей на шею. Надо держать себя достойно: всё-таки, на них смотрит полстраны.

Фриджия с обворожительной улыбкой положила ей руку на плечо, перевела взгляд на принца, легонько кивнула ему, и после обратилась к людям:

– Спасибо всем вам за то, что беспокоились обо мне. Ваша поддержка много значит для меня. Сердце переполняет гордость и благодарность за то, что остались со мной в трудную минуту. Как видите, я в порядке, король отпустил меня: он уважает волю народа.

Со стороны толпы слышались счастливые возгласы и слова божественного покровительства, направленные принцессе, попеременно с гневными выкриками и проклятиями в адрес короля. Люди пришли сюда, готовые проливать кровь и вершить правосудие. Кто-то выкрикнул:

– Долой короля!

И вскоре осмелевшие каэлыцы, так долго угнетаемые жестоким и слабым правителем, подхватили эти слова.

Сама собой толпа загорелась идеей, подогреваемая ненавистью. Из уст каэлыцев посыпались обвинения против короля и его власти. Несправедливая и незаконная казнь нескольких десятков человек. Пожары в бедных районах, устроенные по его приказам. Наконец, ложное обвинение своей собственной сестры в государственной измене, её незаконное задержание и попытка свести свои личные счета. Король,

который должен поддерживать в стране порядок, обеспечить честный суд, наделе оказался самоуправцем и братоубийцей.

Принцесса Фриджия подняла вверх руки, добиваясь тишины, и терпеливо дождалась, пока гневная толпа прекратит свои выкрики.

– Сын короля ещё слишком мал, чтобы править страной. Это очень важное, судьбоносное решение, не стоит принимать его сгоряча. Сейчас будущее страны в ваших руках.

Из толпы закричали:

– Королева Фриджия!

– Долой короля! Да здравствует королева Фриджия!

– Воля народа – воля Каэлур!

Девиз превратился в мантру. Люди объединились, вспомнив свое право. Принцесса хотела успокоить толпу, но Кириэлл остановил её, и Фриджии пришлось отступить. Принц занял её место у края лестницы и воззвал к тишине.

– Если вы настроены серьёзно и не намерены отступить, мы выполним волю народа! Какова воля Каэлур?

– Долой короля! Да здравствует королева Фриджия!

Принц Кириэлл улыбнулся всем присутствующим и своей возлюбленной, его глаза наполнились азартным блеском. Люди скандировали свою мантру, и от гула их голосов дрожала земля.

– Именем всех жителей Каэлур, я объявляю, что отныне правителем этой страны является Фриджия Луна Каэльская,

сестра короля Бенедикта, дочь короля Виктора, а значит, наследование короны является полностью законным!

Одобрительные возгласы, всеобщее ликование, руки, поднятые к небу в знак божественного благословения.

– Именем всех жителей Каэлур, а также именем королевы Фриджии: король Бенедикт объявляется государственным изменником и подвергнется соответствующему наказанию!

Со всех сторон посыпались неразличимые в общей массе выкрики, но всех их объединяло одно: люди жаждали крови.

На город давно опустились сумерки, и вдруг посреди площади вспыхнуло яркое пламя. Кто-то поджёг деревянный эшафот, и в небо устремился столб искр и дыма. Огонь осветил возбужденные лица, засиял в их глазах и на острие оружия. Это было начало новой эпохи.

Воины принцессы потребовали королевских стражей опустить оружие и сдаться. Многие из них колебались, кто-то попытался укрыться во дворце, но двери оказались заперты с той стороны. Начальник охраны отдал приказ – и стражи, которых было всего несколько десятков, ошетились пиками, вынужденные своей грудью защищать дворец.

И тут толпа не выдержала. Люди потекли по ступеням в желании утолить свою жажду крови. Воины принцессы и отряд Кириэлла разделились надвое: одни кинулись в бой, другие окружили своих правителей, чтобы те не пострадали в воцарившемся на ступенях дворца хаосе.

Завязался бой, в котором никто не хотел уступать. Но королевская стража даже близко не могла сравниться по численности с объединенными вражескими воинами и разгневанными каэльцами. В результате всей этой абсурдной со стратегической точки зрения битвы королевская стража оказалась полностью разгромленной, даже несмотря на то, что на подмогу им пытался прорваться в спешке созванный городской полк.

Некоторые стражи бросили оружие и попытались сдаться, но толпу уже было не остановить. Они били, кололи и резали безоружных и лежащих, пока не осталось в живых ни одного королевского приспешника. Ступени перед входом во дворец покрылись трупами, а мраморные колонны и дворцовые стены окрасились в красный.

Только через некоторое время удалось успокоить народ, и принц Кириэлл, объявив о завтрашней официальной коронации, вошёл в выбитые дворцовые двери вместе с двумя девушками и их телохранителями.

Была уже глубокая ночь, но люди не спешили расходиться, а устраивались прямо на площади перед дворцом. Все они хотели присутствовать на коронации.

6

Фриджия вместе со своей сестрой шла по бесконечным коридорам главного дворца. А где-то в другой его части Кириэлл с приближенными шли к королю, чтобы проводить его в тюремную камеру и освободить Моррита. Фриджия не пошла с ними, сославшись на плохое самочувствие, и теперь они с сестрой собирались найти себе место для ночлега. День выдался тяжелым и богатым на события.

Их не было во дворце всего два года, но за это время многое изменилось. На стенах длинных коридоров когда-то висели картины, множество картин, но их убрали, оставив только два портрета у входа – его и отца. Бенедикт не любил живопись. Зато он любил вычурные статуи и пустые доспехи, которые теперь украшали главные залы. Много из того, к чему привыкли девушки, отсутствовало. Создавалось впечатление, что Бенедикт ни капли не ценил наследие семьи, её обычаи и порядки.

– Фриджи... – попыталась начать разговор Глория, и её голос эхом отскочил от пустых стен и высоких потолков.

– Пожалуйста, не сейчас, – сказала Фриджия не естественным для неё уставшим голосом. – Давай все разговоры оставим на потом. Я жутко устала и хочу спать.

Но через некоторое время всё же добавила:

– Надеюсь, ты не слишком из-за меня переживала?

– Конечно, нет. Вообще не переживала. С чего бы? Тебя всего лишь хотели казнить.

Глория нахмурилась и тут же пожалела о своём тоне: не слишком удачное время для того, чтобы показывать характер. Но сестра лишь усмехнулась.

Их спальни находились рядом. Фриджия толкнула одну из дверей, где раньше была спальня Глории. Но её глазам предстала не уютная комнатка сестры, а какой-то склад. Здесь в несколько рядов разместили картины со стен коридоров. Зато кровать оставалась свободной, хотя и пропиталась порядочным слоем пыли.

Дальше Фриджия заглянула и в свою комнату. За дверью был не просто склад, а целая свалка: шкафы с посудой, старая одежда, какие-то ящики и сломанные стулья.

Комната Глории, по общему мнению, оказалась более пригодной. Искать среди ночи другие свободные комнаты никто из них не захотел.

Сестры сколько могли вытрясли пыль, проветрили комнату и улеглись спать. Фриджия заметила, что так поздно ложиться вредно для кожи, пожелала сестре доброй ночи и отвернулась к стене.

Глория ещё долго думала над тем, была ли частью плана вся эта ситуация, или смена власти произошла для всех неожиданно. Почему Бенедикт вообще решил свести с сестрой счеты? Ведь результаты этого поступка могли быть непредсказуемы, но ни к чему хорошему это уж точно не

привело бы. И, наконец, почему Фриджия не захотела сегодня же отдать Бенедикта на суд толпе? Неужели, она просто не желает брату смерти, или она снова что-то задумала?

Рано утром Фриджия проснулась первой, и почувствовала, что вдобавок к подтеку на скуле у неё круги под глазами. Мало того, что они и так легли поздно, так ещё и Глория полночи ворочалась, будто спала на голой земле. Естественно, что все эти отклонения от строгого режима не лучшим образом повлияют на самочувствие и внешность. А ведь сегодня такой важный день – коронация.

Девушка встала с постели, чтобы привести себя в порядок. Из-за этого проснулась и Глория, у которой круги под глазами были ещё темнее.

– Доброе утро, Глори.

– Что вчера случилось, сестра? Что он тебе сделал? У тебя синяки на лице и руках. Почему ты не выдала его толпе?

– Ещё не успела проснуться, а уже столько вопросов. Впрочем, как и всегда. – Фриджия поискала в комодке расчёску и села перед зеркалом. – Сначала брат вёл себя сдержано, но по мере оглашения тех требований, что просили передать люди, он все больше терял самообладание. Даже ударил меня, представляешь? – Она усмехнулась. – На руках у меня следы от тюремных кандалов. Вообще-то, могло быть и хуже: у бедного Моррита синяки останутся и на шее. Интересно, как он там? А что касается брата... Это же естественно,

что я не хочу его смерти, каким бы он ни был. Тем более, у него есть сын, Бенедикт-младший, ему сейчас восемь. Такой милый ребенок, хотя и избалованный, но это можно легко исправить.

Глория улыбнулась: раз сестра так много говорит, значит, она в хорошем настроении.

– Скажите-ка мне, дражайшая принцесса, вы разве не собираетесь вставать? – обернулась к ней Фриджия. Глория прыснула.

– Ах, простите, ваше величество королева Фриджия! Я встану сию же минуту!

– Давно пора, у нас много работы. Нам теперь придётся жить во дворце, как бы ты этого не хотела, так что подготовься к этому морально.

В ответ Глория вздохнула и принялась одеваться. Мысли о переезде ей раньше как-то не приходили в голову, но теперь будущее омрачалось перспективой провести жизнь в этом уродливом необъятном здании.

Собравшись, девушки покинули заставленную картинами комнату и направились по скучным темным галереям в главный зал, где Фриджия ожидала найти своих приближенных.

Та часть дворца, в которой они провели ночь, пребывала в состоянии покоя – для слуг во дворце были отдельные коридоры и лестницы. Вдобавок, слуги короля пока не знали, какая судьба им уготована, и скорее всего дождались распоряжений в своих комнатах.

Во всём своём величии перед девушками предстал главный зал, где устраивались приёмы и званые обеды, тоже сейчас пустовавший. А на другой его стороне располагались комнаты различного назначения. В одной из них Фриджия предполагала обнаружить своих стражей, так как их прежние комнаты уже были заняты другими людьми.

Несколько дверей спустя девушка обнаружила своих слуг, мирно спящих в креслах и диванах, явно не предназначенных для хорошего сна. Как только она вошла, мужчины начали пробуждаться, тереть заспанные глаза и смущенно извиняться, что госпожа застала их в таком неподобающем виде.

Фриджия одарила каждого приветливой улыбкой, произнесла несколько слов в благодарность за вчерашнее. Присела возле Моррита и аккуратно осмотрела его руки. На запястьях остались следы крови, но вывихов или переломов он не получил. После этого девушка пальцами приподняла подбородок и отогнула воротник, чтобы разглядеть ссадины на шее.

– Как себя чувствуешь?

– Не волнуйтесь, госпожа, это всего лишь небольшие подтёки. Со слугами особенно не церемонятся. – Он взглянул на ссадину на её лице. – Мне жаль, что это произошло. Если бы я был рядом...

– Брось. Необходимо чем-то жертвовать, пусть даже это лицо, на которое сегодня все будут смотреть. Пожалуйста,

как можно скорее обработай свои раны. – Она повернулась к остальным: – Я хотела сказать, что сегодня важный день. Коронация. Прошу вас заняться приготовлениями со всей тщательностью. Позаботиться об охране. Дать указания слугам. Найти свою парадную форму. Обо всем остальном позаботимся позже. Будьте готовы к обеду. У кого ключи от камер?

Эквитум снял с пояса связку ключей и протянул Фриджии, а та спрятала их в складках своего платья.

– На этом всё.

После этого приближенные разошлись по своим делам, а Фриджия отправилась на поиски служанок. Ей необходимо было принять ванну и привести в порядок свое лицо. Коронация – очень важный ритуал как для страны с её жителями, так и для будущей королевы. Тем более ответственной была именно эта коронация: впервые в истории Каэлур на трон собиралась взойти особа женского пола. Это предвещало новую эпоху.

В Каэлур существовало немало правил, по которым устраивалась коронация. И одним из этих правил было чётко определённое время – когда солнце находится в своём зените. То есть, возложение короны происходит непосредственно в момент прохождения солнцем высшей точки. До коронации осталось несколько часов, и это время проходило в предпраздничной подготовке, суете и всеобщем возбуждении.

И вот наконец наступил тот долгожданный момент, когда

солнце скоро должно было войти в зенит. Началась коронация.

Заиграла торжественная музыка. У главного входа во дворец выстроились войска Фриджии в сверкающей парадной форме, впереди всех стояли пятеро её приближённых слуг. На верхней площадке лестницы с обеих сторон от входа разместились знать и придворные, а у подножия все свободное место площади занимали простые люди. Они сидели на крышах ближайших домов, высовывались из окон и балконов, поднимались на ветки деревьев. Для всех без исключения настало время перемен.

Дворцовые двери торжественно распахнулись, и народу явилась будущая королева Фриджия во всём своём великолепии. На ней был красный с белым и золотым традиционный костюм для коронации, напоминающий военный мундир армии Каэлур. Хоть этот костюм был мужской – женских вариантов попросту не существовало и не могло быть сшито за такой короткий период – на девушке он сидел идеально. За утро его успели подшить по миниатюрной фигуре.

Принцесса шла вперёд величественно, грациозно и уверенно, приковывая к себе восхищённые взгляды. Многие считали её примером для подражания. За ней шла принцесса Глория в пышном праздничном платье. Она старалась держаться так же уверенно, как и её сестра, но, как всегда, подводили дрожащие руки и бешено колотящееся сердце. Замыкали процессию церемониймейстер, главный жрец и принц

Кириэлл.

Фриджия остановилась перед краем верхней площадки. Внизу стояло множество людей с обращёнными к ней лицами, полными священного трепета, благоговения и надежд. Она оглядела всю эту толпу, которой, казалось, не было конца.

Музыка затихла, предоставляя слово церемониймейстеру.

– В этот великий день боги назначают нашей стране нового правителя! – прозвучали и разнеслись по всей площади торжественные вступительные слова. – И, прежде чем солнце благословит королеву, я спрашиваю у вас, жители благословенной страны Каэлур, поддержите ли вы королеву?

Над площадью разнеслись одобрителльные возгласы.

– Народ поддерживает новую королеву, а воля народа – это воля Каэлур! Теперь выслушаем же торжественную клятву королевы!

Фриджия, следуя обычаям своей страны, положила правую руку на грудь в знак искренней и нерушимой клятвы, и заговорила искренне и уверенно. Ее сильный голос звучал под стать великим ораторам.

– Имя, данное мне отцом при рождении, Фриджия, имя, данное мне матерью, Луна. Пусть моё имя и моя жизнь служат залогом моей клятвы, и пусть каждый из вас будет ей свидетелем! Я, как новая королева Каэлур, клянусь своему народу в верности. Я сделаю всё на благо нашей страны и

её жителей. Все мои решения будут приниматься только с целью улучшения жизни людей нашей страны, ради процветания и благополучия, ради нашего общего будущего. Знайте, что каждый достоин лучшего, и это лучшее мы создадим вместе. Я отдаю свою жизнь служению нашей стране и её жителям.

Это прозвучало сильно и убедительно, а также впервые – помимо традиционных слов, в клятву следовало включать и свои собственные. Люди на некоторое время замерли, словно осмысливая услышанные слова, а затем взорвались бурными овациями, одобрениями и благословениями.

Церемониймейстер вручил главному жрецу золотую корону на красном бархате, которую украшали сверкающие камни. Люди снова замерли, не в силах оторвать взгляд от этого манящего символа власти.

– Пришло время совершить ритуал коронации! Пусть же боги благословят нашу страну и нашу королеву! Сегодня над Каэлур взошло новое солнце, и оно воссияет ярче прежнего! Так пусть же это новое солнце согреет сердца каждого из нас и подарит мир нашей стране! Я торжественно объявляю королевой Каэлур благословлённую солнцем Фриджию Луну, и знаком её божественной власти станет корона, достойная величайших правителей!

С этими словами жрец с самым торжественным и благоговейным видом опустил корону на голову Фриджии. Корона из белого золота засияла в лучах полуденного солнца. Она

одновременно притягивала взгляд и внушала трепет.

Но ярче короны сияла и притягивала взгляды её владелица – воплощение всех надежд и мечтаний людей. Величественная и неприкосновенная.

После совершения ритуала новая королева вместе со своими приближёнными спустилась к людям, чтобы они могли поприветствовать её. Фриджия шла по площади вокруг дворца, улыбаясь всем своей обезоруживающей улыбкой, люди перед ней почтительно расступались, кланялись ей и осеняли знаком божественного благословения.

Принц Кириэлл, следовавший за королевой, испытывал смешанные чувства. С одной стороны, он искренне радовался тому, что его обожаемая Фриджия избавилась от гнета брата и стала королевой, а с другой стороны, это добавит сложностей в их и без того непростые отношения. Обычаи запрещали заключение брачного союза между королевой и принцем. А это означало, что Кириэлл сможет быть вместе с Фриджией только после смерти своего отца и вступления в титул короля Сильвании. Но смерти отца он совсем не хотел.

В это время Глория пребывала в не меньшем смятении чувств: она не понимала, как ей следует воспринимать эту ситуацию. Хотя она точно знала, что её сестра станет отличной правительницей, ведь она очень ответственная и заботливая, и она точно сможет принести благополучие этой стране, чего так и не добился Бенедикт, но странное чувство тревоги не желало ее оставлять.

Фриджия же, наоборот, чувствовала себя превосходно. Она ощущала свою исключительность и неповторимость, ведь всё идёт согласно её плану. Теперь начнётся новый этап ее жизни, когда она уже не будет столь беспомощно перебиваться крохами власти, оставленными ей отцом. Она готова была воплощать в жизнь свои идеи, готова была изменить мир.

Весь остаток дня люди праздновали, пили и веселились, пели и танцевали. На площади играла музыка, а королевские повара устроили настоящий пир. Раз за разом каэльцы поднимали кружки и славили свою новую королеву.

Следующие несколько дней после коронации Фриджия посвятила обустройству своего нового места жительства. Слуги перевозили некоторые ее вещи из Южного дворца в главный, а также личные вещи приближенных. Так что Южный дворец полностью перешёл в распоряжение детей-сирот со всей страны, о которых королева проявила огромную заботу.

Дворец постепенно стал принимать ухоженный облик. Залы сияли чистотой, строгие и величественные, избавленные от хлама, которым любил себя обкладывать прежний владелец. На стены снова вернули портреты предков – некоторые из них пришлось восстанавливать после бестолковых вспышек агрессии со стороны Бенедикта.

Хоть за эти дни пришлось многое сделать, дворцовые слуги всё равно вздохнули с облегчением: работать вместе с королевой было одно удовольствие. Она не загружала работой до потери пульса и относилась ко всем с добротой и уважением. По сравнению с предыдущим королём, грубым и неуравновешенным, который избивал за любую мелочь, позволял себе брать служанок и казнил за косые взгляды, Фриджия оказалась совершенно другой во всех отношениях.

В то же время королева не забывала и о простых жителях. Было положено начало масштабной кампании по благо-

устройству городов. Уполномоченные люди занялись поисками жилья для выживших в пожарах нищих, а в далеко идущих планах было освоение новых земель под строительство. И, конечно, предстояло провести немало реформ в законах и перестановок в правительстве.

Хоть это было только начало, но оно уже принесло свои плоды. Поэтому люди, встречаясь с утра на торговых площадях, больше не критиковали королевскую власть, а благодарили судьбу за ниспосланное им новое солнце.

Уже целый час Фриджия сидела в одной из комнат своего дворца и ничего не делала, что было весьма не характерно для неё. Но, если она и страдала от безделья, всё равно не подавала вида – у неё гостил принц. Он позволил себе положить голову на колени Фриджии и наслаждался своим нечастым общением с ней.

Отец Кириэлла, Мирауль, несколько месяцев назад заболел простудой и до сих пор не мог вылечиться, ему требовались уход и присутствие сына. Только раз в пару декад принц мог себе позволить погостить у Фриджии.

Он разглядывал её белую кожу, золотые кудри и тонкие пальцы, и настроение портило только то, что все встречи обязательно должны были проходить в присутствии слуг.

– Поразительно, – заговорил он, чтобы не думать об упущенных возможностях.

– Что?

– Как ты смогла сократить расходы дворца с нескольких тысяч до нескольких десятков тури.

– Просто брат был излишне расточителен.

– Я понимаю: расходы на еду, на выпивку и развлечения – все то, чем ты особо не увлекаешься. Это стоит немало.

– У него была страсть к покупке разных эксклюзивных вещей, которыми торгуют в других странах. Только на покупку и перевозку статуй он истратил целое состояние.

– Собираешься их продать?

– Раз уж он их приобрёл, выберу самые лучшие и поставлю где-нибудь в городских парках. Остальные продам, если найдётся такой же повернутый покупатель. Во дворце вообще много разных вещей, от которых не мешает избавиться.

– Уверена? Это ведь семейные коллекции.

– Мне нужны деньги на строительство школ. Образование – очень важная сфера. Тем более в моей стране. Здесь читать умеют около десяти процентов населения. А ведь именно знание – основа прогресса.

Кириэлл улыбнулся: Фриджия сделала серьёзное лицо, а значит, проблема её действительно беспокоит.

– Уверен, у тебя есть план экономического развития страны.

– Конечно.

– Посвятишь меня?

– В стране есть свободные поля, а точнее земли, принадлежащие феодалам, которые те используют не по назначе-

нию. Есть горы – месторождение драгоценных камней и металлов. Есть множество незадействованных ресурсов, которым никто не придает значения. Кроме того, стоит заключить несколько выгодных сделок с другими странами.

– А, я слышал, к вам недавно приезжал посол Примы. Похоже, переговоры не увенчались успехом?

– Да. Он как раз хотел предложить выгодную на мой взгляд сделку. Но, похоже, они с Бенедиктом не смогли прийти к соглашению. Иногда я задаюсь вопросом, занимался ли кто-нибудь его обучением, – девушка картинно закатила глаза, а её нареченный усмехнулся. – Думаю, первой страной, куда я отправлюсь для установления новых торговых связей, будет Прима.

– И когда же ты планируешь поездку? Я уже не спрашиваю, отправишь ли ты посла или поедешь самостоятельно. – Он вздохнул и слегка нахмурился. Видно, эта идея не пришлась ему по душе.

– Сначала нужно удостовериться, что в Каэлур всё будет в порядке. То есть, через несколько месяцев. – Фриджия повернула голову на бок и добавила: – Конечно, сначала я бы хотела навестить твоего отца.

Кириэлл обрадовался этому. Фриджия уже давно не была в Сильвании, несколько лет – Бенедикт запрещал ей покидать страну.

– Жаль только, – снова заговорила девушка, – что я не смогу задержаться надолго. Сам понимаешь, нельзя остав-

лять страну без присмотра.

– Да, конечно.

Некоторое время он молча смотрел на неё, будто обиженный ребёнок, который требует внимания, но его постоянно игнорируют.

– Так когда тебя ждать?

– Когда позовёшь, – лукаво улыбнулась Фриджия.

Этого Кириэлл никак не ожидал. Обычно Фриджия пересматривает своё расписание и выбирает наилучший для неё день, чтобы договориться о следующем визите принца. Или Фриджия изменилась, или это для неё важно, решил мужчина.

– Завтра или послезавтра?

– Вполне.

– Отлично, – улыбнулся Кириэлл и после недолгого молчания добавил, покосившись на слуг: – Кто будет тебя сопровождать?

– Моррит и Рави.

– Почему они?

Рави, дежуривший в этот момент у двери, старательно делал вид, что не слышит их разговора. Фриджия задумалась. Наверно, не ожидала такого вопроса.

– А что такое? Они тебе не нравятся?

– Нет, просто... Моррит тебя постоянно сопровождает, где бы ты ни была.

– Мы знакомы с детства. Я ему доверяю. Он мне почти

как друг. И он искусный воин. В конце концов, тебя тоже постоянно сопровождают Ирис и Реджин, но меня это не беспокоит.

– Это потому, что они мои единственные телохранители, а у тебя таких пятеро.

Принц ревновал, хотя и не признавался себе в этом. Он ревновал свою Фриджию ко всем, но старался этого не показывать. А Моррит был особенным объектом недоверия и пристального внимания. В их отношениях с королевой было что-то странное. Возможно, все и правда так, как она говорит: за двенадцать лет их знакомства Моррит вполне мог завоевать её дружбу.

Внезапно их прервал резкий стук в дверь – снова, как будто неприятности специально поджидают момента, когда Кириэлл пытается насладиться обществом своей возлюбленной. Вошедший затем Фиделис коротко поклонился и обратил своё непроницаемое лицо к принцу.

– К вам срочное письмо из дворца Сильвании. Слуги вашего отца сообщают, что состояние короля резко ухудшилось. Король желает видеть вас и, по возможности, королеву Фриджию.

– Реджин, мы немедленно отправляемся, – обернулся принц к своему телохранителю. В его сердце сразу закралось тревожное предчувствие.

– Я тоже еду. Скажи об этом Морриту, пожалуйста, – попросила Фриджия, как всегда не теряя самообладания. –

Пусть готовит лошадей.

Слуга поклонился и вышел из комнаты, а Фриджия накрыла руку Кириэлла своей и заглянула в глаза.

– Кири. Твой отец – сильный человек, уверена, он справится, и всё снова будет хорошо.

– Я на это надеюсь. Спасибо, что ты со мной, Луна.

Долго собираться не пришлось. Моррит уже ждал во дворе с тремя готовыми к поездке лошадьми. Королева оказалась не только хорошей наездницей, но и умела найти подход к животным, так что лошади почти не боялись сорнов и спокойно следовали за ними. Моррит тоже отлично ладил с животными, ведь они учились этому вместе.

Миновав великое множество кварталов Центрального города и оказавшись за его пределами, они пересекли длинную полосу посевных полей, откуда открывался прекрасный вид на Драконьи горы вдалеке. Эти горы дугой пересекали несколько стран на материке и заменяли часть стены между восточными и северными воротами Каэлур. По этой же равнине протекала река, бравшая своё начало в горах. Она прорезала путь через всю страну с северо-востока на запад. За рекой расположился лес, плавно переходящий в населённые пункты – преддверье Восточного города.

Королевская процессия так быстро промчалась мимо редких домов, что мало кто из жителей успел обратить на них внимание.

Солнце уже начало клониться к закату, когда они оказались в центре Восточного города, примерно в двух часах езды от дворца. Столько же оставалось и до Сильвании. В Восточном пришлось сбавить темп до лёгкого галопа. Жители города выходили на улицы и приветствовали королеву, низко поклонившись ей, и ещё долго после её ухода не вставали с колен.

Вскоре показались восточные ворота, через которые они и покинули город. Сразу за стеной почва обрывалась крутым оврагом с речкой на дне, а дальше, насколько хватало глаз, сплошным зелёным покрывалом раскинулся густой смешанный лес. Ещё час пути предстояло двигаться по лесным тропам. Дороги как таковой не оказалось: по этому лесу перемещались лишь сильвиты на своих сорнах, а этим тварям дорога была ни к чему.

Лес оказался густым и темным, и ещё повезло, что королева со спутниками успеют миновать его до наступления темноты. Животные мчались с огромной скоростью, и деревья по бокам поля зрения сливались в единую тёмную массу, а над головами всадников мелькала светлая полоска неба, практически скрытая верхушками деревьев.

Лес закончился так же внезапно, как и начался. Взору открылись светлые незасеянные луга, плавно переходящие в сады с отдельно стоящими домами – западная окраина Сильвании.

Вокруг этой страны не возводили стену, поэтому и сво-

бодных земель здесь было больше. Ничто не ограничивало людей, решивших поселиться отдельно от остальных и прожить тихую жизнь, возделывая свой клочок земли. Многие сильвиты предпочитали уединение обществу.

Из-за сильной спешки не удалось остановиться в поселениях, через которые они проезжали. Много изменилось с последнего визита Фриджии в эти места, и она мысленно пообещала себе пройти обратный путь не спеша.

За последние полтора часа никто не пытался заговорить, у всех были свои причины для молчания. И первым, кто нарушил это молчание, был принц Кириэлл. Не сбавляя скорости, он повернулся к Фриджии:

– Уже скоро. Надеюсь, мы успеем вовремя.

Девушка кивнула. В его голосе она услышала напряжение и тоску: мысленно он уже приготовился к худшему.

Принц Кириэлл, обычно довольно спокойный по меркам сильвитов, сам себя не узнавал. В любой другой ситуации он бы определённо взял себя в руки и успокоился. Мужчина вспомнил себя несколько месяцев назад, когда он узнал, что его возлюбленную хотят казнить. Тогда он чувствовал гнев и тревогу, но ему удалось обуздать свои эмоции ради её блага. А сейчас его выдавал и голос, и выражение лица, и поникшие сами собой плечи. Хотя Фриджия и так всегда знала, что у него на душе, как бы он ни пытался это скрыть. Она обладала невероятной чуткостью, и он ценил в ней это качество.

Кириэлл поймал себя на мысли, что даже в такую минуту

он думает не об отце, а о Фриджии. Это было странно осознавать, но все попытки перестать думать о нареченной ни к чему не привели. Стоило принцу вызвать в памяти счастливые воспоминания прошлого, всё обязательно приводило к его встречам с Фриджией. Похоже, все хорошие моменты его жизни связаны с ней.

Он вспомнил их первую встречу шесть лет назад. Кириэлл был тогда избалованный сорванец, скучающий от всего того, что касалось дел его отца.

В тот день Мирауль сказал ему:

– Я ожидаю важных гостей. Скоро здесь будут король Виктор Каэльский с двумя дочерьми. Я хочу, чтобы ты присутствовал на приёме и показал себя с лучшей стороны, потому что старшая дочь, возможно, в будущем станет твоей супругой.

– Прекрати, отец, она же младше меня на четыре года! – отозвался капризный непослушный юноша. – Мне будет с ней не интересно.

– Я не знаю, какая она, но требую от тебя хорошего поведения на приёме, и не забудь проявить своё уважение королю!

Когда же прибыли гости, Кириэлл, заранее скучающий от предстоящего вечера, строил планы, как бы поскорее отделаться от отца.

С королём Виктором прибыли две светловолосые девочки, внешне похожие друг на друга, но по характеру – полные

противоположности. Младшая боялась всего нового: чужих людей и особенно сорнов, но было видно, что сама по себе она озорная и весёлая. Другая же была слишком серьёзная для своего возраста, её ничто не могло смутить, она всегда сохраняла спокойствие.

«Эта девочка наверняка очень скучная», – подумал тогда Кириэлл. Но всё оказалось совсем иначе. Принцесса могла без труда поддержать любую беседу, смеялась вместе со своей сестрой над её глупыми проделками.

Что-то привлекало Кириэлла в ее характере. Потом, когда они уже начали общаться, принц узнал, что Фриджия обучается фехтованию, и зауважал её ещё больше. В конце концов, именно Фриджия способствовала превращению шумного избалованного мальчишки в ответственного и спокойного юношу.

С тех пор прошло уже шесть лет, всё изменилось: и он, и Глория, и Фриджия, поменялось восприятие времени и мира. Всё меняется день ото дня, но мы этого не замечаем. И только через большой промежуток времени понимаешь, что, обернувшись, видишь не вчерашнего себя, а давно забытого ребёнка, уже совсем чужого.

Пока принц перебирал свои воспоминания и вдавался в размышления, они уже добрались до дворца, где находился тяжело больной король Мирауль.

Это был выполненный в строгом стиле родовой дом без излишеств и показной красоты, что многое говорило о его

хозяине, как и о традициях сильвитов в целом. На территории поместья располагались постройки разного размера и предназначения: загоны для сорнов и домашнего скота, отдельные жилища слуг, и все это в окружении густой зелени, какой не встретишь в городах Каэлур.

Королева Фриджия оглядывала всю эту знакомую картину и вспоминала прежние времена: когда-то она проводила много времени с сорнами, научилась их понимать, запомнила особенности характера каждого из них. Она находила этих тварей удивительными. Под уродливой злобной мордой скрывался ласковый нрав, стоит только найти к ним подход. Внешность порой обманчива.

У входа во дворец их встретил один из приближённых слуг принца, мужчина по имени Ирис. Его тело покрывали следы от множества давних ожогов. Фриджия питала к этому человеку нечто вроде уважения, так как Ирис спас из огня детёнышей сорнов, но сам при этом получил ожоги, которые изуродовали его кожу и останутся с ним на всю жизнь.

– Как отец? – напряжённо спросил принц, передавая своего сорна нескольким подоспевшим слугам.

– У него началась лихорадка. Поторопитесь к нему, принц, он постоянно зовёт вас.

Кириэлл, нахмурившись, кинулся во дворец, и Фриджия поспешила за ним, оставив Рави и Моррита разбираться с лошадьми. Как и королева, Моррит прекрасно ориентировался в поместье – каждый раз именно он сопровождал Фри-

джию в поездках сюда.

В плохо освещённой комнате вокруг кровати больного толпились слуги и лекари, тихо переговариваясь и исполняя последние просьбы короля.

Сам Мирауль, бледный, покрытый испариной, лежал на подушках. Каждый вздох давался ему с трудом, воздух с клетотом выходил из легких, он то и дело откашливался. На его лице, как и на всём его теле, отразилась продолжительная болезнь, забирающая у больного все жизненные силы. Впалые глаза старого короля уже не так ясно видели, но лица он мог различать вблизи от себя.

Приближённые короля расступились перед только что прибывшими принцем и королевой. Кириэлл подошёл к отцу и заботливо взял его за руку.

– Отец...

– Кири, сынок, это ты? А я уж думал, что не увижу тебя... – прошептал король хриплым надрывающимся голосом, – А это... неужели ты, Фриджия Луна? Как я рад тебя видеть! Простите, королева, что не могу приветствовать вас как положено...

– О, вам не следует извиняться, ваше величество, – ласково проговорила девушка, присела на краешек постели и взяла короля за другую руку.

– Моя дорогая Фриджия, ты так изменилась за эти два года, так изменилась... Печально, что я не смогу присутство-

вать на вашем бракосочетании... Да, лучшей супруги для моего сына я не смог бы желать. Надеюсь, вы будете счастливы вместе... А Глория? У неё ведь всё хорошо?

– Да, конечно, ваше величество, она в полном здравии. Всей душой за вас переживает и передаёт наилучшие пожелания.

– Глори, Фриджи... я ведь так к вам привязался... будто бы вы мои собственные дочери... Без вас стало пусто в нашем скромном жилище...

– Мы с радостью вспоминаем дни, проведённые у вас, ведь вы стали нам как отец.

– Я рад это слышать... Хотя забывать своего отца ты тоже не должна, Фриджия... Возможно, он проводил с вами мало времени и не проявлял так своих чувств, но всякий раз... когда он бывал у меня, он с улыбкой рассказывал о тебе... Ты была его любимым ребёнком, Фриджия, и он с радостью передал бы именно тебе свою власть. Но эти законы... А сейчас ты – королева Каэльская, как и хотел Виктор... Он очень гордился тобой...

– Спасибо вам за всё, что вы для нас сделали, – проговорила девушка. Казалось, она еле сдерживает слёзы.

Король обратился к сыну:

– Кири, сынок, не хотел умирать без тебя... теперь мне спокойнее... Ты станешь хорошим правителем нашей страны, я чувствую это... у тебя большое будущее... Кири, ты стал именно таким, каким мне бы хотелось тебя видеть, и я

очень счастлив, что ты у меня есть... без тебя моя жизнь была бы пуста... я горжусь тобой, сынок...

– О, отец...

– Хочу ещё сказать, но мне трудно... надеюсь, ты простишь меня за это... и за всё... – голос старика совсем ослаб, он говорил с большими перерывами из-за одышки, – знай: никто...

Закончить своей фразы он так и не смог.

Как ни старался принц, но сдержать слёзы у него не получилось. Фриджия обняла его, пряча ото всех. Послышались всхлипы и со стороны слуг, и на несколько минут все замерли в молчании, выражая своё почтение мертвому королю Сильвании.

8

Королева Фриджия, к своему глубочайшему сожалению, не смогла остаться в Сильвании на погребальную церемонию короля, и ранним утром на следующий день покинула дворец. Вместе с ней возвращался только Моррит, так как Рави она оставила в качестве своего представителя на погребение.

На этот раз их лошади скакали не так быстро. Наслаждаясь утренней прохладой и свежестью, королева и её слуга проезжали по хорошо знакомым местам. Им понадобилось чуть больше трех часов, чтобы достигнуть границы страны. Впереди расстилался необъятный лес, миновав который они доберутся до родных стен.

Однако Фриджию кое-что очень беспокоило: с самого утра небо застилало облака, и солнце лишь изредка из-за них выглядывало. Это предвещало пасмурную погоду, возможно даже дождь. В такую погоду трудно ориентироваться в тёмном лесу.

Моррит, похоже, испытывал те же беспокойства. Но слуга и королева просто молча переглянулись, хорошо друг друга поняли и без колебаний вступили в мрачное лесное царство.

Уже через несколько минут пути невозможно было понять, с какой стороны они пришли. Сквозь обступившие их деревья не пробивалось ни капли солнечного света. В чащу вводил еле заметный намек на заросшую тропу.

Через полтора часа бесплодного, но уверенного блуждания по лесной глуши, Фриджии пришлось признать:

– И всё-таки мы заблудились.

– Да, – согласился Моррит, – это оказалось проще, чем я предполагал.

– Я была уверена, что запомнила дорогу. Как странно.

Они могли незаметно для себя свернуть с почти неразличимой тропинки, или повернуть не там, где надо. Не важно как, но они потеряли свой ориентир и двигались теперь в почти полной темноте наугад. В этом лесу особенно в такую погоду было совсем несложно заблудиться.

– Может, стоит повернуть назад и попробовать отыскать тропу? – предложил Моррит.

– Хорошо. Однако, если мы её не найдём, нам придётся подождать в лесу до появления солнца. Иначе мы совсем потеряемся.

Слуга молча кивнул в знак согласия, развернул свою лошадь и поехал обратно по своим следам.

Сколько прошло времени, не представлялось возможным понять – солнечные лучи совершенно не пробивались сквозь тяжёлые серые тучи и густые кроны деревьев. Дорога никак не находилась, наоборот, лес становился всё гуще и темнее. Раньше, когда они ещё ехали по нужной тропе, над ними проглядывала узкая полоска неба, теперь же листья и ветки сплелись плотными узлами, изредка редая и показывая свинцовые клочки грозовых туч.

Слуга и королева по обоюдному согласию остановились, решили прекратить свои бесплодные поиски и подождать, пока рассеются тучи и выглянет солнце. Королеву не испугал и тот факт, что, возможно, придётся провести целую ночь в этом лесу.

– Даже если пойдёт дождь, – сказала девушка, – это лучше, чем торчать там, на церемонии.

Они вместе выбрали удобное местечко среди корней деревьев, Моррит скинул свой плащ, и вместе с Фриджией они расположились на нем, прислонившись спиной к огромному дереву. Лошади мирно паслись рядом, пощипывая мелкую и редкую траву. Моррит смотрел в небо сквозь густые кроны, изредка переводя взгляд на Фриджию, погружённую в свои мысли. Хотя она смотрела на что-то вперёди себя, взгляд её был отсутствующим и тусклым.

Ветер шелестел верхушками деревьев, и кроме этого шелеста лес не издавал больше звуков, погружённый в глубокий сон или в ожидание.

Фриджия, всё также глядя в пустоту, тихо произнесла, как бы обращаясь к самой себе:

– Он меня поцеловал.

Её голос не выразил никаких чувств, и Моррит пока не был уверен, как на это реагировать.

– Кириэлл? – спросил он осторожно.

– Да. Это было ужасно.

Моррит никак не ожидал, что Фриджия захочет погово-

ритель с ним об этом. Она уже давно не делилась с ним своими переживаниями. Похоже, иногда даже королеве нужно высказаться.

– Отвратительно.

– Я вас понимаю, госпожа.

Слуга сказал это мягко и с заботой в голосе. Он действительно понимал ее, ведь ему было известно то, о чем не принято говорить вслух.

В некотором смысле они были похожи. Моррит по-настоящему и нежно любил только двух человек – Глорию и Фриджию. Глорию, как если бы приходился ей старшим братом, ну а Фриджию... он и сам не мог бы сказать.

Но между ним и королевой всё же было отличие: Моррит дорожил своими друзьями и хранил им верность, но ради Фриджии он готов был и на предательство. Королева дорожила лишь сестрой и ни за что бы её не предала.

– Надеюсь, – продолжила Фриджия безэмоционально, – я выдержу свадебную церемонию.

– Я раньше думал, что со временем вы привяжитесь к нему.

– Сам по себе он... вроде симпатичный и все такое, хотя характер до сих пор как у избалованного ребенка. Отгалкивает что-то другое. Может, его навязчивость? Или предрешенность брака. Мой упрямый характер не желает принимать навязанное отцом будущее и пытается всячески его отвергнуть.

– Это самое разумное объяснение.

– А почему у тебя до сих пор никого нет? Может, я даю тебе мало личного времени?

Моррит хмыкнул и замолчал ненадолго, удивлённый такому повороту беседы.

– Я не вижу смысла связывать свою жизнь с одним из многих бесполезных существ, влачащих жалкое бесполезное существование.

– Считаешь людей стадом, что ничего не стоят без пастуха.

Фриджия закрыла глаза и усмехнулась. Она прекрасно знала позицию своего слуги в этом вопросе. Моррит был умен и слегка заносчив. Он гордился своим положением, но был при этом бесконечно предан Фриджии, а это качество она ценила в нем больше всего. Приятным бонусом их отношений было то, что за двенадцать лет они научились понимать друг друга с полуслова, мыслили в одном направлении и прекрасно дополняли друг друга.

– Люди имеют разум, но остаются неразумными. Слишком мало тех, кто пытается встать с колен.

– Люди слабы, и ими легко управлять. Но это хорошо лишь в том случае, когда управленец знает, что делает.

– Собственные чувства загоняют их в ловушку страхов и предрассудков.

– Как жаль, что у меня есть эта бесполезная вещь.

– Иногда чувства бывают полезны: уважение, предан-

ность.

– В чём-то ты прав. Жизнь в социуме напрямую зависит от человеческих чувств, а одиночке только мешают. Современное социальное общество не терпит одиночников.

– Думаю, нам следует учиться жить с тем, что мы имеем, стремясь к тому, что мы хотим.

– Не останавливаясь, что бы ни случилось.

– Через тернии к звёздам. С тех самых пор это мой жизненный закон.

Королева улыбнулась:

– Как и мой.

Их первая встреча полностью изменила Моррита. Фриджия стала его смыслом жизни, и он верил, что она способна изменить мир.

Избранные юноши с детства и до семнадцатилетия по законам Каэлур могли готовиться к поступлению на службу во дворец. Это было почётным делом, и многие семьи стремились отдать своих сыновей на специальное обучение. К концу оставались лишь самые способные и многообещающие. Моррит как раз был из таких, но отличался от всех. Всё от образа жизни, мировоззрения, вплоть до интересов и ценностей отличало его от остальных. С этими отличиями ему было трудно жить. Мир представлялся ему несправедливым, люди – безнравственными и безрассудными, жизнь – бесполезной.

По странной случайности Моррита после окончания учебы приставили к принцессе Фриджии как личного телохранителя.

Тогда они впервые встретились не мельком, не при посторонних, а один на один: шестилетняя принцесса и семнадцатилетний воин. Она стояла в глубине старого сада, склонившись над маленькой могилкой.

– Кто здесь лежит? – заговорил Моррит.

– Мой кот, – ответила маленькая принцесса.

– Мне очень жаль вашего кота. Вы любили его?

– Любила? – Девочка подняла на него взгляд, пустой и холодный, будто заглянул в собственную душу. – Если бы знать, что это такое.

– Кто это сделал?

– Мой брат.

– Люди бывают жестоки.

– Я знаю это. Люди слишком много на себя берут, хотя не могут вынести и половины.

Моррит удивился: такие мысли не свойственны шестилетним детям. Возможно, она совсем уже не ребёнок.

– Ты разве никогда не хотел что-то изменить? – задала неожиданный вопрос Фриджия.

– Изменить? Нужно очень постараться, чтобы что-то изменить. Нужно многое знать и многое уметь. А что знает обычный воин? Только боевое искусство. Войны не меняют мир к лучшему.

– Это правда. Знание – ключ ко всему.

– Чтобы многое знать, надо много учиться и развиваться, что слишком сложно в наше время, – сказал Моррит с неким вызовом, желая посмотреть на реакцию принцессы.

– Через тернии к звездам, – твёрдо и невозмутимо ответила она. – Ничто не даётся легко. Для достижения цели необходимо многим жертвовать, но результат того стоит. Я хочу изменить мир.

– И на какие жертвы вы готовы пойти, принцесса?

– Вплоть до собственной жизни.

Она сказала это так, что Моррит перестал обращать внимание на её возраст. Он просто понял: в ней есть что-то, чего нет в нём. Если кто-то и способен изменить мир, то это маленькая девочка с недетской душой.

Прошло уже двенадцать лет с того момента, важного в жизни обоих. Они вместе многое изменили, но ещё больше перемен предстояло совершить.

Моррит незаметно для себя улыбнулся, вспоминая их первую встречу. Знал ли он тогда, что обретёт семью и смысл жизни, что так сильно привяжется к принцессе?

– И предположить не мог, – еле слышно произнёс вслух Моррит.

Фриджия повернулась к нему и с интересом заглянула в серые как пасмурное небо глаза, но ничего не сказала.

Следующие два часа прошли с пользой: девушка предло-

жила не тратить зря время и поупражняться в фехтовании. Слуга уважал свою королеву, поэтому в тренировочных боях не поддавался ей. Фриджия показывала хорошие результаты – не зря она столько времени тратила на свое обучение. Но всё-таки Моррит превосходил её в этом искусстве. Меньше-го она бы не потерпела: её телохранители должны быть лучшими из лучших.

Во время отработки очередного приема пошёл дождь. Он подкрался незаметно, звуки ударов капель напоминали шелест ветра, запутавшегося в листьях. Но ветер затих во время дождя, уступая ему почётное право исполнить свою неповторимую мелодию.

Фриджия любила дождь, любила стекающие по лицу капли чистой воды и шум их падения. Во время дождя ощущаешь себя частью великой Природы, ибо дождь – мост между небом и землёй. Дождь создаёт целостность мира и объединяет его творения. Дождь смывает фальшивые маски и кровь с рук, возвращая всему изначальную чистоту.

Дождь шёл и не прекращался, бесконечной стеной падая на землю. Несмотря на всю густоту леса, сквозь ветви и листья проникало достаточное количество влаги. Уже скоро костюм для верховой езды королевы полностью промок, как и тёмная куртка Моррита. Но деваться было некуда, и они просто сидели на мокром плаще, подставляя свои лица дождю.

– Однажды, – обратился Моррит к королеве, – вы назвали

такой же дождливый день «днём воспоминаний». Почему?

– Ты ещё помнишь такие мелочи? – улыбнулась Фриджия. – Просто в тот день, когда родилась Глория, не переставая лил дождь. Я запомнила тот день почему-то гораздо лучше многих. В детстве все подобные дни заставляли меня вспоминать тот. В тот день умерла мать, подарив сестре жизнь.

– Вы жалеете об уходе матери?

– Нет.

Морриту ещё не приходилось разговаривать со своей госпожой на эту тему, он всегда думал, что Фриджия может рассердиться, если он полезет не в свое дело. Но она сейчас олицетворяла спокойствие и безмятежность, и слуга захотел продолжить разговор.

– Почему? Наверно, вы её не помните?

– Помню. Она дала мне имя Луна, и на этом её участие в моей жизни ограничилось. Хоть я всегда была спокойным ребенком, но уход за мной показался ей ненадлежащим занятием для молодой женщины её статуса, и она сразу же благополучно вручила меня няньке. Она была легкомысленной и безответственной, как говорил отец, и не хотела возиться со мной, пока я не повзрослею. Но я-то знала, что ей попросту противно.

– А что думает о матери ваша сестра?

– Я не спрашивала её.

После паузы Фриджия обернулась к Морриту:

– А как насчет тебя? Я никогда не спрашивала о твоей семье, но, раз уж мы начали этот разговор, я бы хотела услышать.

– Мои родители в пять лет отдали меня на обучение для службы во дворце. С того времени я их не видел.

– Жалеешь об этом?

– Больше – нет. Раньше скучал по ним. Но с возрастом приходит понимание. Отец служил где-то во дворце, но, похоже, сейчас уже не служит. Он редко появлялся дома, зато мать постоянно сидела со мной. Однако, ни отец, ни мать не соответствуют моим представлениям о хороших родителях и хороших людях. Если бы я с ними тогда не распрощался, я бы со временем перестал их уважать.

– Думаю, я понимаю тебя.

– В детстве хочется быть похожим на отца, брать с него пример.

– Но рано или поздно наступает разочарование. Очень быстро я перестала любить отца.

– Так вот почему вы не плакали на его похоронах.

– Я уже и не помню, когда последний раз плакала.

Дождь не прекратился через час, не прекратился и через несколько часов. Уже подступала ночь, а дождь всё падал нескончаемыми холодными каплями, так монотонно и так упрямо. Где-то за облаками солнце зашло за горизонт, оставляя этот кусочек мира в распоряжение ночной темноты, по-

своему прекрасной, как и любое явление природы.

Из-за густо растущих деревьев разглядеть что-либо даже вблизи не представлялось возможным в тёмное время суток, мир погрузился в непроницаемую плотную пустоту, где слышен лишь шум дождя.

Моррит и Фриджия сидели, до костей продрогшие, прижавшись друг к другу мокрыми спинами, и пытались уснуть.

Фриджия воспринимала все явления природы одинаково и сейчас восхищалась полным отсутствием света. Эта всепоглощающая тьма была похожа на плотное одеяло. Многих людей пугает ночь и тьма. Они не видят того, что их окружает, и боятся этой неизвестности. Их воображение достраивает окружающий мир, предлагая взамен реальности выдуманные страшные образы. Почему – Фриджия не знала. Она никогда не воспринимала мир так, как его воспринимают другие люди.

Вдруг посреди этой непроглядной тьмы возникло бледное пятно, за ним ещё одно и ещё. Эти пятна напоминали клубы дыма или туман и издавали слабое свечение. Королева и её слуга напряглись, почувствовали спинами, что оба видят одно и то же.

– Блуждающие души, – тихо выдохнул Моррит. В голосе звучала тревога.

– Не думала, что это правда, – призналась Фриджия. Эти ступки тумана вызывали у нее лишь интерес.

Пока они плавали – или бродили – где-то в глубине леса,

иногда скрываясь за деревьями, но могли в любой момент подойти ближе. Девушка поднялась, чтобы рассмотреть это явление, ожившую на её глазах древнюю каэльскую легенду. Она успела сделать лишь пару шагов, как её рука наткнулась на преграду. Перед ней возник Моррит. Он обхватил её за плечи и вынудил опуститься обратно в их убежище между корней деревьев.

– Нет, – зашептал он над самым её ухом. – Нельзя к ним приближаться, это опасно. Будьте здесь, я сейчас.

На ощупь он подобрался к своей лошади и после непродолжительных поисков вытащил из седельной сумки амулет на цепочке. Также на ощупь вернулся обратно к Фриджии. Неловкими в темноте движениями он надел цепочку на её шею.

– Вот, амулет должен вас защитить. Если прикоснуться к блуждающей душе, она может проскользнуть в тело живого человека и укрепиться в нем.

– Ты сам это видел?

– Нет, но я слышал об этом. Если честно, мне бы не хотелось проверять.

Девушка ощупала амулет в темноте, повозилась с цепочкой и после наклонилась вплотную к Морриту, чтобы цепочка охватила обе шеи. На несколько секунд слуга растерялся: так близко быть к своей госпоже непростительно! Ее горячее дыхание на его шее заставило сердце пуститься вскачь.

– Я нижайше прошу прощения, – пробормотал он.

– Я тоже. Но меня не устроит какой-то посторонний дух в теле моего лучшего телохранителя.

Им пришлось сидеть, тесно прижавшись друг к другу. Но совместное тепло постепенно начало согревать их, и они оба вскоре уснули, когда последний призрак скрылся за деревьям.

Ближе к утру дождь перестал. Небо всё так же затягивали пепельные тучи, но, несмотря на это, сквозь рваные облака на востоке начали пробиваться первые лучи восходящего солнца. В лесной чаще не было видно, с какой стороны восток, и сориентироваться, в какую сторону идти, не представлялось возможным, если смотреть с земли. Моррит ловко взобрался на вершину скользкого дерева и так же ловко спустился по мокрым веткам обратно. Они оседлали своих лошадей и помчались в направлении Восточных ворот, надеясь не заблудиться снова.

Преодолев час с лишним пути, они оставили за спинами лес с его бьющими по лицу ветками, клубками корней и сырой непроглядной листвой, а также и воспоминания о сегодняшней ночи. Солнце уже поднялось над этим бесконечным лесом, но облака ещё толпились в вышине, предвещая новую порцию влаги.

– Прохладное утро. И вряд ли следует ждать перемены погоды в ближайшее время, – заметил Моррит. Они ехали бок о бок с королевой, так что могли без труда перекинуться

парой фраз.

– Пожалуй, – кивнула Фриджия.

– Ваша одежда насквозь промокла. Возможно, нам следует остановиться в городе, чтобы вы могли сменить одежду.

После некоторых раздумий королева согласилась:

– Да, ты прав.

– В Восточном много богатых семей. У кого из них вы пожелаете остановиться?

– Предоставляю тебе право выбора.

Слуга хотел было возразить, но передумал.

– Тогда, остановимся у начальника городской стражи.

– Хороший выбор, – отозвалась усталым голосом королева. Сейчас ей больше всего хотелось оказаться в своей постели в окружении мягких подушек и теплых одеял.

Дом начальника стражи располагался рядом с центром города в том районе, где жилье могли себе позволить только самые состоятельные граждане. Этот огромный дом окружали плодовые деревья и низкие цветущие кустарники, к главному входу подводила каменная дорога, обрамлённая пышными цветами.

Как только королева со своим слугой подъехали к крыльцу особняка, им навстречу выбежали несколько слуг, а за ними – мать семейства, супруга начальника стражи. Все они низко поклонились королеве, слуги далее не поднимали голов.

Хозяйка дома занервничала в присутствии столь важной

особы. Ей оставалось только гадать о причине появления гостя.

– Ваше величество! Чем обязаны вашему прибытию? Нужна ли какая-то помощь?

– Добрый день, уважаемая... – начала королева, но задумалась, не зная её имени, и вопросительно посмотрела на хозяйку дома.

– Клетия, – подсказала женщина, ещё раз поклонившись.

– Прошу меня простить. Уважаемая Клетия, мы прибыли к вам с крайне неудобной и эгоистичной просьбой.

– Проходите же в дом, прошу вас! – Хозяйка радушно распахнула перед гостями двери. Потом обратила внимание на до нитки промокший костюм королевы. – Ваше величество, неужели вы попали под тот ужасный ливень?

– Как раз об этом мы и хотели поговорить, – вступил в разговор Моррит, каким-то образом чувствуя, что королеве сейчас не до вежливости. – Видите ли, её величество королева Фриджия посещала Сильванию с важным делом. А на обратном пути мы попали под дождь и были вынуждены провести ночь в лесу.

– Подумать только, целую ночь под дождём! Да ещё и в древнем лесу. Счастье, что вы сумели выбраться оттуда невредимыми. – Клетия всплеснула руками.

– Все благодаря божественному покровительству.

– Я с радостью предоставлю вам всё, что нужно: чистая одежда, еда, ванна, если пожелаете, ваше величество. И от-

дохнуть с дороги не помешает: у вас усталый вид. Я прикажу приготовить обед.

– Вы очень добры, – вымученно улыбнулась девушка, – но насчёт обеда не беспокойтесь. В данной ситуации я предпочла бы горячий чай.

Женщина поклонилась, подозвала нескольких служанок и велела им отвести королеву и её стража в гостевые комнаты, предоставить им лучшую одежду и оставить отдыхать.

Слуги повели Фриджию по просторной лестнице на второй этаж и открыли перед ней дверь одной из комнат. Эта комната своим роскошным убранством превосходила даже покои самой королевы во дворце. Это многое говорило о достатке отца семейства. Похоже, сейчас он как раз находился на службе.

Фриджия обтерла кожу и волосы мягким полотенцем, переделась в сухое платье, так великодушно отданное в её распоряжение, и прилегла на воздушную перину. Её глаза уже давно слипались от усталости, но стук в дверь не дал ей заснуть. Служанка с низким поклоном вручил гостье чай с закусками и удалилась.

Хоть Фриджия ничего не ела со вчерашнего утра, она уже не могла сопротивляться усталости – ночью спать пришлось урывками, да ещё и сидя. Чтобы согреться, выпила несколько глотков чая и с наслаждением опустилась на мягкую постель. Совсем скоро она уснула, погрузившись в свою привычную черноту вместо красочных снов.

Несколько часов сна помогли королеве восстановить свои силы. Она поднялась с постели, оглядела комнату и вспомнила кое-что, о чём совсем забыла. Комок её сырого платья лежал на полу. Фриджия расправила его и вытащила из потайных карманов связку ключей и несколько баночек с порошками и жидкостью. Закрепила на талии поясную портупею с короткими стилетами для метания и свою легкую рапиру. Затем её взгляд упал на остывший чай и тарелку с закусками, и только сейчас она почувствовала голод.

После скромного перекуса Фриджия спустилась на первый этаж и направилась туда, где в подобных домах обычно располагалась гостиная. Там она и обнаружила хозяйку дома, а вместе с ней девочку лет десяти, её дочь. Они обе сидели с рукоделием в руках и тихо разговаривали.

Королева деликатно постучала, чтобы привлечь к себе внимание. Мать и дочь тут же вскочили с мест и поклонились.

– Благодарю за вашу доброту, – улыбнулась королева. – Нам очень повезло попасть сюда. Как я могу отблагодарить вас за приём?

– Да что вы, ваше величество, – воскликнула Клетия. – Мы рады были помочь вам, ведь вы столько сделали для нашей страны! Вы уже отдохнули? Не хотите остаться? А может, всё-таки пообедаете?

– Нет, благодарю. А мой телохранитель ещё не проснулся?

– Нет, ваше величество, он пока отдыхает.

– Хорошо. Пусть отдохнёт, мы никуда не спешим. В таком случае, вы не будете против, если я подожду его здесь, с вами.

– Конечно, ваше величество, присаживайтесь. Может быть, кофе?

– Не откажусь.

Клетия упростила королеву в подробностях рассказать о встрече с бродячими душами, расспросила её о Сильвании, ведь сама ни разу там не бывала. Поговорили и о ценах на продукты, о тканях, причёсках, местах отдыха, предстоящих праздниках и даже о мужчинах, где Фриджии пришлось много лукавить и уходить от ответа.

Всё это время дочка Клетии тихо сидела около матери и мило улыбалась. Она даже не пыталась понять, о чём говорят взрослые, а только разглядывала королеву, которая показалась девочке самым прекрасным в мире созданием.

А Фриджия, хоть и порядком устала от бестолковой болтовни, прилежно исполняла свою роль. От голоса хозяйки разболелась голова, но вежливая улыбка ни разу не потускнела за время разговора. Королеву спас Моррит, очень вовремя показавшийся в дверях гостиной. Распрощавшись с Клетией и её дочкой, они, наконец, отправились домой.

По прибытии в Центральный дворец королева Фриджия первым делом попросила Фиделиса составить отчёт о происшествиях в стране за время её отсутствия. Весь последующий час она терпеливо находилась в распоряжении сестры.

Глория расспрашивала о её поездке, а, узнав о смерти короля Мирауля, была глубоко опечалена и на некоторое время предалась воспоминаниям о счастливых временах. По её словам, то время, которое они проводили в Сильвании, оставило в её сердце одни из лучших воспоминаний.

Наконец, когда Фриджия пересказала всё, что Глория хотела услышать, младшая сестра стала рассказывать сама:

– Помнишь, мы когда-то слышали о женщине по имени Сибилла? Сибилла Прорицательница.

– Не припоминаю, – ответила Фриджия больше машинально, чем с каким-либо умыслом. Сейчас её мысли занимало совсем другое. Но сестра не расстроилась.

– В общем, Сибилла – довольно известная личность во многих странах. Она может предсказывать будущее и видит прошлое человека, как говорят. По слухам, она может даже накладывать чары и лечить тяжёлые болезни. Сибилла Прорицательница путешествует по городам и странам и помогает нуждающимся в помощи людям, не прося ничего взамен. Так вот, она скоро посетит и Каэлур. Я слышала, она лю-

бит говорить загадками, говорит только правду и не говорит лишнего. А ты бы хотела с ней встретиться?

– Зачем?

– Разве не интересно узнать своё будущее, или ответ на вопрос, который давно не даёт покоя?

– Я и так знаю, что меня ждёт, – невозмутимо отозвалась Фриджия.

– Да ну? И что же тебя ждёт? – не поверила Глория. Сначала она подумала, что её сестра просто шутит, но Фриджия всё так же серьёзно спросила:

– Ты действительно хочешь знать? Неизвестность всегда лучше ожидания неминуемого.

– Можешь сказать. – В голосе Глории появились нотки сомнения.

– Остаток своих дней я проживу в одиночестве и умру в возрасте тридцати или сорока лет, не оставив после себя наследников. А после моей смерти страной будет править Бенедикт. Младший, конечно.

Всё это она проговорила совершенно отчуждённо и бесстрастно, как будто описывала чью-то чужую судьбу.

– Ну Фриджи! Почему ты так говоришь?

– Ты можешь спросить об этом у Сибиллы, а потом сказать мне, правдивы ли мои слова.

Похоже, всё это подействовало на Глорию не лучшим образом, и она выбирала между тем, чтобы обидеться на сестру, что та хочет умереть так рано, или испугаться того, что

слова Фриджии могут оказаться правдой.

Фриджия, видя смятение сестры, решила её успокоить:

– Не волнуйся, моя хорошая, ты проживёшь долгую и счастливую жизнь, такую, о которой ты всегда мечтала.

– Я никогда не мечтала жить без тебя.

– Рано или поздно приходится отпустить всех, кого мы любим в этой жизни.

– Лучше поздно, чем рано.

– Как знать.

Слухи распространяются быстро, словно путешествуют по воздуху. Вскоре вся Каэлур наполнилась разговорами о Сибилле Прорицательнице, многие захотели поговорить с этой женщиной и ждали с нетерпением её визита в страну.

Глория все последующие несколько дней после разговора думала о том, что сказала ей сестра. И чем больше она об этом думала, тем больше запутывалась. Она всякий раз пыталась доказать себе, что всё это на самом деле неправда, что сестра ошибается, но её не оставляло тревожное чувство: почему Фриджия говорила об этом таким холодным и отчужденным голосом? Откуда такая уверенность?

После их разговора Фриджия вела себя как обычно, разговаривала с Глорией тоже как обычно, она вообще ничуть не изменилась, как будто ничего не произошло. Глории было странно замечать это.

На протяжении двух недель к Фриджии дважды приезжал

Кириэлл, причём во второй раз он являлся уже не принцем, а королём Сильвании. После смерти отца у него прибавилось забот и обязанностей, и он пока не мог надолго оставить свои дела. А приезжал он для того, чтобы назначить день для свадебной церемонии: теперь он являлся равным по титулу своей избраннице, и их брачный союз посчитают законным.

Вместе с королевой они выбрали подходящий им обоим день и обсудили некоторые детали, после чего король Кириэлл покинул дворец в радостном предвкушении.

После его отъезда Глория посчитала нужным изъяснить сестре свою радость по поводу предстоящей церемонии.

– Фриджи, скажи, ты волнуешься?

– Совсем немного, – честно призналась девушка. Но её волнения были связаны не совсем с тем, о чём думала Глория.

– Что ты чувствуешь? Я спрашиваю лишь потому, что пока не имела удовольствия встретить того единственного.

– Счастье, Глори. – Она не собиралась разочаровывать сестру. Пусть ещё немного поживет в мечтах о том, что браки по расчёту могут быть счастливыми.

– А знаешь, я о нём немного беспокоюсь.

– Да?

– Кириэлл выглядел очень уставшим, и у него круги под глазами. Как думаешь, он ещё не оправился после смерти отца? Или это следы навалившейся на него работы?

– Возможно.

– Уверена, мысли о тебе ему явно поднимают настроение, и, несмотря на свою усталость, он, по-моему, счастлив, – улыбнулась Глория.

– Да, наверно.

Настал тот день, когда знаменитая Сибилла Прорицательница добралась до Каэлур. По специальному указанию принцессы Глории женщину пригласили посетить дворец Центрального города. Сибилла приняла это приглашение и даже позволила королевским слугам отвезти себя напрямик ко дворцу. Глория, услышав о приезде Прорицательницы, вышла встретить её.

Это была женщина преклонного возраста, одетая в потрёпанные одежды, которые скрывала под собой не менее потрёпанная от долгих странствий накидка. Лицо женщины обрамляли длинные седые волосы, убранные под накидку. Предсказательница почему-то пряталась под капюшоном, но лицо её оставалось видимым: морщины на тёмной коже отпечатались так, что казалось, будто женщина постоянно улыбается.

Увидев принцессу, она поклонилась, но не так, как кланяются слуги, а как выражают своё уважение равные. Глория немало удивилась, но не рассердилась – она чувствовала себя неловко, когда люди кланялись ей.

После приветствий гостеприимная Глория предложила Прорицательнице обед или хотя бы чай, но Сибилла отказа-

лась от тот и другого. Они разместились в одной из комнат, и женщина первой начала разговор:

– Вопросы, оставленные без ответа, тревожат вас, принцесса. Я права? – Тихий, низкий голос с акцентом не слишком соответствовал её возрасту.

– Да.

– Ты можешь задать мне свои вопросы, но я скажу лишь то, что мне положено сказать, а тебе положено услышать.

– Расскажите о моей сестре. Она очень странно ведёт себя, будто с ней должно что-то случиться.

– Ты хочешь узнать, правдивы ли её слова? Я скажу тебе: судьба, которую она сама для себя избрала, капризна и непредсказуема.

– И что случится с Фриджией? Это можно как-то предотвратить?

– Королева слышит звон колокола, предвещающего полночь в полдень. Реку не перекрыть, поставив на её пути камень.

– Сестра сказала, что не оставит наследников, – проговорила взволнованная Глория. Неужели всё, что сказала Фриджия, правда?

– Она права. Предводитель сильвитов падёт от любви, не познав предательства, и бедный род его завершится.

Глория задумалась над этими словами. Она не хотела, чтобы произошло что-то подобное. И почему все обязательно должны будут умереть?

– Правда горька и уродлива, тогда как ложь сладка и прекрасна, но правда ценится дороже. Вижу, дитя моё, ты хочешь знать о своей сестре, хочешь понять её. Я расскажу то, что тебе положено знать, не больше и не меньше. Всегда видимой остаётся лишь одна сторона луны, другая же скрыта от людских глаз. Поступки королевы найдут отражение в прошлом и будущем. У всего есть причина и следствие. Для богатого человека монета ничего не стоит, а бедняк подберёт её из дорожной пыли. Так и королеве важно то, чего не замечают другие. Однако, из капель образуется океан.

Сибилла-Прорицательница многозначительно посмотрела на Глорию, ожидая её реакции. Та кивнула. Более или менее она понимала, о чём говорит женщина. А если и не понимала, то не хотела показаться глупой.

– Руки королевы связаны красными нитями. Именно ты эта нить, что не даёт ей свободу.

– О чём это вы? – Слова Сибиллы испугали Глорию.

– Я говорю лишь то, что должна сказать, а поймёшь ли ты меня, это от тебя зависит. Вы обе дарите друг другу боль, но одновременно и утешение. Вы обе любите друг друга так крепко, что это причиняет страдания. Могло ли быть все по-другому, если бы твоя мать осталась жива?

Не дожидаясь ответа, она продолжила:

– Говорят, для человека дороже всех – он сам. Это не про вас. Что бы королева ни говорила, что бы ни делала, ты не должна обвинять её. Она любит тебя. Но знай: время меня-

ет людей. Королева Фриджия станет поистине великой: к её ногам упадут звёзды, перед ней преклонятся другие правители, ибо она превзойдёт их всех. Если она – солнце Каэлур, то ты – небо. Солнце светит ярко, но лишь днём, а небо есть всегда и оно открыто для всех одинаково. Оно не обожжёт палящими лучами.

Сибилла Прорицательница всё это время, казалось, всматривалась в глаза Глории из-под своего капюшона. Возникло ощущение, что от её взгляда ничто не сможет утаться, но это чувство отнюдь не внушало страх. Наоборот, Глория чувствовала, что её понимают и сочувствуют ей, не осуждая.

Почти это же чувство она испытывала при общении с сестрой.

Прорицательница тем временем продолжала:

– Ты поймёшь всё это совсем скоро, когда придёт время. А теперь, может быть, у тебя остались другие неразрешённые вопросы, дитя моё?

– Да, я хотела спросить о брате.

– Бенедикт Сумасшедший, Бенедикт Поджигатель! Он ведь был не более чем гроза, и солнце его победило, правда? Ты наверно, хочешь знать причину его странного отношения к вам? Причина проста: он всего лишь человек с тяжёлой детской травмой. Телесная оболочка, вместилище амбиций, желаний, страхов и скверны. И большинство людей такие же – твоя сестра прекрасно знает об этом. Истинная сущность

человека открывается посредством страха, нужды или власти.

– Почему сестра не захотела исполнять его смертный приговор?

– Пусть этот вопрос пока останется без ответа.

– Вы перестали говорить образно, – заметила Глория.

– Бенедикт больше не важен для истории – все его секреты и ходы разгаданы, он завершил свою часть спектакля. Королева Фриджия представляет для истории куда больший интерес, полёт её ещё в самом начале. Такие, как я, давно предвидели появление того, кто поведет эту страну к свету. Небесная Дева, королева Каэльская. Эта девушка хранит в себе много тайн, и даже я не знаю их.

Глория ненадолго задумалась, уже в который раз обводя взглядом Прорицательницу. Эта женщина говорила о тех вещах, о которых никто не знал и не должен был знать. Хоть она и не часто говорила прямо, но речь её всё равно воспринималась Глорией в большей или меньшей степени. Без сомнений, она знает больше, чем говорит.

Она всё же надеялась на какую-то подсказку, как ей вести себя с сестрой. Ответа «любить и прощать» Глории показалось мало, ведь иногда она совершенно не понимала свою сестру, как будто это был кто-то другой в её облике. Но своего вопроса она не задала, так как знала, что не получил ответа. Вместо этого она спросила:

– Есть ли ещё что-то, что я должна знать?

– Вижу, ты снова думаешь о сестре. Ты хочешь знать, где ключ к её сердцу. Вынуждена огорчить: тебе не по силам открыть его.

Предсказательница с печальной улыбкой вздохнула.

– Королева такой человек, что вся правда о ней – неправда, и ложь – тоже неправда, а правда сокрыта так глубоко, что даже она сама не всегда её различает. Не расстраивайся, что не можешь понять её, это невозможно. Ни одного человека нельзя понять по-настоящему. Мы видим тень, но приотронуться к ней не можем, мы видим свое отражение, но нам его и пальцем не коснуться. Тень и отражение – проявление глубин души. Невидимое видимо, но не ощущаемо. Во всём есть душа, всё имеет тень и отражение. Всё телесное.

Сибилла сделала многозначительную паузу, дабы юная Глория могла усвоить её слова.

Чуть наклонившись вперёд, она добавила:

– Даже я не могу познать самую суть, как ни пытаюсь. Всё, что подвластно мне, создать рябь на воде, взглянуть немного глубже поверхности.

Она наклонилась ещё ниже.

– Иногда вовне из глубин выползают очень интересные вещи, тебе стоит к этому присмотреться.

Это прозвучало как совет, хотя женщина не объяснила, как, когда и куда нужно смотреть.

Прорицательница встала со своего места.

– На неразрешённые вопросы ты поищешь ответы сама, я

лишь подсказала дорогу и дала несколько советов, а как ты поступишь, зависит только от тебя. Запомни: нет ни провидения, ни предрешенности, наша жизнь только в наших руках.

Глория, как и обещала, пересказала своей сестре разговор с Сибиллой Прорицательницей, за исключением некоторых моментов, которые она решила оставить при себе.

Что бы ни говорила до этого Фриджия, она выглядела заинтересованной. Заинтересованной, но не удивлённой. Казалось, девушка знала всё это с самого начала, хотя она, разумеется, не обладала никаким особым «даром». Фриджия не удивилась сообщённой информации лишь потому что она – «гениальный стратег», как частенько отзывались о ней некоторые.

Испытав какое-то странное предчувствие, Глория пожелала отложить разговор о будущем сестры до подходящего момента, вместо этого задала следующий вопрос:

– Сибилла сказала что-то о Кириэлле, будто он падёт от любви. Как думаешь, что бы это могло значить?

– Понятия не имею, – ответила королева. Она прекрасно знала ответ. – Может, он полюбит какую-то другую девушку, родители которой будут против их связи? Эти слова всякое могут значить.

– Брось! Не похоже, что он сможет отказаться от тебя ради какой-то девушки.

– Как знать, Глори, – засмеялась Фриджия. Разговоры о подобных вещах для неё были абсурдны до смеха. Хотя она в этом Глории не спешила признаваться. Ведь Глория по простоте душевной верила, что любовь Кириэлла взаимна.

– Ну а обо мне она что-нибудь говорила? – поинтересовалась Фриджия ради того, чтобы перевести тему.

– Да так, ничего определённого, – попыталась уклониться Глория, хотя и знала, что ничего у неё не выйдет.

– Подобный ответ предполагает лишь то, что я оказалась права, а ты не хочешь этого признавать.

– Но Фриджи! – Глория перешла на взволнованно-сердитый тон. – Почему ты обязательно должна умереть?

– Ну, я ведь не бессмертная, – улыбнулась девушка, но такой ответ не удовлетворил её сестру. – Понимаешь ли, есть вещи, которые случаются независимо от нашего желания.

– Ты думаешь, что всё предрешено?

– Я вообще об этом не думаю. Все эти вопросы вроде судьбы и предрешённости... У меня есть более важные дела.

– Ладно. Тогда, как ты узнала... ну, о своей смерти?

– Смерть в раннем или среднем возрасте – частое явление для людей с нестандартным мышлением.

– Но ведь совсем не обязательно, что и тебя это ждёт.

– Глори, я не знаю, как тебе это объяснить. Прошу тебя, давай закроем эту тему. Мне ещё жить и жить, и за это время я успею тебе надоесть, – она весело подмигнула сестре.

– Не шути так!

Фриджия ничего не ответила, а только ещё раз улыбнулась и обняла сестру. А Глория, как всегда в такие редкие и незабываемые моменты, понимала, что не в силах долго обижаться на сестру, что прощает все её странные слова. Именно в такие моменты Глория испытывала настоящее счастье: у неё нет никого дороже сестры, нет и быть не может.

Наступил день, назначенный для свадебной церемонии – спустя несколько лет ожидания, неизвестности и вопросов. Все преграды были устранены, законы соблюдены, приготовления закончены. Одни ждали этот день с нетерпением и возбуждением, другие же с тревогой или даже страхом. К первым относился король Кириэлл. Он так долго ждал этого момента, что несмотря на своё плохое самочувствие не пожелал перенести церемонию даже на несколько дней.

План проведения церемонии был разработан, исходя из строгих обычаев, существовавших на этот случай в Сильвании – обряд сначала должен был пройти в стране, являющейся законным владением будущего мужа.

Церемония начинается с утра и продолжается до вечера. Поэтому королева Фриджия была вынуждена ещё вечером предпраздничного дня в сопровождении своих телохранителей и слуг короля отправиться в резиденцию правителя сильвитов, однако с будущим супругом она не виделась.

Незадолго до назначенного дня по приказу короля Кириэлла была расчищена дорога, соединяющая Каэлур и Сльванию. Теперь через лес могла свободно проехать повозка, а шанс заблудиться свелся к минимуму.

Комнату, в которой королеве предстояло остановиться на ночь, Кириэлл приказал обустроить по-новому, чтобы она

отвечала всем требованиям его будущей супруги. Здесь всё было чистое и новое: привычная Фриджии кровать с балдахинном и множеством подушек, тёмные шторы на окнах. Король даже вопреки своему желанию удовлетворил просьбу Фриджии о том, чтобы комната для её слуг находилась рядом с её покоем.

Во дворце королеву встретили тепло и со всем почтением – ей были рады везде, особенно в такое нелегкое время. Приглашённые гости, приближенные и слуги выражали ей свою радость, дамы загадочно улыбались ей при встрече и мечтательно вздыхали, как будто радовались предстоящей церемонии больше самой Фриджии.

Она тоже всем улыбалась, но только Моррит знал, что сейчас творится в душе у его госпожи. Она нервничала, но Моррит переживал и нервничал за неё ещё больше.

Очень рано проснувшись, Фриджия окинула своё отражение в зеркале оценивающим взглядом и устало вздохнула. За переживаемым стрессом всегда следует бессонница, которая неумолимо оставляет следы на лице. На самом прекрасном лице. Фриджия всегда очень строго следила за своим внешним видом, старалась избегать сильных переживаний, тщательно составляла свой рацион и делала все, чтобы изо дня в день оставаться неотразимой.

Она с обречённым видом начала приготовления к церемонии, удерживая в голове лишь одну мысль: поскорее бы всё это закончилось.

Приведя себя в более или менее бодрое состояние, королева нацепила маску счастья и добавила немного застенчивости. Покинув свою комнату, она отправилась на кухню, где уже полным ходом шли приготовления к праздничному банкету.

– Ваше величество, – удивлённо поклонился стоящий за плитой повар. – Не ожидал увидеть вас здесь. Чем могу помочь?

– Простите за мою нескромную просьбу. Мне бы хотелось приготовить утренний кофе для короля. Ему всегда нравилось, как я готовлю. Хочу его порадовать, – сказала девушка с такой искренней улыбкой, что никто бы и не усомнился в её исключительно мирных намерениях.

– Как это замечательно, ваше величество! Господину очень повезло встретить вас. Кухня в вашем распоряжении. Не буду вам мешать. – Он удалился в смежное помещение, почти наверняка в этот момент подумав:

«Мне бы такую жену».

Фриджия, оставшись в одиночестве, принялась за приготовление фирменного кофе, который уже стал их маленькой традицией. Однако на этот раз она добавила новый ингредиент. Из многочисленных складок своего платья королева достала пузырёк с жидкостью и капнула несколько капель в кофе. После чего завершила сервировку и положила на поднос заранее приготовленный листок бумаги.

С любовью, твоя Луна.

Затем королева подозвала служанку и попросила её отнести кофе королю. Девушка загадочно улыбнулась и с гордостью отправилась выполнять поручение.

По пути к своим покоям королева зашла в комнату слуг на традиционное утреннее приветствие. Кроме Моррита с ней прибыли Рави и ещё двое сопровождающих. Королева дала несколько указаний своим слугам, они ещё раз обговорили ход церемонии и отведённые места в свите для каждого из них, и все благополучно разошлись по своим делам, которых в этот день было немерено.

Пока служанки не успели начать работу над свадебным образом Фриджии, в ее покои зашёл единственный человек, который в этот день за нее не радовался. Моррит знал, что его госпожа нуждается в поддержке, ведь не так-то просто решиться на свадебную церемонию с человеком, который тебе не нравится.

– Госпожа, как вы?

– Терпимо. Спасибо, что волнуешься обо мне.

– Я очень переживал за вас, не мог заснуть. Вы, очевидно, тоже.

– Разве это так заметно?

– Я же вас знаю.

Фриджия грустно улыбнулась, вздохнула и провела рукой по лицу.

– Если честно, я ещё не смирилась с этим.

Моррит присел на кровати возле Фриджии и после неко-

торых раздумий аккуратно дотронулся до её руки.

– Для меня это почти так же трудно, как и для вас. И я не знаю, как выдержу этот день, как смогу спокойно наблюдать за всем этим и оставаться в стороне. Но скоро это навсегда закончится, нужно только... подождать. Всё пройдёт согласно плану.

Его взгляд сделался жестким, а в голосе зазвучала сталь:

– А если что-то пойдёт не так, то я лично прикончу его.

– Этого делать не придётся, – улыбнулась Фриджия. – Успех гарантирован. – Улыбка и голос превратились в лёд. – Я всегда добиваюсь своих целей.

Всё и всегда шло по её плану. Она с точностью могла сказать, как поведёт себя знакомый ей человек в определённой обстановке. Кроме того, она потратила не один год, изучая разные науки, которые теперь с мастерством применяла для достижения своих целей.

С того момента, как Фриджия научилась читать, она осваивала науки, впитывала в себя информацию и опыт прежних поколений. Затем на основе полученных знаний она открывала и создавала новое, экспериментировала и практиковалась. Пока она стала специалистом далеко не в каждой области, которая её интересовала, но со временем хотела исправить и это.

– Я уверен в ваших силах, госпожа, – улыбнулся Моррит.

Несколько секунд он вглядывался в ее глаза в попытках понять её настоящие мысли.

– Главное, помните: вы всегда можете отказаться от церемонии, если почувствуете себя... не готовой. К цели можно прийти и другими путями.

– Всё в порядке. Спасибо за твою заботу, Моррит. – Она подарила ему искренне-тёплый взгляд. – Но я выдержу церемонию и тогда, наверно, превзойду саму себя. Нужно глядеть в лицо своим страхам, а не избегать их. Движение вперёд несмотря ни на что. Вопреки всему. Ты же знаешь.

– Очень рад это слышать. Я уверен, что вы справитесь, но переживать не перестану.

Он опустил голову и после паузы добавил:

– А сейчас вынужден вас оставить.

– Конечно.

Моррит выпустил руку Фриджии, которую держал всё это время. Он волновался за неё, так что позволил себе лишнее, и только оставшись в одиночестве понял, насколько это было глупо и самонадеянно.

После ухода своего верного слуги, Фриджия воспользовалась последней на сегодня возможностью побыть в одиночестве. Она прилегла на шелковые простыни, закрыла глаза и позволила себе отпустить все мысли и тревоги, поглощающие и переполняющие её уже так долго.

Но спокойствию и тишине очень скоро придёт конец. Скоро в ее покои войдут шумные служанки, чтобы приготовить её к церемонии. Они принесут её платье, будут одевать её, дотрагиваясь до её тела. Может быть, если хватит дерзости,

спросят про шрам на спине. Фриджия не любила прикосновений чужих людей, но терпела. Она всегда терпела, ведь только так можно преодолеть себя. Как никогда она надеялась на своё терпение и на сегодняшней свадебной церемонии.

Церемониальное платье для королевы шили по образу и подобию костюма для коронации – ярко-красное с белыми оборками и золотыми украшениями. Пышное, но не громоздкое, оно сидело на королеве идеально.

Почти целый час служанкам понадобилось на то, чтобы справиться с платьем. Фриджия терпеливо выполняла все просьбы помощниц, пока они закрепляли, подкалывали и разглаживали ткань, возились со складками и поясом. Оставшееся время посвятили волосам. Тут Фриджия впервые пожалела о длине своих волос.

Когда всем мучениям пришёл конец, королева Фриджия Каэльская в сопровождении прибывших с нею слуг и подчинённых короля торжественно отправилась к главной площади, где её появления уже ждали король и многотысячная толпа людей.

Вместе со строгими дворцовыми коридорами, вместе с метрами бульжной мостовой Фриджия оставляла за спиной все свои опасения, неприязнь, сомнения и страхи, освобождая место лишь для мыслей о своих целях. Свет, струящийся из распахнутых дверей, гул людских голосов вселяли чув-

ство уверенности, чувство непобедимости, чувство, что она на верном пути.

Лишь цель и страх движут людьми, цель – вперёд, страх – назад. А когда страха не остаётся, человек способен на многое.

Даже в одиночку можно изменить мир.

Толпа людей, приветствующих её, видела лишь счастливую девушку с улыбкой на губах. Только Моррит знал о разрастающейся пустоте внутри неё.

Блистательна и прекрасна, её изящное очарование, её ослепительная грация... такой и должна быть королева. И никто, ни один из присутствующих здесь или из тех, кто хоть раз имел счастье лицезреть королеву, никто не сомневался: она станет величайшей, поистине величайшей правительницей.

Под оглушительный грохот торжественной музыки Фриджия подошла к своему будущему супругу, поклонилась собравшимся жителям страны. Король подал ей руку раскрытой ладонью вверх. Дотронувшись до его ладони, Фриджия ощутила мелкую дрожь. Счастье, которое испытывал Кириэлл, как будто выплёскивалось наружу, и не заметить его было просто невозможно.

Король и королева по старинному обычаю рука об руку шли от дворца к храму, где их брак благословят боги. Мощенная плоским камнем дорожка олицетворяла их путь, пройденный вместе со дня знакомства.

Храм стоял на небольшом возвышении, украшенный цветами и лентами. Все ближайшие деревья также украсили, чтобы создать впечатление цветения. У входа в храм стояли два каменных стража-хранителя с масками животных.

Будущие супруги вошли в храм одни, никому не разрешалось ступить на территорию храма во время церемонии – это считалось дурным знаком для пары.

В храме у алтаря ждали трое жрецов, одетых в белые балахоны. Один из старцев держал в руках ритуальный остро заточенный нож. Вся церемония происходила в полной тишине, в этом храме могли прозвучать лишь слова Великой клятвы.

Вначале король и королева встали на колени перед алтарём и безмолвно вознесли молитву богам об их благополучии в браке. После этого они поднялись с колен и положили руки на алтарь – королева – левую руку, король – правую.

Некоторое время жрецы беззвучно произносили молитву, шевелились лишь их губы. Затем один из старцев передал ритуальный нож, который держал в руках на белой ткани, королю. Кончиком этого ножа Кириэлл порезал палец и своей кровью начертил на левой щеке избранницы специальный знак, означающий верность и нерушимую связь с возлюбленной. Фриджия проделала то же самое, начертив символ на его правой щеке. Нож был возвращён жрецу, и пришло время для клятвы – первые слова в этой церемонии.

– Клянусь быть верным тебе до конца дней моих, – про-

изнёс король.

– Клянусь быть верной тебе до конца дней моих, – продолжала королева. – Пусть кровь моя будет подтверждением моих слов.

– Пусть кровь моя и корона моя будут подтверждением моих слов.

Корона, приготовленная для новой королевы, лежала на алтаре на белой ткани среди прочих вещей. Жрец бережно положил нож на алтарь и так же бережно при помощи белой ткани взял корону и передал её королю.

Король Кириэлл с величайшей осторожностью принял эту бесценную и очень значимую для него вещь и с улыбкой надел её на голову своей возлюбленной.

Фриджия тоже улыбнулась: с этого момента у неё две короны, а значит, две страны.

Теперь необходимо было, следуя традиции, закрепить клятву «печатью любви» – поцелуем.

Руки Кириэлла по-прежнему дрожали, а сердце забилось ещё быстрее. Фриджия почувствовала, как ускорился ритм её сердца, но усилием воли она подавила все посторонние чувства, способные каким-то образом помешать церемонии. Девушка не без удовольствия отметила, как сильно побледнел король за последние две-три недели, его круги под глазами свидетельствовали о нарушениях сна и потере жизненных сил.

С улыбкой она приподнялась на цыпочки, а Кириэлл по-

тянулся ей навстречу. Жадно впился в ее губы, а она закрыла глаза, пытаясь представить кого-нибудь другого. К немалому удивлению, перед ее мысленным взором предстало лицо Моррита.

В завершение свадебной церемонии супруги вновь опустились на колени перед алтарём и вознесли заключительную молитву. Покидали храм они также в молчании, король вёл супругу под руку, не смея отвести взгляд от её лица.

Никто из собравшейся толпы не должен был прерывать молчание, пока пара не покинет территорию храма, они встречали супругов счастливыми улыбками. Все шло замечательно, как вдруг в толпе началась какая-то возня.

Неожиданно из общей массы вывалился человек. Он потерял равновесие и повалился на колени, заступив на территорию храма. Люди удивлённо и возмущённо охнули. Для всех это было грубейшим нарушением строгих правил.

– Прошу прощения... извините... – пролепетал человек ошарашенно и тут же поспешил скрыться в толпе.

Король Кириэлл был потрясён и возмущён до глубины души, как и большинство людей. Ведь, можно сказать, только что его обрекли на несчастье. Он вопросительно посмотрел на свою супругу, которая притворилась удивлённой, но быстро взяла ситуацию под контроль. Она уверенно зашагала к воротам храма, уводя за собой супруга, с тем, чтобы покинуть территорию.

Даже когда пришло время для слов поздравлений, над

толпой по-прежнему висело молчание, люди не знали, как им реагировать на этот инцидент. Нарушение традиции – предзнаменование чего-то плохого, подстерегающего пару.

– После всего, что мы пережили вместе, – начала королева так, чтобы её слышали все, – ничто не сможет нас разлучить. Это была всего лишь непреднамеренная случайность. Боги до сих пор были благосклонны к нам, они помогут преодолеть все трудности и сейчас. Но нам понадобится и ваша поддержка.

Кириэлл длинно выдохнул, успокаивая вдруг вспыхнувшую внутри злость, поднял глаза на свою жену и обернулся к народу:

– Только в единстве мы обретём силу. Вознесите молитвы о нашем благополучии, а мы помолимся о вас.

Из неопределённого говора толпы стали вырисовываться отдельные фразы, и вскоре все дружно подхватили:

– Слава королю и королеве! Слава!

– Мы будем молиться о вас!

– Да здравствуют король и королева!

– Слава! – и все прочие фразы, заготовленные для таких случаев.

Люди пели праздничные песни, поздравляли королевскую чету и произносили напутствия, пока король и королева шли обратно ко дворцу. День ещё только начинался, и впереди всех ожидал шумный и веселый праздник.

Торжество делилось на две части: для простых людей ор-

ганизовали развлечения за пределами дворца, а во дворце собрались вместе за праздничным столом знатные и богатые семьи Сильвании. Если на улицах города люди просто веселились, пили и отдыхали, то во дворце данное событие носило политический характер. Здесь закладывалась основа будущих отношений новой королевы с влиятельными семьями, и здесь Фриджия могла заручиться их поддержкой, добиться признания.

В огромном зале дворца, предназначенном для подобных мероприятий, собралась огромная толпа блистающей знати вместе со своими детьми и целый отряд прислуги. Чуть ли не каждый мужчина носил парадную военную форму, что говорило о строгих порядках Сильвании, где титулы и земли можно было получить только за собственные заслуги.

Королева Фриджия поддерживала любую тему разговора, будь то военное дело, торговля, политика, наука или мода. Все собравшиеся очень скоро убедились в том, что она – ценнейшая находка для страны. После увлечённой беседы с ней люди выказывали ей своё уважение и заверяли в своей всесторонней поддержке. Таким образом, уже к вечеру Фриджия окончательно установилась в новом обществе и была безоговорочно признана как королева Сильвании.

Глубокой ночью, когда гости уже изрядно напились, разделились на группы по интересам и увлеклись полусознательными беседами, Кириэлл склонился над своей женой.

– Я так долго ждал этого, – прошептал он. От его горячего

алкогольного дыхания у Фриджии волосы на затылке встали дыбом. – Столько лет. Но теперь не намерен ждать ни минуты.

В кои то веке Фриджия не нашлась с ответом – к горлу подступил ком. Вместе они выскользнули в пустой коридор, а оттуда в их новые покои.

Едва закрылась дверь, Кириэлл притянул к себе Фриджию, его сильные руки обвили её талии, будто канаты, не давая ей пошевелиться. Он запустил пальцы в её волосы и жадно впился в губы, а Фриджия закрыла глаза и попыталась расслабиться. Ее руки дрожали.

Возбуждение Кириэлла все возрастало, и он подхватил свою супругу, чтобы вместе опуститься на кровать. Он навис над ней, желая насладиться долгожданным моментом, как вдруг раздался настойчивый стук в дверь. Снова. И в который раз – не вовремя.

– В чём дело? – раздражённо рявкнул король.

– Прошу прощения, ваше величество. – Слуга, стоящий на пороге, согнулся под его гневным взглядом. – Дело срочное. Безотлагательное.

– Ну, говори уже.

– Только что из Каэлур прилетел голубь. В письме сказано, что принцессе Глории нездоровится. Она потеряла сознание, у неё появился жар и сильная одышка.

Фриджия застыла, на её прекрасном лице изобразилась тревога, смятение и страх за сестру. Она повернулась к су-

пругу, который теперь хмуро стоял у двери.

– Мне нужно к сестре, – проговорила она.

– Прямо сейчас?

– Но... я... – Казалось, она напугана тоном супруга не меньше, чем новостями о сестре. – Я не могу ждать, и она не может. Мало ли, что может случиться. Проводи гостей и приезжай завтра, нас ждёт ещё одна свадебная церемония.

– Раз ты этого хочешь, отправляйся. Но с тобой поедут мои стражи. Наши.

– Спасибо за понимание, – она слабо улыбнулась.

Быстрыми шагами Фриджия направилась в свои покои переодеться, а слугу отправила предупредить своих телохранителей об отъезде.

В комнате ее ждал Моррит. Сначала он стоял в нерешительности, а потом внезапно заключил Фриджию в объятия. Это длилось недолго, Моррит быстро взял себя в руки и отступил на несколько шагов.

– Простите. Я очень переживал, просто места себе не находил. Но я не должен был...

– Ничего. Всё в порядке, Моррит. – Она бы улыбнулась, но сил для этого уже не осталось. – Ты ведь не он, так что это было... не противно.

– Спасибо, госпожа. Итак, мы уже можем ехать?

– Да. Всё прошло идеально. Почти идеально, мы чуть было не... – Она хмуро провела руками по лицу, глубоко вздохнула. – Осталось только сделать серьёзные лица и добраться

до дворца.

– С нами едут его стражи?

– Да.

– Хорошо. Осталось совсем немного.

– Да. Пора собираться.

Моррит покинул комнату королевы, предварительно изобразив на лице тревогу. Сегодняшний день оставил в его душе смешанные чувства, которые требовали анализа. Дважды он сделал то, чего не должен был себе позволять. Придётся крепко поработать над своей дисциплиной, пока королева не решила избавиться от него за неуважение.

Гости долго и любезно прощались с хозяином дворца, жевали ему всяческих благ и лестно отзывались о его супруге. Все эти похвалы очень нравились Кириэллу. Ещё бы! Его супруга достойна лишь самого лучшего, так как и она – самая лучшая. Король отвечал своим подданным подобными любезностями и старался как мог делать вид, что ничто его не беспокоит и он никуда не спешит.

Когда, наконец, с прощаниями было покончено, король тут же помчался в Каэлур с заранее подготовленной свитой: Ирис и Реджин – приближённые слуги из его окружения, и несколько других воинов.

На площади перед дворцом, как всегда в подобных случаях, повсюду валялись следы праздника: мусор, объедки и пьяные. Всё это дворцовые слуги скоро начнут убирать. На улицах до сих пор можно было встретить шатающихся из стороны в сторону сильвитов, которые расходились по домам после торжества. Это несколько затрудняло движение, но чем дальше они отдалялись от центра города, тем становилось свободнее.

Пока король со слугами двигались к западу страны, над горизонтом уже поднялся солнечный диск на фоне безоблачного неба. Однако в лесу всё ещё оставалось темно – густая листва не пропускала крохотные лучи ещё не окрепше-

го солнца.

Король мчался впереди всех. И никто даже не догадывался, как ему было плохо.

Уже некоторые сутки он не спал, и эта бессонница давила на него, как огромный камень. Голова болела постоянно, часто кружилась, доводя его до полубморочного состояния. Начали трястись руки, иногда сводило мышцы. Но он не придавал своему состоянию особенного значения и связывал бессонницу с волнением перед церемонией.

Внезапно король вцепился в своего сорна, согнулся к самой его шее, почувствовав дикую боль в области сердца. Его как будто живьём вырывали из груди. От этой боли помутнело в глазах, сознание начало уходить от него. Всё это заняло несколько секунд.

Ещё секунда – и король уже не может контролировать свои руки, они потеряли чувствительность и перестали цепляться за шею животного.

Ещё секунда – и король падает, и на огромной скорости катится по земле, и с той же скоростью налетает на дерево.

Ещё секунда – и он уже не может дышать.

Его слуги мало что успели понять, первым помчался к королю Ирис. Но даже этот человек с молниеносной реакцией не смог ничего сделать. Преданные слуги нашли лишь тело своего мёртвого короля. Тело с ободранной кожей, переломанными рёбрами и свернутой шеей.

Несколько минут слуги стояли над телом, перепуганные

и озадаченные, шокированные и скорбящие, вопрошающе глядя друг на друга и на мёртвого короля, на стволы деревьев, на собственные тени.

Первым взял себя в руки Ирис.

– Как мы поступим? – В лесной тиши его хриплый голос раздался как гром, заставив воинов вздрогнуть. – Её величество королева Фриджия ждёт короля к свадебной церемонии. Её нельзя оставить в неведении. И нужно отвезти короля обратно, чтобы совершить ритуал погребения.

– Давайте поделимся, – предложил Реджин, – кто-то поедет к королеве, остальные доставят короля обратно.

– Я сообщу королеве Фриджии, – сказал Ирис, – а вы позаботьтесь о короле.

– Так и сделаем. Сопроводи нашу королеву на погребальную церемонию. Сегодня вечером на закате мы простимся с королём.

После прибытия Ириса в главный дворец его сопроводили к Фриджии, которая в этот момент находилась у постели сестры. В комнате пахло целебными травяными отварами – в этой области Фриджия изучила все, что только смогла отыскать. Глория проснулась от стука в дверь и сонно привсталась на постели, ожидая за слугой увидеть короля.

Но его не было.

– Ваше величество. – Ирис поклонился. В его движениях была нервозность, на обожженном лице собрались хмурые

морщины.

– Что-то не так? – проговорила королева обеспокоенно. Со своего места она заглянула за его плечо в ожидании увидеть своего мужа.

Глория тоже заподозрила нечто не очень хорошее, и сердце её начало больно сжиматься по неведомой пока причине.

– Я должен сказать вам, – обратился Ирис к Фриджии. Слова явно давались ему с трудом. – Произошёл несчастный случай. По дороге сюда король Кириэлл... скончался.

Фриджия хмуро усмехнулась.

– Если это шутка, то неудачная.

Но Ирис лишь помотал опущенной головой.

Королева побледнела и несколько мгновений с нарастающим отчаянием смотрела на слугу, принёсшего столь печальную весть, уронила голову на руки и заплакала. Заплакала почти бесшумно, но всем было известно, какое горе она переживает.

Глория залилась слезами и печаль её была не меньше: она плакала из-за смерти своего друга и из-за сестры, так скоро потерявшей любимого.

Ирис не стал сразу вмешиваться, он готов был ждать столько, сколько нужно. Однако ожидания не затянулись. Королева обратила тусклый и печальный взгляд к слуге своего покойного супруга.

– Когда церемония погребения? – Ее тихий голос дрожал, слова с трудом слетали с губ.

– Сегодня на закате.

– Я должна быть там. Сейчас же прикажу собрать всё необходимое. – Затем добавила уже другим голосом, печально и сочувственно: – А ты как, Ирис? Прими мои соболезнования. Я знаю, вас с Кириэллом связывают годы дружбы.

– Я в порядке. Благодарю за заботу, ваше величество. Король действительно стал мне другом.

Слуга уже хотел уходить, но вдруг передумал и обернулся к королеве:

– Знайте: вы можете рассчитывать на меня. Я буду служить вам так же преданно, как служил королю. Что бы ни случилось. Теперь вы – моя госпожа и наша королева.

– Очень признательна тебе, Ирис, – Фриджия слабо улыбнулась.

Ирис покинул комнату Глории и направился к слугам королевы, дабы разделить с ними подготовку всего необходимого для столь печальной церемонии прощания. Тем более церемония была печальна сейчас, когда супруги не пробыли вместе ни одного дня.

Так же размышляла и Глория – впечатлительная, ранимая и верящая в любовь девушка.

– О Фриджи! – выговорила она, наконец, немного успокоившись от слёз. Но как ни старалась, ничего больше произнести у неё не получилось.

Фриджия обняла сестру, и та прижалась к ней очень крепко, как будто боялась, что и с ней может случиться беда. Ни-

как не хотела отпускать её, чувствовала боль утраты близкого человека, одновременно осознавая, как многое они с сестрой значат друг для друга.

Кто же ещё, если не Фриджия, мог пожертвовать своей личной жизнью и примчаться к болевающей сестре, чтобы сделать ей лекарственный отвар? Что бы Глория делала без своей замечательной сестры.

– Фриджи, – снова повторила она.

От собственного голоса и имени сестры слёзы покатались по её лицу с новой силой. Как такое могло случиться? – думала она. Фриджия – самый замечательный человек во всём мире, и кто, как не она, достоин счастья?

В этот момент Глория, конечно, не вспомнила всех тех неразрешенных вопросов или странных поступков, которые иногда совершала сестра. Правду говорят, что у любимого человека нет недостатков.

Но не стоило переживать за Фриджию. Королева была счастлива. Она чувствовала такую лёгкость, такое удовольствие. Наконец-то она избавилась от этого бесполезного и нервирующего человека, который заставил её вынести столько всего. Он был всего лишь помехой на пути к великой цели, и теперь этой помехи не стало.

Но что это за странное чувство вдруг зародилось в душе хладнокровной королевы? Злорадство. Такого Фриджия от себя никак не ожидала.

«Не могла же я опуститься до такого! – растерянно и сер-

дьясь на себя подумала она. – Чужая смерть – не повод для проявления своих эмоций. И откуда только они взялись? Надо успокоиться, а то ведь, если так пойдёт и дальше, я и на погребении не смогу сдержатъ смех».

Она напустила на себя как можно больше траура и скорби и обратилась к своей сестре:

– Глори, ничего страшного, что ты останешься здесь и не простишься с его телом. Твоё здоровье гораздо важнее. Извини, я всё же вынуждена тебя оставить, но обещаю вернуться как только смогу.

– Не стоит так беспокоиться обо мне, сестра, – сквозь слёзы проговорила Глория. – Я и так чувствую себя виноватой... Тебе не следовало приезжать сюда из-за такой мелочи. И сейчас ты должна быть там столько, сколько нужно, сколько пожелаешь. Я всё прекрасно понимаю и ни в коем случае не стану на тебя сердиться. Наоборот, если ты поедешь обратно ночью, я буду очень волноваться. Так что обещай мне остаться там до утра.

– Хорошо. Но тебе не в чем себя винить. Я ни о чем не жалею и поступила бы так снова.

– О Фриджи! – в который раз повторила Глория, обнимая сестру. Немного успокоившись, она выпустила её из объятий. – Не стану тебя задерживать...

Девушка встала с постели, поцеловала свою наивную сестру в лоб и ушла, оставив её наедине с печальной новостью. Глория, проводив сестру сочувствующим взглядом, откину-

лась на подушку и накрылась одеялом, оставив только красные воспаленные глаза.

Свет из открытого окна отбрасывал причудливые тени, пляшущие на потолке и стенах. Несмотря на свой возраст, Глория иногда боялась оставаться одна. И в этот раз её пугали жуткие тени деревьев, похожие на руки и силуэты странных существ, которые только того и ждут, пока человеческая девочка заснёт, чтобы забрать её. Даже травы не могли избавить Глорию от этого абсурдного, совершенно беспричинного, но очень навязчивого чувства.

Но стоило ей закрыть глаза, как гудящий рой переживаний обрушился на неё с новой силой, усиливая это щемящее чувство в груди. Потерять друга – это очень больно.

Всю ночь ей снились беспокойные сны, напряжённые и неприятные, и даже во сне её не покидали переживания. Такая впечатлительность вполне соответствует её возрасту и характеру. Ведь Глория, в отличие от сестры, обладала способностью сопереживать чужому горю.

Уходящий день освещали последние лучи бесчувственного солнца. Завершая свой путь, светило окрашивало небесный свод тёплыми и холодными оттенками красного, проводило золотыми лучами по утопающему в зелени и трауре городу.

Солнечный свет постепенно остывал, уступая место ночному покою. Жестокое солнце, такое холодное, такое беспо-

щадное. Сколько раз оно являлось свидетелем ужасных событий, и сколько раз было тому виною.

Нет переживаний, нет волнений, нет чувств.

Солнце безжалостно скрылось за горизонтом, забирая с собой всё своё тепло, и оставило наскучившую толпу с их мелкими заботами и заплаканными лицами на попечение своего тёмного брата. Только свет от костра теперь освещал людей, отражаясь в их глазах вместе со скорбью, сожалением и сочувствием.

В глазах королевы отражалась бездна.

Ритуальный костёр, святой и всеочищающий, обнимающий тело молодого короля, всё не угасал. Он будто чувствовал повисшую в воздухе молчаливую горечь утраты, так сильно сжимающую сердце.

И чувства всех собравшихся здесь сливались воедино, уносясь вместе с дымом костра ввысь, как немое прощальное послание.

Лишь королева ничего не чувствовала. Безжалостный палач, безмолвный наблюдатель, она, как никто другой, истинное олицетворение солнца на земле.

Уже стемнело, небо полностью окрасилось в ночные краски, отступило на второй план, создавая приятный фон для светил тёмного времени суток. Уже над городом воцарилась ночь, заливая всё вокруг безбрежной тьмой. А священное пламя всё не угасало. Вот оно, наконец, поглотило свою пищу, начало понемногу опускаться, всё ниже и ниже, словно

под давлением мглы.

Огонь погас, а вместе с ним утонули в темноте и цвета, лица слились друг с другом и тоже пропали. Вокруг различались лишь тёмные силуэты, и над ними – бескрайняя долина звёзд.

– Теперь я могу спать спокойно, – проговорила Фриджия, расположившись в своей комнате своего нового дворца. С недавнего времени ей принадлежало уже две страны, полностью, законно и неоспоримо.

– Да, я тоже. Кажется, я напрасно волновался.

По внешнему виду Моррита посторонний человек не скажет бы, что он вообще умеет волноваться, ибо чувства крайне редко отображались на его лице.

– И всё-таки странно это. Я не понимаю, как можно оплакивать человека, с которым не знаком, которого ни разу в жизни не видел.

– Всё это – человеческие заморочки от нечего делать. Разве у занятых серьёзным делом людей есть время на посещение таких бессмысленных церемоний? Я больше чем уверен, что через пару лет никто даже имени его не вспомнит.

– Потому что помнят только великих.

– Нужно иметь нечто большее, чем просто красивое лицо и знатное происхождение.

– Чего только не заставит людей совершать традиция. Как будто это приказ какой-то. Вопрос жизни и смерти.

– Люди вообще очень зависимые существа. Вedomые.

– Хотя воображают себя свободными и исключительными.

Оба усмехнулись. Редко кто смог бы похвастаться такой идиллией и полным взаимопониманием, как эти двое.

– Что теперь планируете делать, госпожа? Определились со страной?

– Думаю, нужно начать с Примы.

– Почему же, если не секрет?

– Помнишь, когда-то нас посещал посол короля Аргуса? Они с братом так и не смогли прийти к соглашению. Он прибыл с предложением выгодной торговой сделки, да и не только торговой. Нельзя упускать такой шанс.

– Конечно же, вам следует поехать. Аргус наверняка оценит ваш визит.

– Я ещё не решила, кто будет меня сопровождать.

– Позвольте мне.

– Раз ты настаиваешь...

Он улыбнулся.

– Благодарю за ваше доверие. Тогда, возможно, стоит взять Фиделиса и пару его лучших воинов.

– Пожалуй, так и поступим. Останется лишь найти проводника, который хорошо знает дорогу, не придиричив к еде и не любит пустой болтовни.

– Фиделис наверняка знает такого.

– Не сомневаюсь. Осталось привести в порядок дела. Вы-

брать наместника, который будет исполнять мои обязанности в Сильвании. Кого-то из местных. – Фриджия ненадолго прикрыла глаза. За короткое время у нее значительно прибавилось забот и ответственности. – Думаю, через две-три недели мы покинем родное гнёздышко.

12

После трагической гибели своего супруга королева стала немного реже появляться за пределами своего дворца в Каэлур. Вместо неё всеми публичными вопросами и делами в обеих странах занимались доверенные люди по её прямым поручениям.

– Ещё бы, ведь она столько пережила! – понимающе кивали люди. – Не удивительно, что на некоторое время королева замкнулась в себе.

– Да, её история, кажется, самая печальная на свете. Лишиться любимого в день свадебной церемонии – что может быть хуже? На её месте любая девушка избегала бы общества. И ведь она всё равно старается не падать духом!

– Это сильный удар. Надеюсь, королева сможет это пережить, а то как же мы без неё... Даже не представляю, что она чувствует!

– Такого никому не пожелаешь.

– А ведь король даже наследников не оставил...

– Жалко его: погибнуть в таком юном возрасте, при том оставить молодую супругу.

– Каково ей – ни детей, ни мужа. Вдвойне тяжело. Она, должно быть, очень страдает. Бедняжка!

Людям остаётся лишь печально вздыхать и с грустью сочувствовать бескрайнему горю их королевы. И даже по про-

шествии двух недель люди с болью в сердце вспоминали эту трагедию, переживая её как свою собственную утрату. Остался ли человек, не проникшийся сочувствием к её величеству? Почему судьба так жестоко обошлась с ней, с этой прекрасной, доброй и заботливой девушкой?

Королева целыми днями допоздна засиживалась за рассмотрением бумаг и документов. Вместе с ещё одной страной она получила и незаконченные дела. Вдобавок, со смертью супруга ей досталась и другая работа. Поскольку сама она по большей части находилась в Каэлур, наместниками в Сильвании были назначены трое старших советников прежнего короля – и это практически не меняло устоев страны, так как советники и прежде занимались той же работой. А за исполнением их обязанностей следили Ирис и Реджин. Королева знала, что они не подведут её, что они послужат ей так же преданно, как служили её мужу.

Погрузившись в работу, Фриджия не забывала и о семье. Свои непродолжительные перерывы она заполняла общением с сестрой и с сыном своего брата.

Мальчик пока не был уверен, как ему относиться к перемене власти. С одной стороны, отец многое ему позволял как единственному сыну и наследнику, но с другой мальчик боялся его: в плохом настроении Бенедикт поднимал руку и на сына, и на свою жену. Жена его, хоть и вздохнула с облегчением, предпочитала не покидать своих покоев и крайне редко показывалась на семейных обедах.

Бенедикт-младший был отдан на воспитание и попечение всем пяти приближённым слугам королевы. Пока к Фриджии он относился настороженно, но и его не могла не покори́ть королева, огромное внимание уделяющая его воспитанию. Всё-таки, она надеялась исправить привитые ему бездарным отцом дурные качества. А от своих новых учителей Бенедикт был в полном восторге. Каждый из них обладал особыми качествами и талантами, и мальчик с готовностью обучался их мастерству. Разумеется, у него были и другие учителя: учёные, с каждым из которых Фриджия была лично знакома и часто беседовала на недоступные детскому пониманию темы.

Фриджия не без удовольствия наблюдала, как племянник перенимает её образ жизни и постепенно приобретает нужные ей качества. Она хотела воспитать в нем своего наследника, готового, как и она, нести большую ответственность. Готового вести страну к свету.

За две с половиной недели королева справилась со своей работой, и сложные механизмы разносторонней деятельности в обеих странах слаженно и без промедлений заработали с новой силой. Королева так умело разрешила все вопросы, что смерть короля никак не повлияла ни на экономическую, ни на социальную стороны жизни Сильвании. Сильвиты дорожили своими традициями, устоями и самобытностью, и Фриджия не собиралась ничего менять.

Теперь полным ходом шла подготовка к путешествию.

Фиделис, оправдав сполна все ожидания, подобрал соответствующего всем требованиям проводника. Повозку решили не собирать, а отправиться налегке небольшим отрядом из шести человек. В дорогу собрали только самое необходимое, рассчитывая приобретать по пути всё, что им нужно, так что сборы не отняли много времени.

Глория, как всегда, начала волноваться и переживать задолго до отъезда сестры. В дороге всякое может случиться, о чем она считала нужным напоминать сестре при каждом удобном случае, но отговорить упрямую Фриджию у нее так и не получилось.

День клонился к вечеру, и вся семья по обыкновению собралась в саду на вечернее чаепитие. Они расположились на крытой террасе внутреннего двора, который с четырёх сторон окружали каменные стены.

– Как дела на тренировках? – поинтересовалась Фриджия у Бенедикта, чтобы хоть как-то разговорить его. А то просидел бы так молча всё чаепитие.

– Хорошо, – скорее неуверенно, чем неохотно проговорил он.

– Тебе нравится учиться?

– Иногда.

– А твои учителя?

– Я их обожаю! – наконец, улыбнулся мальчик. – Предыдущие им и в подмётки не годятся.

– Вот как? Рада это слышать, – улыбнулась в ответ Фри-

джия. – Значит, ты уже многому научился?

– Конечно!

– Тогда ты, наверно, не будешь против показать мне своё мастерство? Как только я вернусь, устроим дружескую битву, согласен?

– Но... – смутился Бенедикт, – разве вы владеете мечом, сестра?

Фриджия считала, что для того, чтобы именоваться тётёй, она ещё слишком молода.

– А как же иначе? Ты думал, я просто так ношу свою рапиру, для красоты? – Она с улыбкой покачала головой. – Я начала тренировки примерно в твоём возрасте.

Бенедикт пробормотал извинения за свою глупость, оправдываясь тем, что мало знаком со своей старшей сестрой. В завершение добавил:

– Значит, у меня нет шансов, так как ваш опыт гораздо больше моего.

– Ты даже не пытался, а уже сдаёшься. Совсем не лидерская черта. Так не пойдёт.

Бенедикт засмутился от такого заявления: вот чего от него ждут – проявления лидерских качеств. Он провёл рукой по каштановым волосам.

– Ничего подобного! Просто, здесь и так всё ясно. Кажется, мудро поступает тот, кто не ввязывается в войну, которую ему не выиграть. Это я в книге прочитал.

– Да ну? Книга ведь о военной стратегии, а не о трени-

ровочных боях. Так что потренируйся за время моего отсутствия. Ты ведь очень способный юноша.

Бенедикт смущенно уставился в свою чашку. Но вдруг ему в голову пришёл вопрос, который он немедленно озвучил:

– А почему вы, сестра, решили обучаться фехтованию? Отец говорил, это не женское дело.

Фриджия в задумчивости отвела взгляд в глубину сада. Сквозь листья, поверх изгороди можно было увидеть город. Там зажигали фонари на улицах и понемногу загорался свет в окнах домов. На город, словно туман, опускались сумерки.

– Потому что я хотела защитить свою сестру, – ответила она, – ведь я знала, что больше нас никто не защитит.

– Почему не защитит? Ведь у вас так много охраны!

– Раньше всё было по-другому. Скоро ты поймёшь, что в жизни можно положиться только на себя, и ни на кого больше.

Глория с тоской посмотрела на свою сестру. С самого детства она находилась под её защитой и до сих пор боялась расставаться с ней, боялась потерять её. Фриджия, как будто прочитав её мысли, улыбнулась и легко дотронулась до её руки.

– Не волнуйся, Глори, не успеешь соскучиться, как я вернусь.

– Я не...

– И тогда мы отправимся все вместе куда вы захотите. У

меня будет много свободного времени. Мы могли бы, к примеру, выбраться загород.

– Правда? Ты уверена? – оживилась Глория.

– Куда бы ты хотела?

– Я... надо подумать.

Фриджия вопросительно посмотрела на Бенедикта, как бы обращая свой вопрос к нему.

– А я бы хотел пойти в горы на несколько дней, – ответил он. – Если можно.

– Отличная идея. Так и поступим.

Мальчик обрадовался. Тётя ему, определённо, нравилась.

– И мы будем лазить по скалам и исследовать пещеры?

– Всё, что ты захочешь, – улыбнулась Фриджия.

– Вот здорово! – Он всегда хотел почувствовать себя настоящим путешественником, который стойко выносит все трудности и опасности.

«Ты самая лучшая», – подумал он, но вслух не сказал.

– В горах, должно быть, удивительно красиво.

Глория была счастлива. Сестра в первый раз предложила семейную поездку. А ей так этого не хватало – поехать куда-то всем вместе, как будто они обычная дружная семья. Это очень многое значило для неё.

Фриджия поставила пустую чашку на стол.

– Ну, значит, договорились. Ещё немного – и начинайте готовиться ко сну. А у меня ещё остались дела.

Улыбнувшись на прощание, она быстрыми шагами удали-

лась, оставив детей гадать, что у неё могут быть за дела в это время суток.

«И что это было? – думала с негодованием королева, поворачивая в следующий коридор. – Как будто у меня других дел нет. Впрочем, в горах можно заняться изучением местных существ».

После очередного коридора, уже перешедшего на вечернее освещение, где обрамлённые в кованое железо фонари излучают жёлтый свет, последовала лестница в подвал. Туда, где находятся темницы.

Стражи, дежурившие у массивной двери, поклонились госпоже. Она вытащила из складок платья связку ключей и отперла дверь. Ещё несколько ступеней вниз – и королева шагнула на каменный пол.

Справа и слева тусклый свет выхватывал тёмные широкие решётки камер, за которыми по несколько человек в каждой обитали узники. Здесь была и ниша для надзирателей, которые сменяли друг друга два раза в день. Теплота и сухость создавали непривычное для подобных мест ощущение комфорта – королева заботилась о своих пленниках.

Стражники вскочили с мест, приветствуя свою госпожу.

– Как тут дела?

– Тихо и спокойно, ваше величество. Заключение почти не производят шума, мало общаются. Большую часть времени спят.

Королева кивнула. Она не торопясь прошла вдоль решё-

ток с одной стороны стены и перешла к другой, пристально вглядываясь вглубь камер. Заключённые сидели, привалившись к стенам, словно в каком-то полусне. Они почти не шевелились, их редкие движения были как будто замедленными и отрешёнными. Когда королева проходила мимо них, лишь малая часть пленных обратила в её сторону тусклый безучастный взгляд когда-то полных жизни глаз. Другие не обращали внимания, бессмысленно уставившись в мёртвую точку.

Королева насчитала двадцать два человека, не принимая во внимание ещё одного, особенного заключённого.

– Что-то ты к нам зачастила. Всё обходишь камеры? Считаешь, сколько пленных прибавилось? – раздался хриплый голос из дальней камеры. Надменная усмешка звучала в его словах. – Или боишься, что кто-то сбежит, а, королева?

При всём желании сбежать отсюда не представлялось возможным: крепкие каменные полы и стены, несгибаемой толщины прутья решёток, неподкупная стража.

– Ты что-то хотел сказать, брат?

Бенедикт-старший терпеть не мог, когда Фриджия его так называла. Никогда не признавал родства с ней.

– Просто интересно: зачем величеству спускаться в это помещение? Уже второй раз. Ты даже здесь не лишаешь меня возможности видеть твое надменное узурпаторское лицо.

– Хочешь поговорить?

– Да, давай поговорим.

– Оставьте нас.

Надсмотрщики поклонились и спешно покинули темницу, оставив Фриджию наедине со сводным братом.

В присутствии стражи он сидел в тёмном углу, завернувшись в одеяло, и теперь немного пододвинулся к решётке. За то время, что он провёл здесь, его светлые волосы вдвое увеличились, закрыв собой половину лица, взгляд помутнел, впали щёки. Когда-то его можно было назвать красивым – по крайней мере, внешне. А теперь он больше походил на человека, лишившегося рассудка. От бывшего образа, созданного им самим, не осталось и следа.

– Ну что, сестричка, нравится тебе твоё положение? Этого же ты всегда хотела – забрать у меня титул?

– Не жалуюсь.

– А что твой возлюбленный, король? Умер, да? Я слышал об этом. Твои стражи любят поболтать. Я знаю, это твоих рук дело.

– Надо же, какая проницательность.

– Почему тогда и меня не прикончишь? Кровные узы – в этом всё дело? Совесть будет мучать?

– Ошибаешься.

Она улыбнулась, но не так, как улыбалась всегда – на этот раз действительно искренне. И этот её взгляд, словно бездны мира мертвых... Бенедикту стало не по себе, он поёжился, но усилием воли не убрал насмешку с лица.

– Что-то ты не сильно разговорчивая, сестричка.

Она ничего не ответила, только скрестила руки на груди и облокотилась на стену. Тогда Бенедикт заговорил снова:

– Зачем ты спускаешься сюда? Задумала что-то? Зная тебя, можно предположить что угодно. Признавайся: ты что-то задумала!

– Ты даже о сыне своем не спросишь? Хорошо ли ему под моей опекой?

– Сын? Да мне наплевать на него, он уже не мой ребенок. Это всё ты, ты его изменила, обратила в свою веру! Теперь он не мой ребенок, а начинающее подобие великой королевы! Так? Так что мне о нем спрашивать, у меня больше нет детей!

– Значит, вот как заговорил. Серьёзно так думаешь? Неужели, я способна на что-то подобное? – Её лицо приняло самое невинное выражение.

– Ой, не надо! Я ведь всё про тебя знаю!

– Да? И что же?

– Всё! О тебе и о твоих делишках, и о твоих приспешниках, и о твоих любовниках. Это ты убила всех тех людей, чтобы захватить власть. А может, ты и отца прикончила?

– Ну, такого я никак не ожидала. А ты, оказывается, высокого мнения о моих способностях. – В её голосе прозвучало неподдельное удивление: как брату вообще пришло на ум обвинить её в смерти отца? Хотя в чём-то он прав – ей эта смерть только на руку. – Можно подумать, ты у нас такой белый и пушистый.

– Уж лучше твоего.

– Могу поспорить, хотя бы одного из своих братьев убил ты. Или обоих? Не слишком благородный поступок.

– Откуда ты знаешь? Никого я не убивал, чепуха всё это! – Бенедикт беспокойно вскочил на ослабевшие ноги и припал к прутьям решетки. Насмешку в его голосе сменили напряжённые интонации, он говорил сбивчиво, испуганно и с яростью.

– О, сами умерли, значит.

– Сами! Я здесь вообще ни при чём! С чего ты это взяла? Вздор!

– Ты был третьим сыном в семье и с детства знал, что тебе никогда не видать трона. Всё изменил случай. Один из твоих братьев так удачно заболел, что осталось лишь одно препятствие на пути к желаемому. Такое бывает раз в жизни, и ты решил не упускать своего шанса.

– Не правда!

– Убить собственного брата, и всё ради власти, которую не смог удержать. – Она покачала головой. – Тебе должно быть стыдно.

– Чушь! Вздор! Ты ничего не знаешь!

– Хорошо. А как же тот бедный слуга, которого ты казнил за то, что он поскользнулся?

– Он хотел меня убить! У него был нож, он специально это сделал, чтобы никто не догадался, что он преступник!

– И стражник, который прибежал к тебе в комнату на кри-

ки, тоже хотел твоей смерти?

– Не было никаких криков, он сам всё придумал!

– Знаешь, твоя ошибка в том, что ты с самого начала поступал глупо. Хочешь кого-то убить – сделай это тайно. Ты же разыгрывал из казней представление, выставляя себя жертвой. Оскорбленная невинность. Вот только актёр из тебя жалкий.

– Зато ты, сестричка, такая особенная. Все у тебя получается, все тебе удаётся. – Тон заключённого вновь перешёл с испуганного на озлобленный. – Тебе все безоговорочно верят, все любят тебя, восхищаются тобой. Один я знаю, какая ты на самом деле!

– Правда? И какая же?

– Ты злобная, бездушная тварь! Ты забрала у меня моё наследство, мой титул, мою власть, даже сына! Всё забрала! – По мере возбуждения его голос повышался и переходил на хриплый крик, который, впрочем, не был слишком громким из-за ослабевших голосовых связок.

– А мне кажется, я милая и добрая. Я очень люблю детей и своего брата, навещаю его тут. Но он, видно, не отвечает мне взаимностью.

– Хватит! Прекрати свои странные разговоры, ты всё равно ничего не добьёшься. Ты не способна как полагается управлять страной, соблюдать порядок, вести грамотную политику! – В том, как часто менялись его интонации с повышенных и яростных тонов, ехидства, до почти шёпота и стра-

ха, ясно было видно: его рассудок не в порядке. – Что станет с моим королевством из-за тебя? Беспорядки, убийства, насилие, беззаконие! Если страна и развалится, то только по твоей вине. Ты слишком многое о себе возомнила, девочка. Что бы ты ни делала, ты всё делаешь неправильно! Скоро казна опустеет, люди взбунтуются. Они поймут, как хорошо жили при моем правлении. Они хотели получить добрую и милосердную королеву, а получили истинное зло!

– Занятно. – Королева Фриджия усмехнулась. – Ты берешься судить меня, ни разу не попытавшись узнать. Ты называешь меня жестокой, а сам при этом считаешь нормальным избивать своего сына, жену и слуг. Ты просто жалок.

Бенедикт обречённо опустил на свою кушетку в углу и молча уставился с затравленным видом на свою мучительницу. Где-то далеко последние частицы здравого смысла понимали: он – глупец, бессильный, ни на что не способный, и всегда таким был. Но вся остальная его параноидальная сущность говорила: во всём виновата Фриджия и только она! Внезапно он вспомнил кое-что, свой вопрос, на который так и не получил ответа.

– Так зачем ты здесь? Какого чёрта тебе понадобилось в темницах? Не посмеяться же надо мной ты пришла.

– Ты прав, хотя и посмеяться я успела, – уклончиво отозвалась королева.

– И что у тебя на уме?

– Хочу продать твоих соседей.

– Продать? – Он удивлённо усмехнулся. – С чего бы это? Содержать их стало в тягость после того, как вся казна опустела, я прав? И кто их купит, скажи на милость? Во всех ближайших странах запрещена работорговля.

– Ты знаешь что-нибудь о Вороньем Гнезде?

Бенедикт даже рот открыл от удивления. Кто же не знает о Вороньем Гнезде: арена посреди каменной пустыни, где рабы сражаются за свою жизнь ради забавы зрителей.

– И... как ты собираешься это сделать? Люди увидят работорговцев возле дворца – что они подумают?

– Не твоего ума дело.

– Двадцать с лишним человек не так-то просто перевезти незаметно.

– Не переживай, я оставлю двоих... тебе в компанию.

– Что? Зачем мне... – Он замолк от пришедшей к нему догадки. Глаза постепенно расширились от ужаса, и он с силой замотал головой из стороны в сторону.

– Всё правильно, брат. – На её лице отразилась жуткая зловещая ухмылка, от которой бросало в дрожь и сердце сбивалось с ритма. А голос изменился на снисходительно-жестокый. Она говорила медленно, словно желая растянуть удовольствие. – Наконец ты всё понял. Я знала, что ты поймёшь.

– Да ты... ты... ты просто сумасшедшая! – запинаясь, не своим голосом закричал Бенедикт. От его напускной самоуверенности не осталось и следа.

– Неужели? – ещё шире улыбнулась Фриджия. – А мне ка-

жется – любопытная. – Она получала огромное удовольствие видеть до полусмерти перепуганного обезумевшего брата, в отчаянии мечущегося по камере. Он то припадал к одной стене, будто хотел вдавиться в неё, то хватался за железные прутья камеры, но тут же с ужасом отпрыгивал назад. Хватался за волосы, заламывал руки.

– Нет, не может быть, – бормотал он, – ты не можешь так поступить... мы же родственники! – Он встал на колени перед решёткой и схватился за прутья так, что костяшки пальцев побелели. Он чуть не плакал. – Нет, прошу тебя, не делай этого! Только не со мной! Фриджия! Сестра!

Причина безудержного страха перед сестрой крылась глубоко в прошлом, когда они ещё жили вместе. Страхом объяснялись все его поступки – он старался причинить боль обеим сёстрам и использовал для этого любые возможности.

До некоторого времени Бенедикт не обращал никакого внимания на своих сестёр. Он жил своей жизнью, они своей. Главное – чтобы дети не шумели, не надоедали и не попадались на глаза, а вступать с ними в контакт он не хотел. Они бы и жили дальше так же мирно, не замечая друг друга, если бы не один из ряда вон выходящий случай.

Бенедикт поздно ночью бродил по дворцу в поисках какого-нибудь интересного занятия. Случайным образом он оказался в мало знакомой части дворца, где жили сёстры. Он никогда сюда не заходил по известным причинам, а коридоров было так много... Теперь уже в поисках выхода он блуж-

дал по коридорам и дёргал все подряд ручки дверей, но ни одна из них не поддавалась. Было темно, и принц уже отчаялся выйти отсюда, но тут он увидел замаскированную го-беленом дверь. По случайности та была открыта, и юноша с интересом обнаружил спуск в подземелье. Длинный проход вывел его к залу с несколькими дверьми. Из-под одной из них выбивался луч света. Он заглянул в щель и увидел картину, потрясшую его до глубины души и прочно засеившую в памяти.

Стол посреди комнаты, на нём лежит человек. И кровь, много крови. Над трупом склонилась маленькая девочка, орудуя каким-то острым предметом. Это была юная принцесса Фриджия, любимица короля, и она улыбалась. Улыбалась такой же жуткой улыбкой, как сейчас, наблюдая за агонией брата. В тот раз она заметила его, и от её взгляда, взгляда восьмилетней девочки, у него застыла в жилах кровь и появилась первая седина. И её улыбка, обращённая к нему, все последующие годы преследовала его в кошмарах.

Он боялся и ненавидел её, а за одно и её младшую сестру. От её вида он каждый раз терял самообладание, впадал в неконтролируемый ужас из-за мыслей о том, что когда-нибудь она и до него доберётся и добавит его органы к своей коллекции, вскрыв перед этим живьём.

– Мне кажется, ты драматизируешь. Замолчи и успокойся, – приказала королева. А потом добавила с милой улыбкой: – В любом случае, это произойдёт не так скоро, как ты

думаешь. И это не так больно, как ты думаешь. Это намного хуже. – Она развернулась и направилась к выходу, насмешливо махнув своему брату рукой.

А остальные заключённые никак не отреагировали ни на возню в одной из камер, ни на такой разоблачающий разговор. Они сидели всё так же в частичном забытии с отрешёнными лицами. И на это тоже была определённая причина.

Поздней ночью, когда вся дворцовая прислуга и жители города погрузились в сладкие сны, у не приметного здания на окраине города остановилась большая повозка, плотно накрытая тёмной тканью. Большинство фонарей остались незажжёнными, и луна периодически укрывалась за тучами, так что ночные гости сливались с окружающей темнотой.

Богато одетый человек, самоуверенный и эксцентричный, тихо переговаривал с кем-то из круга королевы, пока два его помощника перетаскивали в повозку ящики. Внутри повозки они открывали эти ящики и укладывали в кучу тела. Двадцать человек неровно лежали друг на друге в несколько рядов. Но никто из них даже не думал просыпаться. Ко времени пробуждения они будут совершенно в другом месте, и вместе с долгим сном пленников покинут большинство их воспоминаний.

Человек рассчитался за столь ценный товар, и сильно потяжелевшая повозка скрылась в темноте, никем не замеченная.

Каэлур занимала довольно большую площадь, несмотря на ограничивающую её стену. Чтобы обогнуть всю страну, путешествуя на лошади, понадобился бы далеко не один день. Внутри стен, кроме пяти городов со средним числом жителей сто тысяч человек, огромное пространство занимали живописные долины рек, леса и посевные поля, а на северо-востоке извивающейся змеей раскинулись хребты Драконьих гор, вершины которых поднимались до самых небес. Там, в горах, брали своё начало реки. Они спускались по зелёным склонам как по ступеням, падали вниз гремящими потоками и стремились дальше сквозь страну покорять новые дали.

В долине одной из таких рек остановился отряд королевы Фриджии, преодолев полдня пути на юг. Пока лошади мирно щипали траву вблизи водоёма, королева и её спутники отдыхали под сенью деревьев и наслаждались удивительным видом долины. Когда как не теперь понимаешь всё богатство и совершенство природы, всю её загадочность и продуманность, простоту и вместе с тем непостижимость! Как жаль, что лишь немногие замечают это непостоянное, гордое, но по-настоящему чарующее живое существо.

Сейчас спутники находились на подъезде к Южному городу. Во время своего привала они почти не разговаривали.

Даже есть никто из слуг не решался – королева не давала такого приказа. А Фриджия лежала на траве, вглядываясь в небо сквозь переплетения веток и листьев, и совершенно не думала о том, что кто-то из её подчинённых может испытывать чувство голода.

Прошло ещё немного времени, девушка резко поднялась. Взгляды её пятерых спутников тут же обратились к ней.

– Едем. В Южном городе я хочу посетить Школу.

Сказав это, она направилась к своей лошади, её спутники заторопились следом.

Школа, о которой говорила королева, появилась в Южном городе совсем недавно и была пока единственной в своём роде. Пока. Школой называлось такое место, где детей-сирот, ставших таковыми в результате пожаров в бедных районах, воспитывали и обучали по специальной методике самой королевы. Эта Школа занимала территорию Южного дворца и прилежащих к нему построек. Учебный и жилой корпуса обустроили в максимально короткие сроки. В этом благородном деле им немало содействовали и простые люди, горожане, неравнодушные к судьбе сирот. Общими усилиями эта Школа стала самым чудесным местом, родным домом для нескольких сот детей. Здесь они жили в хороших условиях, воспитывались лучшими учителями, проводили своё время весело и с пользой.

Королева хотела лишь ненадолго заглянуть в свою Школу, узнать, как продвигается учёба и всё ли в порядке. Вол-

новать своих воспитанников она не хотела, поэтому, прибыв к своему бывшему месту жительства, она напрямик направилась в преподавательскую.

Эти родные коридоры, эти залы – всё напоминало о времени, проведённом здесь, хотя всё это уже сильно изменилось, пропиталось другой энергией. Около шестисот детей-сирот со всей страны собрались здесь. Все они росли и постепенно перенимали образ жизни Фриджии как своего кумира, а вместе с тем её идеи и стремления. Все они хоть однажды видели королеву, некоторые даже говорили с ней, и её образ прочно запечатлелся в их сознании. Образ воплощённого идеала, к которому стоило стремиться.

Королева вернулась к своим спутникам с хорошими новостями. Разумеется, она и так знала, как обстоят дела в её Школе, но личное посещение имело значение для её репутации. Королева пообещала заехать на обратном пути и пообщаться с детьми, на что учителя в один голос ответили: «Дети будут просто в восторге!»

Ну а пока Фриджии с её маленьким отрядом предстояла долгая дорога в Приму. Вначале на юг через огромные пространства никем не занятой земли, никем не тронутой природы, к растянутому странной кляксой государству под названием Астрелия, расположенному в трёх днях пути от южных ворот.

Город, попавшийся на их пути, был живописным местеч-

ком из-за обилия водоёмов. Здесь для каждой богатой семьи хорошим тоном считалось разбить свой маленький садик на берегу пруда или речки с большим разнообразием дорогих водных растений.

Однако эта страна не представляла пока интереса для королевы Фриджии, так как её правители уже несколько лет вели междоусобицы, и носители короны сменялись один за другим, усугубляя своими действиями политическую ситуацию в стране. Людям постоянно приходилось жить в неизвестности, они не знали, что делать, кому подчиняться, к кому обращаться; за порядком никто не следил.

Покинув Астрелию, процессия изменила направление своего движения с южного на юго-западное. Теперь на протяжении всего оставшегося пути они могли не повстречать ни одного поселения. Или же, наоборот, им могли бы встретиться кочевые племена. Проводник предупредил:

– В некоторых случаях такие встречи заканчиваются плохо. Это бывает редко, и пока можно не беспокоиться. Однако, если мы всё-таки встретим на пути кочевников, лучше на всякий случай объехать их стороной.

К счастью, во все последующие два дня пути маленький отряд не повстречал на своём пути ни единого человека. Погода также благоприятствовала им – всего дважды накрапывал небольшой дождь.

По мере приближения к Приме менялся и пейзаж, и климат. Стали чаще попадаться клочья тумана, севшие на воду

или окутавшие лес. Реже встречались светолюбивые растения. Из-за постоянного наплыва облаков солнечные лучи не доходили до земли. Первые поселения Примы раскинулись в низинах. Посевные поля, ровные ряды огородов и маленькие деревянные лачуги – вот, что предстало взорам королевы и её спутников.

Аккуратные ухоженные поля и люди, занятые своими повседневными делами, производили хорошее впечатление. Простые, но не лишённые достоинства крестьяне совершенно не выглядели жалкими оборванцами, как это часто бывает в подобных поселениях. Напротив, жизнь на свежем воздухе, размеренная и непрерывная работа на полях, казалось, положительно влияла на людей. Они встречали и провожали дни с улыбкой и благодарностью, умели радоваться мелочам, не стремились к недостижимому, а главное, всегда сохраняли доброту и уважение к окружающим, что редко встречается в городах.

Взглянув на вечернее солнце, или вернее, туда, где должно быть вечернее солнце, скрытое за облаками, королева приняла решение остановиться в этой деревушке, только для вида посоветовавшись со своими спутниками.

Из-за обилия облаков стемнело быстро, и большая часть крестьян уже закончила свою работу. Завидев на востоке тени, скользящие по холму в их сторону, люди с любопытством останавливались возле своих жилищ, желая узнать, что за путешественники прибыли в их край.

Когда всадники подъехали ближе и жители смогли разглядеть их, ни у кого не осталось сомнений: это важные персоны из высшего общества. В первую очередь люди обращали внимание на одежду всадников, потом и на лица. И по тому, как они держались, и по их внешнему виду – особенно это касалось первых троих – можно было с уверенностью говорить об их дворянском происхождении.

А в облике девушки было кроме этого ещё что-то, что заставило крестьян склонить головы, когда всадники поравнялись с ними. Девушка, чьи светлые локоны немного выбились из тугого пучка после долгой дороги, выглядела ничуть не заносчиво, не горделиво, как многие знатные дамы. Она поприветствовала собравшуюся вокруг группу людей и спросила:

– Не подскажете ли вы, где мы с моими спутниками сможем отдохнуть и накормить лошадей?

Один из жителей учтиво ответил, стянув при этом с головы шапку:

– Нам искренне жаль, госпожа, но боюсь, у нас нет постоянного двора.

Тут за спиной мужчины раздался адресованный ему шепот, и он поспешил добавить:

– Но, может быть, вы не сочтёте за грубость с нашей стороны... смеем вам предложить остановиться у любого из нас. Мы будем рады вам помочь. – Снова раздался шёпот. – Но, возможно, вам стоит посетить старосту нашей деревни. Он

обязательно сделает всё возможное для вас.

– Благодарю от всего сердца за вашу отзывчивость, – улыбнулась девушка. – Где нам найти дом вашего старосты?

– Прошу прощения, госпожа. Поедете прямо по этой дороге; с левой стороны будут два поля и потом поворот влево. Там вы увидите большой дом с конюшней.

– Большое спасибо за помощь. Вы очень добры.

Всадники направились в указанном направлении и вскоре подъехали к дому. Большой дом старосты представлял собой одноэтажное деревянное строение, рассчитанное на четыре комнаты, наполовину увитое плющом, рядом стояла конюшня – сарайчик на две лошади и небольшой сеновал сверху. Входная дверь отворилась, и навстречу гостям вышел небольшого роста старик с фонарем в руках.

– Добрый вечер. Это ведь вы деревенский староста, верно? – Королева подошла к нему поближе.

Староста согнулся в поклоне и два раза утвердительно кивнул. Наверно, разволновался при виде благородных господ.

– Да, госпожа, – подтвердил он с достоинством. – Мое имя Тува.

– Извините за беспокойство, уважаемый Тува, но мы с моими спутниками ищем место, где можно было бы остановиться на ночь и покормить лошадей.

– Ах, да... да, конечно, вы можете переночевать в моём доме и накормить здесь лошадей.

– Это было бы чудесно, благодарю. Уверяю вас, в долгу мы не останемся. Я оплачу все расходы, связанные с нашим приездом.

– О, ну что вы, госпожа! Не стоит об этом беспокоиться! Ведь мы в нашем скромном доме не сможем предоставить вам подходящие условия...

– В любом случае, давайте обсудим это завтра, – деликатно прервала его Фриджия, – А сейчас не могли бы вы найти место для наших лошадей?

– Да-да, конечно, идёмте.

Пока гости вместе с хозяином дома устраивали уставших лошадей на ночь, кормили и поили их, путники представились старосте Туве, вкратце рассказали о своём путешествии, но своё происхождение и цель пути королева раскрыть не хотела. Зачем напрасно тревожить старика?

Староста радушно предложил гостям занять все свободные комнаты в доме, сказав, что они с семьёй и в одной уместятся. На предложение поужинать спутники королевы с живостью ответили согласием, а сама она сохранила верность своим привычкам и удовлетворилась простым травяным чаем.

Говорить было не о чем, все за день очень устали, и как только добрались до постелей, погрузились в сон. Даже Фриджия вопреки своему существу заснула быстро, хоть и предметы быта простолюдинов причиняли ей некоторую неприязнь.

Утро выдалось совершенно серое, и только благодаря биологическим часам Фриджии, привыкшей просыпаться в одно и то же время, можно было понять, что новый день всё же наступил. В доме царили тишина и спокойствие, и пришельцы так и не встретили ни одного домочадца. Поэтому гостям ничего другого не оставалось, как самим порыться в запасах семьи – с долей приличия, конечно. Фриджия все же посчитала нужным оставить хозяевам в благодарность за их доброту и гостеприимство довольно крупную для бедного крестьянина сумму денег.

В седьмом часу вечера в дверь королевской библиотеки раздался стук. Вошедший за этим слуга безучастно объявил:

– Только что во дворец прибыла королева Каэльская со своей свитой из пяти человек. Королева изъявила желание говорить с вами, ваше величество. Она хочет обсудить то предложение, с которым вы некогда отправили в Каэлур посла, что случилось ещё во время правления предыдущего монарха. Прикажете выделить ей и её слугам комнаты?

Король Аргус удивлённо приподнял седые брови. Он не ждал её так скоро, хотя, разумеется, был предупрежден заранее о визите королевы. Королева Каэльская уже была знаменитостью в его стране благодаря странствующим торговцам, музыкантам и простым путешественникам. Аргус почти незаметно улыбнулся:

– О, конечно. Велите приготовить для королевы лучшую комнату. Она – желанный гость. Исполняйте любые просьбы её величества, предоставьте ей всё, что потребуется. Когда она будет готова, пригласите её в библиотеку. И передайте служанкам, чтобы приготовили чай.

Слуга поклонился и отправился выполнять приказания, а король отложил книгу, подошёл к окну и позволил себе улыбнуться чуть заметнее.

Следы прожитых лет наложили отпечаток на его лицо –

лоб прочерчивали морщины, а в седых волосах заметно проступала седина. Черты, поведение и даже голос говорили о богатом жизненном опыте этого человека, о его мудрости, приобретённой с годами. Проведя наполненную событиями, захватывающую молодость в непрерывной спешке, веселье, погоне за мечтами, под старость он обосновался в библиотеке, обрёл душевный покой среди книг и занялся своими любимыми делами, на которые прежде не хватало времени.

Теперь королю крайне интересно было пообщаться с его гостьей, ведь он немало слышал о ней как о хорошо образованной персоне с приятной внешностью, острым умом и своими взглядами на жизнь. Пока король с веселым нетерпением ждал свою гостью, он смотрел в окно на утопающий в первых сумерках сад и город, чьи контуры размывали потоки дождя. А за его спиной служанки накрывали стол и заваривали ароматный зелёный чай.

– Королева Фриджия Луна Каэльская! – провозгласил слуга, с важным видом войдя в библиотеку.

Аргус тут же оставил свой дождливый пейзаж и обернулся к вошедшим.

Девушка с приятной внешностью – удивительно: слухи не вразили – поклонилась ему. Она совершенно не выражала ни высокомерия, ни заносчивости, присущих многим людям, чьё положение хоть немногим выше простолюдина. Она держала себя просто и достойно, смотрела прямо, без презрения, но с интересом и вниманием.

Фриджия же со своей стороны увидела немолодого человека, с первого взгляда внушающего доверие и уважение, как и она, знающего себе цену и никогда не завышающего её.

– Очень рад встрече с вами! – поклонился король в ответ и улыбнулся.

– Взаимно, ваше величество, – улыбнулась Фриджия.

– Прошу вас, проходите, присаживайтесь. Не откажите мне в удовольствии угостить вас чаем.

– Благодарю.

Гостья заняла предложенное ей место, а король махнул служанкам, чтобы те вышли, и сам стал разливать чай.

– Мы, кажется, ещё не знакомы лично, – король выпрямился. – Ужасное упущение. Прошу, называйте меня Аргус.

– Можете звать меня Фриджия, ваше величество, – ответила гостья в свою очередь. – Очень рада знакомству с вами.

– Я тоже несказанно рад. Знаете ли вы, что вы очень известны в нашей стране? Все, с кем мне приходилось разговаривать, очень лестно отзывались о вас.

– Неужели?

– О, конечно! Мне приходилось слышать даже легенду с вашим участием. Я с нетерпением ждал нашей встречи. Мне кажется, вы интересный собеседник, уважаемая королева Фриджия, и нам будет о чём поговорить.

– Вы поняли это из легенды? – улыбнулась девушка.

– Разумеется, и мнение общественности здесь сыграло большую роль. Поэтому, надеюсь, вы не будете против, ес-

ли политические вопросы мы отложим до завтра, а сегодня просто побеседуем, дабы лучше узнать друг друга.

– Как пожелаете. Решать важные вопросы на ночь, действительно, не лучшая идея.

– Очень рад, что вы согласны со мной. Итак, уважаемая Фриджия, на старости лет я завел обыкновение размышлять о жизни. Стали интересовать меня вопросы философского характера. Обзавёлся друзьями по переписке – это признанные учёные и всемирно известные философы. Каково же было моё удивление, когда наш общий небезызвестный друг, магистр Ювен упомянул о том, что уже на протяжении нескольких лет общается с вами на такие, прошу прощения, не свойственные молодым дамам темы, как устройство человеческого сознания и психология поведения.

– Так и есть. Меня впечатляет опыт и знания магистра во многих вопросах. Приятно иногда побеседовать с мудрым человеком – можно многому научиться.

– Полностью согласен. Однако, признаться, меня немало удивил тот факт, что дама вашего возраста произвела впечатление на многих известных мне учёных мужей, которым, к слову, ещё не выпало чести лицезреть вас. О вас отзываются как о человеке иных взглядов, прогрессивных.

– Вы мне льстите.

– Ничуть. Меня заинтересовала ваша точка зрения. А потому первым делом хочу узнать ваше мнение об одной неоднозначной теме. На днях мы с моим товарищем обсужда-

ли интересный вопрос, и речь у нас зашла о человеке. Наши мнения об этом существе совершенно противоположны. Как, по-вашему, что же такое человек?

Кроме добродушной улыбки королева заметила пристальный взгляд Аргуса, казалось, пытающийся прощупать её мысли. Очевидно, что король хотел узнать именно Фриджию, а не её блестящую роль королевы. Получив ответы на свои вопросы, Аргус мог бы полностью описать внутренний мир собеседника. По крайней мере, был уверен, что сможет это сделать.

– Я думаю, человек – это оболочка, ни больше, ни меньше, – уверенно произнесла Фриджия, прямо глядя в глаза королю.

– О, это очень интересно! Почему вы так считаете?

– Человек – только то, что мы видим, ведь внутри он может быть кем угодно. Вода и сосуд, в котором она хранится, совсем не одно и то же.

– А как же качества и чувства, присущие лишь человеку? По ним нельзя судить, человек перед нами или нет?

– Я полностью убеждена, что таких однозначных вещей, как чувства и качества, не существует. Потому что проявившего чисто человеческое качество – жестокость, многие отказываются принять за человека. Они считают его зверем, хотя это не верно: у зверей нет таких качеств, а только набор инстинктов.

– То есть?

– Иначе говоря, человек может выбрать, поступить ему жестоко или нет, и только человек убивает из удовольствия. Зверь выбора не имеет, ибо ничто в природе не может быть жестоким или не жестоким, правильным или неправильным. Происходит только то, что должно происходить. – Королева сделала несколько глотков из своей чашки, показав, что на этом она свою мысль закончила.

– В чём-то вы, несомненно, правы... – протянул король в задумчивости и тоже отпил из своей чашки. – Интересно, вы сами считаете жестокость приемлемой?

– Вся проблема в том, что жестокость и человек стали почти неразделимы. Так или иначе, но она присутствует в любом из нас. К сожалению. Но, разумеется, менее жестокий человек более приемлем в обществе.

– Любопытно.

Взгляд короля Аргуса сделался ещё пристальнее. Что и ожидалось от Фриджии, не так-то просто было о ней что-то узнать, и все сведения были слишком неоднозначны. Обычных людей он мог читать как раскрытую книгу, но Фриджия...

Королева – загадочная девушка, опытный игрок, безупречно продумывающий все ходы; и король, чьи годы и проворный ум давали ему преимущество перед многими. Они оба знали себе цену, оба обладали исключительными качествами. Оба пробовали друг друга на прочность.

Король считал свою гостью достойным собеседником и

преклонялся перед её способностями. Со своей стороны Фриджия внутренне закатила глаза: предстоял долгий и скучный разговор на те темы, к которым девушка не проявляла ни малейшего интереса. Она питала страсть лишь к точным наукам, а философию считала пустой тратой времени.

Король Аргус подумал над словами собеседницы и решил, что знает, за что ему зацепиться в их разговоре, и всё так же непринужденно продолжал:

– Так вы говорите, уважаемая королева Фриджия, что немало знаете и об устройстве животных?

– Да, можно сказать и так, – ничуть не смутилась девушка. – Немало наблюдала за их поведением, и могу найти подход ко многим из них. А сама я занимаюсь разведением белых черногривых лошадей. По-моему, очень грациозные животные. Люблю наблюдать, как они резвятся на выгуле – прямо дух захватывает. Вам это знакомо?

– Несомненно! Сам имею страсть к лошадям, однако у меня они все разных пород, для разных нужд, сами понимаете.

– О да! Мускулистые тяжеловозы, лёгкие бегуны, гармоничные прогулочные... И кажется, что каждый из них – совершенство.

– Вы правы, Фриджия, как вы правы! – Он выглядел совершенно довольным. – Если бы вы знали, какое это счастье – отыскать человека, разделяющего твои взгляды! А то ведь только мой сын Эйол меня в этом поддерживает.

– Знаете, уважаемый Аргус, вы ещё ничего не рассказали

о своей семье. Не считите за труд, мне бы очень хотелось послушать.

– Не беспокойтесь, это меня нисколько не затруднит. Есть у меня два сына, которых я люблю даже больше, чем лошадей. – Король рассмеялся. Видно было, что он говорит о детях с удовольствием, как будто только и ждал этого вопроса. – Первый и старший сын – Эйол, он уже совсем взрослый, двадцатый год пошёл. Второго зовут Алерайо, ему пятнадцать. Да, был у меня ещё один сын, родился вперед Эйола... но не будем сейчас об этом. Жаль, дочерьми меня боги не наградили! Но я не жалею, и сыновьями очень доволен. Кстати, надо будет их вам представить. Вы же не против?

– С большим удовольствием. Я рада буду познакомиться с ними. Но, прошу вас, продолжайте. Чем они увлекаются, что любят?

– Эйол, как я уже говорил, разделяет со мной страсть к лошадям. С самого малого возраста он полюбил сидеть в седле, часто меня сопровождал на прогулках. Эх, ну и времена раньше были! Сейчас он уже по большей части с друзьями, путешествовать любит, охотой увлётся. Я ведь уже такими вещами не занимаюсь...

Фриджия приготовилась к полусознательному участию в разговоре. Ох уж эти старики с их любовью к детям и философии!

– ...любит на несколько дней уехать со своими приятелями, а потом приезжает такой радостный, рассказывает мне

о своих приключениях, привозит разные подарки, и мне, и брату. В Алерайо просто души не чает, хотя и разные они. Всё свободное время вместе проводят. Если бы вы знали, какое это счастье, видеть их обоих такими весёлыми, радостными! Я раньше беспокоился, что они не будут ладить, но всё обошлось, слава богам. Эйол часто тренирует брата, они упражняются вместе в фехтовании, стрельбе из лука, верховой езде... Хотя Алерайо не так вдохновляют лошади, он не менее способный. Однажды устроили они соревнование: нужно было на скаку попасть три раза в цель. И представляете, дорогая Фриджия, младшенький ни разу не промахнулся!

– Как замечательно, что братья вместе проводят время. Так, вы говорите, у Алерайо другие увлечения?

– О да, он более спокойный по сравнению с братом. Любит вместе со мной посидеть в библиотеке, интересуется больше собаками, а также точными науками. Чтобы его куда-то выгнать за пределы дворца, на это нужна ну очень веская причина. Да, дети... Со временем понимаешь, что именно они – смысл жизни.

Внезапно король вспомнил о своих изначальных планах – слушать, а не говорить, и ему стало совестно, что он так просто забылся.

– А у вас, дорогая Фриджия, и у самой большая семья? Расскажите и вы о них.

– С удовольствием. Моего старшего брата вы, без сомнений, знаете. К сожалению, мне нечего о нём сказать, вы ведь

и сами слышали эту историю. Добавлю только, что я очень переживаю по этому поводу. Наши отношения всегда были не слишком тёплыми, но от родного брата я ничего такого совсем не ожидала.

– Понимаю, понимаю. Вы не волнуйтесь, расскажите о хорошем.

– Моя младшая сестра, Глория, замечательная девушка. Во многом мы с ней похожи, даже внешне, разве что у неё такие изумительные глаза, – призналась королева с улыбкой, – светло-синие с зелёным пятнышком на правой радужке.

– Неужели? Такая редкая расцветка! Должно быть, это и правда очень красиво. Однако должен признать, что и ваши глаза мне кажутся не менее привлекательными. Простите за откровенность и не сочтите за грубость!

– Ну что вы, дорогой Аргус, мне очень приятно! – засмеялась Фриджия. – А сестра... она очень способная девушка, это я вам говорю как её наставница. Особенно талантлива в музыке. Быстро находит общий язык с людьми, хоть и не любит публики. Глория тоже предпочитает проводить свободное время во дворце, со мной и с сыном моего брата.

– Так значит, у короля Бенедикта есть дети? – удивился Аргус. – Вот это новость!

– Да, Бенедикт-младший. Он стал мне как младший брат. Мы часто проводим время втроем, с ними очень весело. Помню один случай...

Так они по очереди делились друг с другом своими счаст-

ливыми воспоминаниями, вместе смеялись над забавными историями из жизни и попутно рассказывали о себе, а иногда и возвращались к философским темам. Несмотря на разницу в возрасте, королю Аргусу очень понравилось беседовать с королевой, никакой разницы между ними не чувствовалось. Хоть королю мало что удалось выяснить о внутреннем мире своей гостьи, он все равно был рад их встрече. Он так определил для себя: королева Фриджия – очень приятный человек во всех отношениях.

Уже совсем стемнело и из окна остались видны только уличные фонари. Они обсуждали очередную книгу, как за дверью библиотеки послышался шум. Из коридора долетели весёлые голоса, смех, и быстрые шаги. Затем в дверь постучали и, не успев король что-либо ответить, в библиотеку ворвались двое братьев, Эйол и Алерайо.

– Отец, я слышал... – начал было Эйол, но тут заметил их гостью, прелестное создание, приветливо улыбающееся им. Юноша смутился от неожиданности, но быстро взял себя в руки и поклонился. – Прошу меня простить, я не хотел вам мешать.

– Всё в порядке, не беспокойтесь, – заверила его королева, поклонившись в ответ. – Моё имя Фриджия, а вы, должно быть, Эйол и Алерайо? Очень рада встрече.

– Поверьте: мы рады не меньше!

Младший брат только кивнул. Он, похоже, был немного стеснительнее старшего.

– Ну, ребята, вы как всегда вовремя! Так и будете стоять в дверях? Проходите, присоединяйтесь. Я как раз хотел вас познакомить.

Юноши прошли в библиотеку и устроились на креслах возле отца. С минуту все молча разглядывали друг друга. Тот, что постарше, отличался высоким ростом и крепким телосложением, у него были короткие каштановые волосы и карие глаза, он чаще улыбался и не страдал застенчивостью. Младший казался немного растерянным, но в целом смотрелся неплохо. Глаза такие же, как у брата, а волосы светлее и чуть длиннее. Одеты оба были как будто только что вернулись с какой-то важной деловой встречи, хотя никуда они, конечно, не ходили.

Фриджия, видя сомнение и одного, и второго заговорить первыми, обворожительно улыбнулась и сказала:

– Король Аргус рассказывал о вас много хорошего. В частности, я узнала, что вы, принц Эйол, знаете толк в лошадях, а вы, принц Алерайо, неплохо разбираетесь в собаках. Может быть, если вас не затруднит, завтра вы покажете мне своих питомцев, а за одно и этот замечательный дворец?

– С удовольствием, уважаемая королева Фриджия! – с готовностью ответил Эйол. – Мы будем очень рады!

– Надеюсь, вам у нас понравится, – добавил Алерайо.

– И прошу вас, уважаемая королева, называйте нас просто по именам.

– В таком случае, и вы называйте меня просто Фриджия.

Утром у Фриджии оказалось достаточно свободного времени, чтобы провести его как ей нравится. За чашкой утреннего кофе она делилась мыслями по поводу вчерашнего с Морритом. Пересказала ему вкратце разговор с королём.

– Все так, как я и предполагала. Старик строит из себя мыслителя и думает, что многое знает о людях. Наговорила ему всякой чуши, которую придумала на ходу, и он остался весьма впечатлен моей проницательностью.

– Видимо, правду говорят, что философами становятся те, кто ничего другого не умеет.

– Надеюсь, что он умеет хоть что-то ещё помимо пустых разговоров.

После Фриджия рассказала о знакомстве с братьями и перешла к другой теме, где ей требовался совет.

– Так вот, этот Эйол мне показался обычным, ничего интересного. А его брат, Алерайо, немного другой. Не то чтобы совсем подходящий, но... интересный. В общем, я бы хотела познакомить его с Глорией. Тем более, что и сам Аргус намекал на желание заключить политический союз. Изначально он отправлял посла в Каэлур именно с этой целью.

Все это девушка произнесла не в обычной своей манере – только факты и ничего личного – а как будто нехотя. Но быстро взяла себя в руки.

– Сегодня мы прогуляемся вместе, и я приму окончательное решение.

– Вы думаете, что лучше – пригласить их погостить в Каэлур или приехать сюда с Глорией?

– Именно это я и хотела у тебя спросить.

– Это, конечно, будет зависеть и от желания Глории, и от короля Аргуса с сыновьями. Думаю, ничего такого не случится, если вы предложите королю погостить у вас. Это укрепит и политические отношения, и дружественные.

– Да, но, с другой стороны, это скажется на их поведении.

– Думаете, они будут вести себя не как обычно? Тогда Глории будет трудно получить правильное первое впечатление.

– Всё-таки я пообщаюсь с братьями сегодня и подумаю, как лучше поступить.

Они немного помолчали, каждый думал о своём. Моррит украдкой следил за движениями Фриджии, и это многое ему сказало.

– Простите, госпожа, но мне кажется, вы что-то не договариваете.

– Так и знала, что ты поймёшь. Ничего-то от тебя не скроешь. – Фриджия шутливо улыбнулась, но улыбка быстро угасла, и она отвела взгляд. – Эйол... я вижу, как он на меня смотрит.

– Вот так сразу? Хотя этого можно было ожидать.

Он немного помолчал и добавил тихим голосом, от которого мороз побежал по коже:

– Если хотите, госпожа, я мог бы...

– Нет-нет, всё нормально. Пока что нет повода для беспо-

койств. Я надеюсь, ни он, ни король не будут настолько бестактны, чтобы предложить мне подумать о новом браке спустя всего три недели после гибели мужа.

– Пожалуйста, будьте как можно осторожнее! На всякий случай, вам не стоит ходить одной.

– Да, знаю. Будь сегодня рядом.

Девушка наклонила голову на бок и усмехнулась:

– Мы часто ходим вместе. Тебе, наверно, многие завидуют?

Слуга ответил ей улыбкой:

– Если подумать, сколько у меня ненавистников, аж в дрожь бросает.

– Кириэлл тебя прямо на дух не переносил. А как его передёргивало, когда видел нас вместе!

– И не его одного. Мне приходилось столько раз сносить ненавидящие взгляды, что я уже со счёта сбился.

Оба тихо усмехнулись. Действительно, во время приёмов и балов в высшем обществе на телохранителя её величества косо смотрел чуть ли не каждый свободный мужчина.

– Однако, госпожа, – тихо произнёс Моррит, – если что-то пойдёт не так... я сделаю всё, что потребуется.

На завтрак они собрались все вместе – король Аргус с сыновьями и их гостя – в гостиной на первом этаже дворца. Окна здесь оказались такими огромными, от самого пола до потолка, что, если их все открыть, комната превращалась в

террасу, выходящую прямо в густо засаженный внутренний дворик. Погода как раз к этому располагала, и окна немедленно открыли, впуская свежий, особенно приятный воздух после ночного дождя. За столом вели непринуждённый разговор, и всем казалось, что они знакомы уже не один год.

Потом, как и обещалось, братья прогулялись с королевой по дворцу, показали великолепную коллекцию картин, провели по зимнему саду, и, наконец, по дворцовому парку. Гостья по достоинству оценила вкус хозяина и мастерство садовников, создавших всё это великолепие. Показали охотничьих собак и отборных породистых лошадей, при этом каждый из братьев пытался произвести на гостью наилучшее впечатление. А Фриджия легко поддерживала любую беседу, что доставляло большое удовольствие её спутникам.

После обеда снова полил дождь, и Фриджия с королём устроились в библиотеке обсуждать вопросы взаимной торговли и возможность политического союза. Долго это не продолжалось, они скоро пришли к обоюдному согласию и оба остались довольны заключённой сделкой.

Так как все вопросы были улажены, на следующее утро королева могла назначить свой отъезд. Она осталась вполне довольна. Лошади и её спутники хорошенько отдохнули, выспались, и все были готовы снова отправиться в путь. Им ещё предстояла долгая дорога домой.

В Каэлур жизнь протекала размеренно и спокойно даже в отсутствие правительницы – за делами было кому присмотреть. Но не все её подданные пребывали в радостном настроении, ожидая возвращения своей госпожи. В одной из тайных зал дворца началось очередное собрание, посвящённое королеве. В эту группу людей входили те, кто по каким-либо причинам оставался недоволен правлением королевы Фриджии, и те, кто считал её политику несправедливой, а действия недопустимыми. Большинству собравшихся просто недоставало власти – их скинули с тёплых мест, на которых те засиделись при короле, – такие люди преследовали в основном личную выгоду. Но были и те, кто искренне считал королеву жестокой и честно боролся за интересы простых людей.

А зачинщиком всего этого являлся коварный как и все политики Шайн. Он с успехом использовал своё высокое положение приближённого королевы и готовил восстание, разумеется, не без выгоды для себя.

Нельзя сказать, что он был таким всегда, и нельзя сказать, что королева плохо с ним обходилась. Со дня их знакомства он уважал свою госпожу и был предан ей, на свой лад. Может, он бы и не стал жертвовать своей жизнью ради королевы, как Моррит, или Эквитум, или другие её приближённые,

но и о предательстве он раньше не задумывался. Девочка позвала его за собой, и он решил пойти следом, она воплощала идею, он стал её исполнителем. И так было, пока его сердцем не завладела жажда чего-то большего, чем оставаться в тени. Может быть, он хотел сам управлять, а не подчиняться. Может быть, хотел славы, власти, или чего там ещё не хватает людям, у которых и так всё есть.

Очень рискованную игру он затеял, но был почти уверен в успехе своего плана, в детали которого сейчас посвящал остальных заговорщиков. Хоть их было не так много, они надеялись взять верх хитростью, а не в честном бою.

Первым серьёзным шагом предателей будет беспощадное убийство своей госпожи. Иначе никак. Нельзя жалеть, нельзя щадить. План основывался на неожиданных и быстрых действиях, всё будет кончено до того, как девушка сориентируется в сложившейся ситуации. Последователи Шайна готовились совершить предательство в ночь после возвращения королевы.

Все прекрасно знали, что подвергают себя серьёзному риску, но бездействовать они не могли. Этому решительно настрою немало способствовал сам Шайн, в самом мрачном свете представивший своим союзникам все тайные операции Фриджии. Они узнали то, чего не должны были знать. О том, что у королевы есть своя лаборатория, где она вскрывает человеческие трупы и где полки забиты банками с органами, о том, что по её вине сгорели жившие в бедных райо-

нах люди, о том, что она продала в Воронье Гнездо своих заключённых, среди которых были и друзья присутствующих, и, наконец, о том, что именно она стала причиной гибели короля Кириэлла.

Это и многие другие менее масштабные предприятия королевы Шайн выдал, чтобы подогреть ненависть сообщников к ней, но дальше узкого круга тайные сведения пока не вышли – ради сохранения конфиденциальности и репутации членов сообщества. Они собирались открывать правду о королеве постепенно, как бы случайно, подтверждая это фактами. Иначе народ бы казнил их собственноручно за чёрную клевету на их милую госпожу.

Всё было решено, план действий продуман, сделана крупная ставка на удачу. И предатели как ни в чём не бывало разошлись по своим делам, преисполненные холодной решимостью, в предвкушении долгожданной мести.

– Как здорово был устроен их сад, – рассказывала Фриджия вечером в день своего приезда, – высокие каменные дорожки с желобками, чтобы можно было гулять и в дождь, по краям дорожек низкие кусты, подстриженные в форме овалов. Немного подальше посажены туи, можжевельник, кипарисы... То и дело на пути попадаются мраморные фонтаны разной величины и форм и беседки, все увитые зеленью. А потом Эйол показал мне лошадей, их там оказалось около полусотни, и все такие ухоженные. Сразу видно, что получа-

ют и достаточную физическую нагрузку, и внимание, и всё, что им нужно. А собак разводят для охоты. Вы бы видели этих великолепных борзых! Алерайо действительно неплохо разбирается в собаках.

Глория весь вечер не отходила от своей обожаемой сестры, восполняя тем самым долгую разлуку с ней, показавшуюся девушке чуть ли не длиной в сотню безрадостных лет. Не только сестра – все радовались возвращению королевы и выражали свою радость кто как умел. Бенедикт-младший разместился на полу, стараясь ничем не выдать того, что и он скучал и ждал её возвращения.

– ...На обратном пути я, как и обещала, посетила Школу. Так приятно, что дети обрадовались моей персоне! – с улыбкой говорила Фриджия. – Я побывала на некоторых их занятиях и могу с уверенностью сказать: с их огромным потенциалом и стремлением к учёбе они вскоре превратятся в замечательных молодых людей с востребованными умениями. У многих есть шансы стать прекрасными полководцами.

– А ты как это узнала? – поинтересовалась Глория.

– Ты ведь знаешь, что одна из дисциплин Школы – военное искусство, что включает в себя и освоение стратегии. На тренировке ребята делятся на две команды, перед ними ставятся цели. Так они могут проявить свои лидерские качества, свои способности и ум.

– Ты всё это сама придумала, сестра? Должно быть, это очень интересно – наблюдать за такой тренировкой, или

участвовать в ней. Ты разрабатываешь план по захвату башни, как будто всё взаправду.

– Ещё интереснее было испытывать их способности на себе.

– Неужели, ты участвовала в тренировочных боях?

– Не стоит так удивляться. Должна же я знать их текущий уровень. И, кстати, результаты меня не разочаровали. Дети отлично учатся.

В это время Бенедикт повернулся и вопрошающе посмотрел на королеву.

– Не переживай, я помню о тебе, – заверила она мальчика. – Скоро мы узнаем, насколько усердно ты тренировался, пока я была в отъезде

Мальчик удовлетворённо кивнул и снова занялся какими-то своими делами – только чтобы сделать вид, что не участвует в разговоре.

– И о нашем семейном путешествии ты тоже помнишь? – с надеждой спросила Глория. Она с нетерпением ждала этой поездки. Все вместе – это так вдохновляет.

– Ну разумеется. Мы отправимся в горы как только я улажу некоторые дела здесь. Очень скоро.

– Я так рада, сестра! Это будет наша первая совместная поездка. Это должно быть здорово! Так замечательно, что мы можем отдохнуть на природе. Все вместе. А куда мы, кстати, пойдём?

– Есть одно место. Это за Восточным городом. Там есть

одно горное озеро, недалеко водопад. Это место принадлежит нашей семье уже много лет. Там часто отдыхали наши предки. Но они не заходили вглубь гор и не знали, что там есть необычайной красоты пещеры. Однако, до них трудно добраться – со всех сторон их окружают отвесные склоны.

– Ты что, уже была там?

– Нет, Глори. Вспомни хотя бы один случай, когда бы я поехала куда-то без тебя или не сказав тебе.

– Действительно. Прошу прощения.

– Местность обследовали люди Фиделиса по моей просьбе. В Драконьих горах обитают интересные существа, которых больше нигде не встретишь. Когда-то я уже задумывалась о том, чтобы съездить туда, но было слишком много дел. – Девушка улыбнулась: – Зато мы сможем сделать это вместе.

– Замечательно! Я очень жду этого. Поскорее заканчивай работу, Фриджи. А много тебе нужно сделать? Может, я смогу чем-то помочь?

Глория была готова на всё, даже перечитывать и сортировать отчёты и прошения. В обычной ситуации они ни за что бы не проявила инициативы в этом деле, так как считала это величайшей пыткой.

– Конечно, у меня найдётся для тебя работа, – ответила Фриджия, удивлённо посмотрев на сестру. – Если ты хочешь мне помочь, тебе нужно срочно ложиться спать. Я встаю до рассвета, и как раз с утра мне бы пригодилась твоя помощь.

На лице Глории изобразились обречённость и безысходность, но перечить старшей сестре она не собиралась, тем более когда сама предложила свои услуги. Вставать одновременно с королевой просто невыносимо, но отступить было поздно.

– Хорошо, сестра, – заранее траурным голосом проговорила Глория. – Я иду спать. Разбудишь меня утром?

– Разумеется. Бенедикт, тебе тоже пора готовиться ко сну.

Они оба печально вздохнули. Пожелав всем доброй ночи, Глория отправилась в свою комнату готовиться к ожидающим её завтра испытаниям. Фриджия проводила племянника до его комнаты, оставив приглядывать за ними служанку.

Волны усталости уже давно одна за другой накатывали всё с большей силой, заставляя задуматься об отдыхе. Умиротворяющая тишина родных стен дворца, тёплый свет погруженных в сон коридоров, а кое-где и мягкая темнота приносили ощущение сладкого всеобъемлющего спокойствия, даже несмотря на непрерывную головную боль. Королева шагнула в объятия своей уютной комнаты и царившей там ночной тьме.

День её возвращения – тот самый день, выбранный изменниками для расправы с Костяной королевой.

На словах заговорщики были настроены решительно и безжалостно, без колебаний стремились к своей справедливости – ради своей выгоды. На лицах их, сурово нахмурен-

ных и выражающих полную уверенность в себе, своих силах и в правильности своих поступков, иногда проступала немая мольба о помощи, неизвестно к кому обращённая. Хотя эта слабость проявилась всего на мгновение, но затронула лица каждого заговорщика, не исключая и их сподвижника Шайна.

На деле же каждый из них понимал, что и на лице, и на словах изображена лишь показная храбрость, скрывая бесконечные сомнения, опасения, страх перед королевой. Никто из этих внешне грозных мужчин не хотел признаваться себе, что глубоко в душе испытывает страх к хрупкой девушке. Но, если мы чего-то боимся – это надо уничтожить – негласный закон, которому следует каждый, даже не подозревая об этом.

А между тем за фальшивыми масками напускного героизма скрывалась трусость и все остальные низкие слабости человеческого сердца.

С таким фонтаном противоречащих друг другу чувств Шайн тайком наблюдал за передвижениями королевы. Вот она, наконец, зашла в свою комнату, видимо, собираясь готовиться ко сну.

Слуга незаметно покинул своё укрытие и быстрыми тихими шагами направился к входу в покои королевы. Он прислонился к двери.

Там, с другой стороны, слышны были вначале шорох платья, шаги босых ног по полу, характерный взмах простыня-

ми, затем слышно было, как девушка устраивается на постели, и больше ничего.

Так, бесшумно, не шевелясь, и стараясь вовсе не дышать, Шайн провёл у двери своей госпожи довольно много времени. В полной тишине дворца его мысли казались ему самому настолько громкими, что заглушали стук собственного сердца, отдающийся эхом в голове, и казались ему почти материальными. От этой странной, как будто неестественной тишины, и от своих мыслей, и от своего дико бьющегося сердца у Шайна закружилась голова. Он чувствовал слабость во всём теле и нестерпимое желание отдохнуть, без причины накатывающее на него.

Время тянулось ужасно медленно, и это ещё больше расстраивало его и так расстроенные нервы.

Из комнаты королевы не исходило ни звука, и Шайн принял решение действовать. Он отошёл от двери и подал знак стоящему на том конце коридора сообщнику. Скоро пять человек аккуратно и беззвучно присоединились к своему лидеру. Их мечи и кинжалы были обнажены заранее. Одежда, тёмная и удобная, не содержала никаких опознавательных знаков. К поясу одного из воинов была привязана верёвка – на всякий случай.

Они переглянулись и с замирающим от ужаса и нерешительности сердцем уставились на дверь. Какой-то кусок дерева отделял их от той цели, к которой они так стремились и которой боялись, отделял их от того правосудия – мести –

которое хотели совершить.

И в эту минуту каждый почувствовал на какое-то мгновение свою беспомощность и слабость, слабость и беспомощность...

Шайн заставил их избавиться от оцепенения, протянув руку к двери. Он знал, что королева имеет привычку на ночь закрываться на ключ, но давно сделал дубликат. Тихо щёлкнул замок, и дверь легко и без скрипа поддалась, пропуская жаждущих крови предателей в покои мирно спящей госпожи. Не издав ни единого звука, они проскользнули внутрь, и так же бесшумно последний из них притворил дверь.

Капли пота выступали на их лицах, дыхание и удары сердца предательски сбивались, в мыслях воцарился полнейший хаос, и посреди этого хаоса – только одно-единственное желание поскорее всё закончить. Избавиться от этого существа, которое так беззащитно лежит сейчас на своей постели. Только тонкая полоска лунного света, проскользнувшего через неплотно задернутые шторы, перекинулась через всю комнату, указывая предателям на их цель.

Отступить было некуда, терять время нельзя.

Помедлив всего секунду, шесть бесчувственно холодных занесённых над постелью мечей безжалостно воткнулись в тело Костяной королевы. Всё было кончено.

Как только первое ослепляющее чувство собственного превосходства отступило, мысли стало занимать всё возрастающее беспокойство. Было что-то неестественное в той лёг-

кости, с которой мечи вошли в тело...

Шайн резко потянул простынь, которой укрывалась де-вушка. Слишком темно, чтобы понять что-то, но... Луч света не выхватил из темноты ничего такого, что ожидали увидеть мужчины.

Внезапно зажёгся свет, непонятно откуда исходивший.

Секунда – удивление.

Затем – разочарование.

Беспокойство.

Страх.

И паника.

Изменники увидели лишь искривлённые своими истинными эмоциями лица. Они бросали дикие взгляды друг на друга, на своего лидера, на пустую постель королевы. Только Шайн ещё сохранял малую долю самообладания. Не своим голосом он выкрикнул:

– Дверь! – и бросился к выходу.

Дверь не поддавалась.

Все разом начали колотить в неё руками и ногами, и всем телом, и своими мечами, пытаясь выломать этот проклятый кусок дерева, отделяющий их от последнего шанса освободиться, от последнего шанса сохранить свою жизнь.

Все понимали: они заперты в комнате королевы, и это конец.

Как всегда, Шайн опомнился первым и отступил.

«Это бесполезно, – подумал он, глядя на своих товари-

щей, всё ещё колотящих дверь. – Она всё знала. Но как это возможно? Я всё-таки недооценил тебя... Проклятая гордость! Как давно ты об этом узнала? Вот чёрт, моя победа была так близка... Как же это раздражает! Мы все здесь её куклы, а раз так, она предложит игру. Хотя сомневаюсь, что нам ещё что-то светит, кроме...»

– Эй, хватит! Прекратите! – крикнул он своим приспешникам. И, когда они обратили на него своё внимание, добавил уже более спокойно, с усталостью и безысходностью в голосе, словно произнося приговор:

– Этим вы ничего не добьётесь. Раз она узнала о нашем плане, то теперь не выпустит... так просто... – Вместо «так просто» следовало бы сказать «не выпустит нас живыми», но лица, устремлённые к нему, и так переполняло отчаяние. – Давайте пока осмотримся.

«Кажется, она ждёт чего-то».

Шайн обвёл взглядом комнату и остановил своё внимание на письменном столе. Он подошёл ближе.

Кто-то громко отодвинул занавески, очевидно в надежде выбраться через окно. Но шторы скрывали только стену. Стену с маленькой щёлкой посередине, в которую пробивался лунный свет.

«Вот глупцы, почему мы до этого не проверили её окна? Не за один же день здесь появилась стена!»

Шайн злился и досадовал сам на себя, и на королеву, и на весь мир, за своей злостью и руганью скрывая страх. Снова

переключил внимание на стол.

На поверхности лежал листок бумаги, на котором ровными рядами располагались аккуратные, строгие, выведенные изящным почерком королевы слова. Шайн пробежался глазами по первым строчкам и его бросило в дрожь. Он как будто ясно слышал эти слова, произносимые жестоко и насмешливо, как будто видел эту самоуверенную улыбку, от которой сердце в ужасе падало в бездонный колодец...

Растерянные и напуганные мужчины собрались вокруг застывшего в нерешительности Шайна, вприв в него взгляды.

– Ну, что там? – дрожащим голосом спросил один из них, когда их предводитель уже с полминуты простоял, уставившись в одну точку. Шайн медленно обвёл взглядом товарищей и тихо прочитал:

«Приветствую всех собравшихся здесь. Не правда ли, сегодня замечательная погода, Шайн? Тебе, похоже, нет до этого дела. Ты удивлён? Я знаю. Я знаю, что ты чувствуешь. Ты допустил огромную ошибку, недооценив меня. На что ты рассчитывал, когда несколько дней подряд обдумывал свой план? На свои блестящие способности? На помощь этих трусов? Надеялся, я допущу ошибку? Не стоило. Я никогда не ошибаюсь. Тебе меня никогда не превзойти, как ни пытайся. Ты – ничтожество, жалкая тварь, вообразившая себя королём среди таких же отбросов, как и ты сам.

Но оставим эту тему, думаю, ты и так всё понима-

ешь. Отвечу на твой вопрос «Как она узнала?» Видишь ли, я всегда с лёгкостью могла предугадывать действия людей. Смешно было наблюдать, как вы все пытались что-то скрыть от меня и были уверены, что у вас замечательно получается. И как вы посмели хоть на мгновение подумать, что сможете подняться выше меня, вы, чьё место на мусорной куче?

Но оставим и эту тему, ибо времени у вас осталось не так много. Как вы уже поняли, покинуть мою комнату вам не удастся. Я буду убивать вас по одному, медленно и мучительно. Все преступники должны быть наказаны. Поэтому помолитесь своим богам, пока у вас есть время.

P.S. Дорогой Шайн, ты можешь избавить своих друзей от страданий. Никто из них не решится наложить на себя руки, зато ты мог бы им помочь. Ведь ты убьёшь их быстро и безболезненно, а я своим фирменным способом. Подумай об этом.

С наилучшими пожеланиями, Фриджия Луна».

Шайн снова обвёл взглядом мужчин. Они стояли ошарашенно, будто их окатили водой. Глаза их округлялись всё больше вместе с приходившим осознанием своего истинного положения. Если раньше ещё оставалось что-то похожее на надежду, то сейчас... У кого-то нервно дёргались мышцы на лице, кто-то выглядел так печально, что казалось, что этот грозный с виду мужчина готов расплакаться, кто-то просто

глядел потускневшими от безысходности глазами.

Лидер оставался суров и внутренне проклинал всё и вся.

«Наверняка, она где-то здесь, где-то поблизости, и наблюдает... Как же, не могла же она себе позволить пропустить такое представление! Точно где-то здесь, но где? Ещё и эти тряпки сопли распустили. Как бабы какие-то. Конечно же, она всё видит! Что, нравится? Наверняка смеётся над нами. Будь проклят тот день, когда мы познакомились!»

Гробовую тишину, наступившую после прочтения послания, внезапно оборвали, как натянутую струну. Один из заговорщиков, казалось, впал в истерику. Он кинулся к двери и с криками яростно заколотил в неё. Немного погодя к нему присоединились ещё двое, пуская в ход всё, что только можно, не жалея своих сил и костей.

– Прекратите, идиоты, вы пляшете под её дудку! – попытался вразумить их Шайн, который и сам находился на грани потери рассудка.

Но эти идиоты всё продолжали бессмысленно бороться с дверью, не замечая ни крови, ни содранных ногтей, ни сломанных пальцев.

Шайн раздражённо и устало рухнул на кровать и закрыл голову руками.

«Что значит это «буду убивать вас по одному»? Нет, сюда она точно не явится. Хочет, чтобы я всех убил? Или... Не могла же она и вправду... Да нет, просто запугать нас хочет. И, кстати, хорошо у неё это выходит! Вот недоумки, какого

чёрта они делают?! А, плевать... Она снова права...»

В его сильно разболевшейся голове эхом прозвучали слова королевы «Ты – ничтожество» насмешливо и презрительно. Так, что в это совсем несложно было поверить.

Тут грохот ударов вдруг прекратился. Шайн поднял голову.

Все пятеро долго не могли понять, что происходит с шестым.

Он рухнул на колени с выражением удивления, как будто не понимал, зачем он это сделал. Скоро его лицо исказила маска боли и страха, он открыл рот, пытаясь кричать, но слышалось только странное кряхтение и бульканье откуда-то из глубины его глотки. Он повалился на пол, сжимаясь в комок, все тело содрогалось в конвульсиях.

Все в ужасе смотрели на беднягу, не в силах помочь ему и не в силах отвести взгляд. Было видно яснее некуда: ему ужасно больно, невыносимо больно, и эту боль причиняло что-то изнутри.

Спустя несколько минут немых конвульсий, из носа, рта, ушей и глаз приговорённого потекла черная пузырящаяся кровь.

А пятеро всё глядели на него как в ступоре, переживая сильнейший шок – потому что так будет с каждым из них, с каждым! – пока их товарищ не перестал дёргаться, и долго после.

Вся жизнь пронеслась с быстротой молнии. Её смяли, бро-

силы в грязь, растоптали, разбили на мелкие куски и оставили гнить. И не важно, что каждый из них пережил, что любил, к чему стремился. Им ясно показали, что всё это ничего не стоит.

– Шайн! – с мольбой обратился к нему один из оставшихся заговорщиков.

Лидер перевёл на него непонимающий взгляд, ничего не сказав.

– Прошу, убей меня! – пояснил мужчина.

Шайн нахмурился:

– Я не смогу, даже не проси...

– Но ты же видел, что с ним было! Прошу тебя, умоляю, я не хочу закончить так же! Ты можешь спасти нас всех, Шайн!

– Нет, – отрезал он, – Фриджия этого и хочет, как ты не понимаешь!

– Ну и пускай! – присоединился другой голос. – Уж лучше умереть от меча быстро и безболезненно, чем вот так, в ужасных мучениях!

– Ты же видел это так же ясно, как и мы! Скажи, ты такой же участи нам желаешь? – добавил третий.

– Я не стану этого делать, – упрямо повторил Шайн. – Тем более, что если это не произойдёт с другими, а произошло только с одним, чтобы напугать нас, чтобы я вас всех перебил, хотя вы могли бы выжить?!

Последовало недолгое молчание.

– Но... сам знаешь, это звучит нелепо. Зачем ей риско-

вать, оставлять кого-то в живых?

– Помнишь, мы уже сделали ошибку, понадеявшись, что сможем убить её.

– Именно. Не представляю как, но она знает всё наперёд. Так что, если она говорит, что умрут все, значит, так и будет. Нам не спастись.

– Но зачем ей это нужно – позволять нам выбирать, как умереть? – попытался возразить Шайн. – Уверен, она бы охотнее посмотрела на медленную смерть, чем на быструю...

– Не знаю, но с твоих слов ей будет только на руку, если мы умрём сами, а не ты нас убьёшь.

– В том-то и дело, что она хочет, чтобы я сам вас поубивал! – в ярости закричал он, чувствуя, однако, что его слова не производят должного влияния на остальных и что их уже переубедить не получится. Он и сам уже ничего не понимал.

– Да к чёрту! Я не хочу закончить так же, как он!

Шайн судорожно сжимал голову руками, пытаясь сообразить, пытаясь найти выход, найти слова, способные хоть что-то изменить.

Никто из его товарищей не мог покончить с собой из-за их твёрдой убеждённости, что самоубийство обрекает душу в мире мертвых на вечные страдания без права на освобождение. А внушённая им королевой мысль, что только Шайн может всех спасти, прочно закрепилась в их пустых от ужаса головах.

Тем временем казнь продолжалась.

Ещё один свалился на пол, затрясся, шипя и булькая. Из последних сил он повернул свою дёргающуюся голову в сторону лидера, и не просто лидера, а товарища, слезящимися глазами моля его о помощи.

Шайн безумным взглядом глядел в его кровоточащие глаза, но не мог ничего сделать, не мог сам, своими руками убить друга, хоть страдал вместе с ним, мучился ещё и от собственной слабости, неспособности...

«Ничтожество, – снова зазвучал в голове голос. – Ты – ничтожество!»

Его друг скончался быстрее, чем предыдущий бедняга. Но остались ещё трое его союзников, над которыми он не мог занести меч.

– Шайн! Прошу тебя, скорее, умоляю, решайся! – посыпалось со всех сторон.

Они уже плотно обступили его, и с мольбой заглядывали ему в глаза, и со злостью трясли его за плечи, и хватали за руки.

А он всё смотрел в одну точку взглядом доведённого до отчаяния человека.

– Скорее, убей меня! – кричали наперебой голоса. – Почему ты не хочешь нам помочь и облегчить наши страдания? Скорее, я не хочу умереть так! Ну же, ну же! Решайся!

Фриджия приступила к казни третьего предателя. Он захрипел и скорчился на полу, с диким ужасом и болью на лице, платя за свое предательство кровавыми слезами. Ско-

ро к нему присоединился четвёртый, и они уже оба захлебывались собственной кровью, отчаянно пытаясь протянуть непослушные отяжелевшие руки к своему лидеру. Безуспешно пытаясь заглянуть в глаза.

Шайн сидел на постели, сжимал голову руками, пытался не видеть предсмертных мук своих товарищей, не слышать эти ужасные звуки...

– Невозможно... нет... я не могу... почему всё так... ведь только недавно они все... мы вместе были... мы только хотели... Невозможно... Невозможно! – шептал он бессвязные фразы, безумно глядя в никуда широко раскрытыми глазами.

– Шайн! Шайн! – не своим голосом кричал следующий и последний предатель. – Почему ты ничего не делаешь? Ты можешь нам помочь, а ты... Из-за тебя они умерли страшной смертью! Это ты во всём виноват, ты! – В добавление к своим словам он со злостью тряс его за плечи, бил по щекам, и вдруг чуть не плача повалился перед ним на колени. – Ну прошу, ты же видишь, умоляю... сделай это! Ты – мой соратник, друг... на той стороне тебе ничего за это не будет, ведь я сам прошу тебя!

Шайн только шептал бессвязные слова...

Время пришло, и пятый предатель, кряхтя, задыхаясь, из последних сил выдавил:

– Прошу...

Столько боли, страха, отчаяния, мольбы заключалось в

этом задушенном крике, что Шайн замолчал. Он обратил свой обезумевший взгляд на друга, резко вскочил, выхватил свой меч и трясущимися руками воткнул его в дёргающееся тело. Затем с испугом отступил, рухнул на колени и зарыдал, беззвучно, открывая рот в немом крике. Застрявший в горле ком не давал ему дышать, болезненно сжималось сердце, и последние крохи рассудка вместе с волей и мыслями неумолимо покидали его.

Неизвестно, сколько он так просидел, пока пытался проглотить ком и отдышаться. И смириться с тем, что сделал. Он поднял голову и огляделся, без всяких на то причин, без мыслей что-либо увидеть. С его места в глаза бросился светлый лист бумаги, валяющийся на полу около стола. И вроде бы раньше его там не было, но у Шайна уже потускнело сознание, чтобы удивляться, думать о чем-то. Мужчина бессильно поднялся, подошёл к столу и отупело поднял сложенный вчетверо листок.

Снова этот почерк, его ни с чем не перепутаешь.

«Дорогой Шайн, – начиналось письмо, и вместе с тем в голове снова появился её голос, – теперь ты остался один. Как себя чувствуешь? Ты доволен, я надеюсь? Я хотела избавить тебя от заносчивости и мании величия. Уверена, ты уже понял, что сам виноват в смерти своих друзей. Видишь, они все умерли по твоей вине. Но, хочу тебя обрадовать, ты не умрёшь так же, как они. Всё будет по закону, на глав-

ной площади, перед многотысячной толпой, разгневанной на убийцу и предателя. Знаешь ведь, какая казнь ждёт предателя?

...Всё же, я не такая жестокая, как ты думаешь, и снова предоставляю тебе право выбора. Можешь умереть завтра на площади с позором предателя, а можешь сейчас, когда никто тебя не видит. У одного из твоих соучастников на поясе верёвка, можешь ею воспользоваться.

Напоследок скажу тебе, что всю эту вашу чушь про мир мертвых с его правилами выдумали такие же люди, как мы с тобой.

Искренне жаль, что ты решился на предательство».

Шайн опустил записку на стол и медленно огляделся, ища глазами верёвку. У него уже просто не оставалось сил сопротивляться, находить в словах королевы глубинный смысл, он мог только подчиниться, находя этот выход самым правильным. Ведь воинов-предателей отсекали их собственным оружием, а потом подвешивали за руки, чтобы каждый мог подойти и плюнуть на его медленно умирающее тело.

Поэтому он сделал себе петлю. Медленно и устало залез на стол. Прикрепил другой конец верёвки к балке под потолком.

Апатия и безысходность уже давно мешали ему мыслить. Рассудок покинул его вслед за друзьями. А Фриджия сказала, что ей искренне жаль...

Значит, всё правильно.

Он накинул петлю на свою шею и спрыгнул со стола.

Разве мог он хоть когда-то в своей прежней жизни предположить, что всё закончится вот так?

– Ну-ну, Глори, перестань, всё обошлось.

Фриджия нежно проводила рукой по волосам своей сестры. Глория в который раз за день принималась плакать, свернувшись почти что у сестры на коленях. Слезы как-то сами собой подступали к горлу – ничего с ними не поделаешь, остаётся только ждать, пока сами и пройдут.

Она, наивная, до последнего верила в преданность и порядочность этого человека, который столько лет провёл с ними вместе, который являлся по первому зову, бросив свои дела, с которым они вместе гуляли и смеялись... Она не могла поверить, что так жестоко обманулась, что заблуждалась, считая его другом. Его, этого подлого лжеца Шайна, который хотел убить дорогую сестру, королеву, нежнейшее создание! Хотел совершить переворот, и мотивом для убийства стала личная выгода. Как это гнусно и несправедливо! Хорошо, что верная стража подоспела вовремя и обезвредила преступников ещё до того, как они успели нанести королеве какой-либо вред, несомненно, кроме глубокой душевной раны.

Бедная, милая Фриджия! Как жестоки могут быть люди. И как это грустно, что ради денег, власти, славы – или чего бы там ни было – Шайн решился на это преступление. Подумать только: один человек чуть не поставил под угрозу

столько жизней невинных людей, и её, Глорию, едва не оставил совсем одну! Столько горя – и всё ради чего?

– Почему, Фриджи? – умоляюще говорила Глория. Она просто не хотела и не могла понимать, что люди способны на такое. Тем более те, кого она считала друзьями.

– Моя милая. – Королева бережно вытирала слёзы с заплаканного лица сестры. – Ты видишь мир не так, как все. В сердце человека есть и тёмная сторона, и светлая. Вопрос в том, какую из них и когда он решит показать.

– Но так же нельзя...

– Всякое случается.

– Сестра, я так боюсь... А вдруг есть ещё кто-то? Но я просто не могу не доверять людям. Не могу представить, чтобы те, кого мы видим каждый день, те, кто нам улыбается... так...

– Таких больше нет, можешь быть спокойна. – Девушка мягко улыбнулась и снова провела рукой по влажной щеке своей чувствительной сестры.

– Фриджи... – она сделала паузу, нахмурила лоб, – я не могу успокоиться, ты же знаешь меня, я не могу успокоиться. Это не так-то легко, когда твою сестру пытались убить.

– Было бы из-за чего расстраиваться. Со мной ведь всё в порядке. Я цела и невредима, и в ближайшее время умирать не собираюсь. Хотя ты поставишь меня в опасное положение, если и дальше продолжишь пережимать мне руки.

Глория испуганно и удивлённо выпустила руку сестры, на

запястье которой остались чёткие следы пальцев.

– Прости...

Она и не заметила, как вцепилась в неё.

– Всё нормально. А знаешь что, Глори? Совсем скоро мы сможем поехать в горы.

– Правда? – девушка слабо улыбнулась.

– Думаю, тебе уже стоит начать собирать вещи. Мы отправимся в ближайшие несколько дней. Сейчас дела пойдут быстрее, понятно. И мы, наконец, сможем от всего этого хорошенько отдохнуть.

– Это было бы весьма кстати. – Она мечтательно закрыла глаза, представляя себе картины из будущего. – Там будет горное озеро, прекрасные цветы, искристый воздух и синее небо; мы встретим рассвет в горах, сходим на водопад, а вечером пожарим еду на костре и будем все вместе смотреть на уходящее солнце. Да? – В её глазах уже как будто отражались все те пейзажи, которые ожидают их в горах.

– Конечно, дорогая.

– Как здорово, сестра! Ты самая лучшая.

И она снова обняла сестру, но уже по-другому, наполненная радостью, жизнью, мыслями о хорошем. Она никогда не просила от жизни большего, чем просто находиться рядом с сестрой, и этим была счастлива. И пусть кому-то это покажется странным, но жизни во дворце она предпочла бы простую ферму вдали от городского шума. Как жаль, что не всем желаниям суждено осуществиться.

Уже через три дня всё было полностью улажено: и государственные дела, и шумиха, вызванная покушением на жизнь королевы, и хлопоты по поводу поездки в горы. Всё решилось самым благоприятным образом, действия королевы не вызвали ни у кого недоумения или осуждения – подчиненные, советники и придворные, наоборот, сами советовали своей госпоже отдохнуть и расслабиться. Столько всего выпало на её долю! Не каждому дано выдержать такие испытания, какие посылает королеве судьба.

Всё же не обошлось и без происшествий. Особо воинственно настроенные граждане вытребовали у правительницы тела несостоявшихся убийц. Ничего не поделаешь, их нельзя винить. Люди тоже довольно натерпелись и понервничали и им тоже полагается выпустить пар, пусть и таким странным, зато эффективным способом. Целый день трупы были в руках толпы, выставленные на площади, после чего всё, что от них осталось, бросили в мусорную яму к прочим отходам. Где им самое место.

А всё королевское семейство в приподнятом настроении смогло отправиться в долгожданную поездку. В качестве охраны их сопровождали Моррит и Рави вместе с ещё четырьмя стражами.

Дорога предстояла не быстрая, но и не утомительная, потому что уже с самого начала пути создались все условия для идеального путешествия. Решили ехать в открытой прогу-

лочной повозке, устланной подушками и довольно удобной. И погода стояла самая подходящая: солнце, светлое небо, чуть прикрытое прозрачными облаками, и освежающий ветер – глоток чистого воздуха после запахов плесени и городской канализации.

Рави, Моррит и один из его воинов возглавляли процессию, в центре была повозка с двумя лошадьми, ещё двое всадников следовали в хвосте.

Фриджия читала вслух детям, которые устроились вокруг неё. Приятный голос сестры, ритмичное покачивание повозки, природа, пробуждающаяся под лучами утреннего солнца, – это действительно то, ради чего стоило покинуть родное гнездо со всеми его удобствами.

Природа в это время года и вправду была удивительна: за городом разместились деревеньки между ухоженными полями с посевами и небольшими рощами, а далее – никем не тронутая, дикая, а потому ещё более прекрасная земля. Дорога проходила мимо тёмно-зелёных низин, укрытых утренним туманом, мимо сияющих ярко-зелёных полей, где лучи игриво прятались в капельках росы, мимо лугов, усеянных летними цветами.

Но ярче всего, удивительнее всего было поле кроваво-красных маков. Этот цвет завораживал и притягивал, а маки казались живыми, и ветер прокатывался по ним волнами, а они дышали, шептали слова, от которых просыпалось что-то в душе. Маковое поле надолго приковало к себе

взгляды путешественников, и они всё смотрели, затаив дыхание, даже после того, как кровавые цветы скрыла очередная роща, и молча переживали в душе каждый свою бурю.

Для королевы этот цвет был символом её власти. Был цветом крови её врагов, цветом смерти и цветом жизни.

Солнце опускалось всё ниже и ниже к горизонту, протягивая свои красно-оранжевые лучи сквозь верхушки деревьев густого леса, покрывающего склоны Драконьих гор. Северо-восток Каэлур можно было смело считать самым просторным краем, так как с этой стороны страну не ограничивала стена.

Дорога, ведущая в горы, пересекала реку и круто поворачивала за каменистый холм в преддверии гор, выводила к широкой многоярусной долине.

Река сверкающей лентой начиналась где-то в горах, спускалась по склонам между каскадами камней и деревьев и выливалась в небольшое озеро у подножия гор. Земля образовывала низину несколькими ярусами сочно-зелёных холмов. Туда и спускалась река Амбер низкими водопадами после спокойной тиши озера. В этой долине единогласно решено было остановиться на ночь, а утром при свете солнца уже добраться и до самих гор.

Девушки отдыхали на покрывале, в то время как мужчины ставили палатки и разжигали костер, попутно объясняя все тонкости Бенедикту. Хорошо будет, если мальчик не вы-

растет похожим на своего отца. Впрочем, его отец уже с раннего детства проявлял признаки психического расстройства. В памяти Фриджии ярко отпечатались воспоминание о её мёртвом коте. Она всегда лучше запоминала информацию, чем что-либо ещё, но смерть питомца была на редкость эмоциональным моментом. Бенедикт вообще часто пытался задеть Фриджию. Может быть, просто проверял, как долго она способна оставаться бесчувственной.

Что ж, он добился своего.

Он всё ещё ждал в камере за решёткой, лишённый всякого общения. Похоже, пришло время проявить к нему внимание и, наконец, сделать то, что королева уже давно хотела сделать.

От таких мыслей на лице непроизвольно начала расплываться улыбка.

Никто, даже Моррит в этот момент не догадался бы, что её мысли не здесь с её сестрой, племянником и всеми остальными. Она уже подыскивала место на стеллажах среди своей коллекции для новых банок с органами, а в подземных галереях – место для его костей.

– Фриджи, – позвала Глория.

– Что такое?

– Я так счастлива, – искренне поделилась она, заметив улыбку на лице сестры. «И я так рада, что ты тоже счастлива», – подумала Глория, но вслух не сказала. – Как здесь прекрасно, правда?

День был ярким и наполненным впечатлениями, все так устали с дороги, что сразу крепко заснули, как только улеглись. Мирно потрескивали догорающие угли в костре, сладко трепетали листья, изредка затронутые ветром, из соседнего леса доносились звуки птичьих голосов.

А звёзды в эту ночь сияли ярче обычного, полностью усыпая небосвод, от края до края. Казалось, они готовы были спуститься сюда, в долину у подножия гор, чтобы увидеть девушку, чья красота походила на их собственную.

Но вот пришло время, и звёзды стали меркнуть одна за другой, а небо у горизонта становилось всё светлее. Отодвигая бархатный покров ночи, показались первые лучи, и лучи эти тут же пробежались по всему миру, отразились в каждой капле росы, очертили золотым ореолом горы. Первой, как и всегда, проснулась Фриджия.

Глория свернулась калачиком под одеялом, и девушка бесшумно надела свободные штаны и безрукавку. Такую одежду обычно использовали солдаты её армии во время тренировок. Мужская одежда, сшитая на женскую фигуру, была ей к лицу. После аккуратно выбралась из палатки, чтобы не разбудить сестру. В нескольких шагах стояли ещё две палатки, в одной из них ночевал Бенедикт вместе с Морритом и Рави. То, что мальчик не проявил никакого протеста насчет того, чтобы делить палатку со слугами, было явно хорошим знаком.

«Сегодня, – решила Фриджия, – подходящий день для нашего поединка».

И действительно, на это всё как-то не хватало времени. После неудачного покушения на жизнь у королевы просто не оставалось свободной минуты, чтобы выполнить своё обещание. А ведь мальчик так этого ждёт, только признаваться не хочет.

Девушка для начала сходила к реке, чтобы умыться и привести себя в порядок. Из повозки достала свою рапиру. Лёгкая и изящная, она отлично дополняла образ королевы и была её гордостью. Фриджия взмахнула ею – на солнце сверкнуло идеально отточенное острие – и вернула обратно в ножны.

Для поединка со своим племянником Фриджия решила воспользоваться деревянным тренировочным мечом, который лежал тут же в повозке. Внешне он больше напоминал мечи, которые использовали её стражи.

Дальше от места их стоянки земля образовала довольно ровную площадку, поросшую высокой травой. Её и выбрала девушка. Пока солнце медленно выползло из-за края земли и нехотя отрывалось от него, королева тренировалась одна. То лёгкие и плавные, то быстрые и стремительные движения попеременно сменяли друг друга. Оружие должно было стать продолжением руки, и только тогда оно станет законченным.

Тут она приостановилась. Её верный слуга уже вставал и

одевался. Так было всегда: Фриджия любила вставать раньше всех, и Моррит любезно уступал ей это право, хотя разница в их пробуждении всегда составляла не больше получаса.

Девушка качнула головой, приглашая его присоединиться к тренировке. Он взял из повозки ещё один деревянный меч, и скоро они закружились вместе как и многие годы до этого. Зрелище было завораживающее: их плавные синхронные движения, спокойствие и умиротворение на лицах. Они отдавались любимому делу полностью.

– Уже и не помню, когда мы в последний раз тренировались вместе.

Моррит позволил себе лёгкую улыбку, а также лёгкое лукавство. Разумеется, он все помнил.

– В лесу, когда заблудились.

С тех пор Фриджия иногда возвращалась мыслями в лес. Она пришла к выводу, что заблудиться их заставили какие-то сторонние силы. Бродячие души тоже вызвали немалый интерес. А Моррит, похоже, не разделял её любопытства в этом вопросе. Больше всего в лесу ему запомнилось совершенно другое.

– Ваше мастерство заметно возросло.

– Не думаю, но спасибо за поддержку. Хотелось бы уделять этому больше времени.

– У нас будет много времени на тренировки в горах.

Фриджия наконец ответила на его улыбку. Они скрестили мечи, продолжая отрабатывать разученные много лет назад

приёмы.

Бенедикт вскоре тоже проснулся. Он с детским восторгом наблюдал за их тренировкой в ожидании своей очереди.

Как можно было ожидать, Бенедикт во многом уступал своей названной сестре, что и стало причиной поражения.

– Я думаю, ты получил сегодня большой опыт, – сказала Фриджия, – и это самое главное. Если сможешь им правильно воспользоваться, станешь хорошим воином.

Это была правда. Их стили ведения боя отличались друг от друга. Он, как и большинство мужчин, полагался на грубую силу, и движения у него выходили резкие и угловатые. А стилем девушки были точность движений и знание соперника. Она не махала мечом наугад, а делала всего несколько движений в самые подходящие моменты, целясь в незащищенные места противника.

Бенедикт почти не расстроился, но решил во что бы то ни стало тренироваться до тех пор, пока не станет достойным своей сестры противником. Они дали друг другу слово иногда устраивать такие поединки.

После завтрака все в приподнятом настроении продолжили путь. В горы вела ещё видимая, но зарастающая дорога, которая проходила то по крутому берегу реки, то удалялась от неё. Эта река и была та самая, у истока которой правители Каэлур некогда приказали построить «горный приют», отличное место для отдыха подальше от дворцовой суеты. И местность была самая располагающая – добраться сюда про-

сто, никаких оврагов и болот по дороге. А главное, поблизости нет человеческих поселений, поэтому звуки природы тут раздаются во всей своей полноте.

На очередном повороте повозка свернула в редкий лес у подножия гор, и этот лес тянулся по склонам к самым вершинам. Каждая гора плавно переходила в другую, и горный хребет возвышался над миром, величественный и нерушимый, одетый в зелёную мантию. Горы тянулись до самого горизонта одна выше другой, так что смотришь на них и кажется, что они не кончаются, а просто уходят вдаль и теряются где-то между облаками.

К месту стоянки вёл не такой крутой подъём, лошади без труда его одолели. Дорога здесь шла серпантинном, с одной стороны её ограничивали слоистые каменные склоны, а с другой обрыв. Вскоре компания услышала то, что все так долго ждали, – шум водопада. Вот перед ними расступились деревья, открывая взору это чудо природы.

Кристалльная вода падала с высоты нескольких метров посреди изумрудной зелени и бурых камней. Капли воды, похожие на пыль, рассыпались в разные стороны, и под солнечными лучами на них переливалась радуга. Вода опускалась на камни, тут же собираясь в горное озеро с рябящей синей гладью.

– Как красиво, – прошептала Глория.

А Фриджия подумала: «Всё в природе совершенно», – и тоже улыбнулась.

Недалеко от водопада, но достаточно, чтобы его шум только слегка угадывался, на площадке среди деревьев разместился «горный приют». Это деревянное строение так хорошо вписалось в ландшафт под действием сил времени и природы, что казалось естественным, не нарушающим гармонию. Невысокое, в один этаж, длинное здание скрывалось в гуще деревьев. С дороги можно было видеть резные массивные двери, покрытую дранкой крышу и террасу. Другим концом здания были деревянные крытые купальни, выходившие напрямиком к горячему источнику. Территорию расположили несколько каменных дорожек, заросших мхом за то время, на которое про это место успели забыть.

Как только Рави открыл двойную входную дверь, Глория на пару с Бенедиктом проскользнули внутрь. Им не терпелось первыми здесь все исследовать. Пока слуги распрягали лошадей и перетаскивали в дом вещи, Фриджия, Рави и Моррит зажгли свечи в фонарях, затопили камин, и по всему дому начала распространяться особенная атмосфера тепла и уюта.

Каждый день в Драконьих горах они проводили так весело и получили так много новых впечатлений, что даже не скуцали по жизни во дворце, по его строгим правилам, огромным пустым залам и обилию слуг.

Это касалось в первую очередь Глории и Бенедикта. Каждый день они придумывали что-то новое: то осматривали местность вокруг, то пытались подставить спину под водопад, несмотря на ледяную воду, то забирались высоко в горы, где не было растительности, то исследовали сквозные пещеры, до которых могли добраться. Во время их прогулок их постоянно сопровождали двое стражей, а остальным любезно предоставили возможность распоряжаться своим временем по собственному желанию.

С самого высокого места, до которого можно было добраться – каменного уступа шириной всего в несколько шагов – вся долина была видна от края до края, река отсюда казалась совсем тоненькой лентой, а отдельно стоящие деревья вдалеке превращались в точки. От такой высоты захватывало дух и кружилась голова, а когда ветер поднимался ещё сильнее, так, что приходилось сопротивляться, накатывало ощущение свободного полёта или же падения.

Под ногами – целый мир, а ты над ним на огромной высоте, откуда всё кажется не таким как раньше.

Ещё одним любимым занятием стало приготовление пищи на костре. По большей части в качестве повара выступал Рави. Он, как оказалось, знал и любил это дело, а остальные с интересом наблюдали за ним, иногда разделяя обязанности. Они вместе готовили хлеб и рагу на открытом огне, жарили собственноручно пойманную рыбу, и все это с лёгкостью заменило привычные всем изыски, которые готовили во дворце лучшие повара.

Фриджия тоже проводила эти дни с пользой, но скучала по своему дворцу. В горах она запаслась растениями – лекарственными и ядовитыми, которые не росли в другой местности, и так увлеклась этим занятием, что везде, где только можно, висели пучки трав, корешки, листья, бутоны или семена, и по всему дому разносился их терпкий запах.

Кроме того, в свободное время она изучила внушительную стопку книг, которую взяла с собой. Так как в дворцовой библиотеке нечитанных книг уже не осталось, новые приходилось по одной заказывать у странствующих торговцев – и тратить на них немалые деньги. В основном, это были труды учёных со всего мира по хирургии и алхимии.

И, конечно, то, ради чего девушка выбрала именно это место для отдыха. В глубине пещер, куда не так просто было добраться, обитали мало изученные существа – монсы. Это серые слизеподобные твари размером с ладонь, которые обитают на стенках пещер и иногда медленно перемещаются, оставляя за собой следы на камнях. На воздухе эти сле-

ды превращаются в твёрдые наросты на горной породе. Фриджия могла часами наблюдать за ними и делать зарисовки и записи в своей книге. Она полагала, что тысячи лет назад, когда великие зодчие возводили стену вокруг Каэлур, они использовали монсов, чтобы скреплять огромные блоки между собой. Именно поэтому стена до сих пор осталась практически невредимой.

Под конец дня Фриджия взяла за правило посещение горячего источника. Можно было долго сидеть в горячей воде, глядя на звезды или склоны гор. Это удивительно успокаивало нервы, расслабляло мышцы после долгой тренировки или путешествий по горам.

Вечером, когда племянник и слуги уже по большей части ложились спать, сестры любили понежиться в тёплой воде, наслаждаясь обществом друг друга, тишиной и покоем природы, которую уже окутывала ночь.

Каменный берег источника освещал единственный фонарь, от воды поднимался густой белый пар, а тёмное бархатное небо постепенно покрывалось звёздами.

В раздевалке Фриджия быстро скинула с себя одежду и завернулась в белую ткань. Глория, как всегда, засмотрелась на шрам на спине сестры. Вот он: неровная узловатая полоса от плеча до поясницы. Даже белая ткань не могла его до конца скрыть.

Сейчас Глории казалось, что эта отметина несколько не портит общее впечатление, а наоборот, придаёт какую-то

особую привлекательность её стройному телу. Этот шрам служил для Глории неммым доказательством преданности её сестры. Стоило на него посмотреть, и она снова возвращалась в тот самый день. И понимала: если Фриджия сделала это один раз, то сделает и другой, если потребуется. Она одна её никогда не предаст.

Девушка позволила себе виноватую улыбку.

– Что это с тобой? – обернулась к ней Фриджия.

Они сидели рядом, облокотившись на огромный камень, который высывался из воды, тёплый и шершавый.

– Ничего, – ответила Глория, – настроение хорошее.

Некоторое время они молча вглядывались в темноту. Контуры гор ещё угадывались на фоне неба. Теперь они больше походили на огромные чёрные тени, заслоняющие собою небо.

– Фриджи.

– Да?

– А этот шрам на твоей спине... он так и останется? Навсегда?

– Конечно. Навсегда. Такие вещи не исчезают сами собой.

– Ясно.

– А что, он тебя пугает?

– Нет, нисколько. Мне кажется, тебе даже идёт...

Фриджия удивлённо приподняла бровь.

– Ой, прости, я не...

– Нет, Глори, всё нормально. Просто не думала, что ты об

этом скажешь, – улыбнулась Фриджия. – По правде, мне он тоже нравится. Напоминает о том случае. Но я, естественно, не собираюсь носить платья с вырезом и показывать его всем подряд.

– Вот и хорошо.

Обе девушки молча глядели в небо, погрузившись каждая в свои мысли. То ли из-за тишины, то ли потому что они были сейчас одни, что редко случалось в последнее время, Фриджия решила: вот он, подходящий момент. Она собрала с мыслями и начала разговор издалека:

– Глори.

– Да?

– Тебя всё устраивает в твоей жизни?

– Да, вполне. А ты это к чему?

– Ты бы хотела что-то изменить?

– Я тебя не понимаю.

– Хотела бы посетить какие-нибудь другие страны?

– Я и здесь счастлива, Фриджи. Вижу, ты хочешь спросить у меня что-то конкретное. Не ходи вокруг да около, спрашивай.

Фриджия вздохнула. По непонятной для неё причине она испытывала лёгкое волнение, в сердце закралась тревога. Она опустила взгляд на чёрную воду и тихо произнесла:

– Понимаешь, у тебя уже скоро наступит тот самый возраст... когда девушка становится супругой и покидает родное гнездо, чтобы создать своё. Ты готова к этому? Ты хо-

чешь этого?

Её сердце, всегда такое ровное и спокойное, сбилось с привычного ритма. Невозможно было понять: то ли оно совсем остановилось в ожидании ответа, то ли заколотилось так тихо и быстро, что удары перестали чувствоваться.

Глория всё поняла.

– Я сделаю так, как ты скажешь, сестра.

Удивительно, как сильно может измениться человек за какое-то мгновение. Глория, только что обычная шестнадцатилетняя девочка, улыбчивая, милая и беззаботная – и вот она уже взрослая девушка, принцесса Глория Вероника, которая понимает свою ответственность и готова поступить согласно своему положению.

– Я соглашусь с тем, что ты для меня выбрала. Но знай: время, проведённое с тобой, сестра, навсегда останется для меня самым счастливым.

Фриджия неслышно выдохнула – она и не заметила, как задержала дыхание – и улыбнулась. Как камень с души упал.

– Ясно. Ты повзрослела. Горжусь тобой. – Она нежно провела рукой по щеке сестры. – Не переживай, пока я никого тебе не нашла. И не собираюсь заставлять тебя делать что-то, чего ты не захочешь.

Глория улыбнулась, а потом и засмеялась.

– Ну зачем же тогда такую серьёзность разводить? У меня аж сердце остановилось! Ещё немного – и я бы разрыдалась. Думала, ты в самом деле бросить меня решила...

– Нет, никогда. Я бы тебя не бросила.

– О, Фриджи! Даже когда ты доводишь меня до полусмерти, я всё равно люблю тебя.

Несколько минут сёстры просто сидели, держась за руки, потом Глория поднялась.

– Знаешь что, у меня от избытка чувств голова кружится.

Пойду я, пожалуй, спать, пока меня ноги держат. Идёшь?

– Ещё немного здесь побуду.

– Хорошо. Я пока заварю нам чай.

Звёзды заполнили собой всю черноту небосвода и ночь подмигивала своим жёлтым глазом-месяцем. Сам воздух переменялся, стало свежо и прохладно. И тихо – ни ветерка, ни птичьих голосов, ни стрёкота цикад. Мир замер в ожидании.

– Госпожа? – прорезал тишину голос Моррита, спокойный и мягкий как сама ночь. Он донёсся с дальней половины источника, где его не было видно за стеной белого пара.

– Так ты всё это время был здесь? – без укора в голосе, не сердясь отозвалась Фриджия.

– Простите, госпожа, я не хотел подслушивать.

– Ничего. Мы не секретничали.

Спустя минуту молчания Моррит перебрался немного ближе, так, чтобы они могли видеть друг друга, но при этом не настолько близко, чтобы это могло считаться неприличным.

– Можно узнать кое-что?

– Что именно?

– Этот шрам, о котором говорила Глория... откуда он у вас?

– Ты не переживай, не при тебе случилось. Это всё брат Бенедикт. Он в детстве ударил меня, шрам остался. Он на спине, не виден.

– А я уже было усомнился, хорошо ли я выполняю свои обязанности телохранителя.

– Не говори глупостей, ты лучше всех знаешь своё дело.

– Спасибо. Очень рад слышать.

Они разговаривали тихо, но отлично слышали друг друга, все интонации, все оттенки. Они сидели, по плечи погруженные в воду, прислонившись спиной к огромному камню, и глядели на звёздное небо. Фриджия – потому что оно всегда её завораживало, а Моррит – потому что смотреть на оголенные плечи и тонкую шею своей госпожи было неправильно – и невыносимо.

– Вы всё-таки не стали приглашать в Каэлур короля Аргуса с сыновьями?

– Не смогла. Не сейчас. Может, позже.

– Это из-за Эйола?

– Да. Он мне противен.

– Но дело ведь не только в нём, верно?

– Возможно.

– Вы просто не хотите отпускать Глорию. Бойтесь за неё, я прав?

– Боюсь, – призналась девушка. – Переживаю. Как можно

отдать её какому-то незнакомцу? Она же ещё совсем... совсем как ребёнок.

– Сегодня она показала – и очень убедительно показала – что уже не такая маленькая.

– Но она по-прежнему моя сестра.

– Я знал, что вы так скажете. Что не захотите отпустить её.

– И я знала, но надеялась, что это пройдёт. Рано или поздно мне всё-таки придётся это сделать.

– Сомневаюсь, что существует привязанность крепче, чем любовь к вам вашей сестры.

– Спасибо тебе.

Время было позднее, но никто не спешил. Оба понимали: надо высказаться, будет легче. Поэтому молчание не затянулось.

– Помнишь, – начала Фриджия, – когда-то давно, наверно, лет сто назад, мы с тобой пошли в лес освободить зверей из силков. Отец запретил мне покидать дворец, сказал тебе следить за этим. Но мы не послушались и пошли в лес. Ночью вылезли через окно и взяли лошадей, стараясь не шуметь. Наша вторая вылазка. Помню, я так боялась, что нас заметят, что отец запрёт меня в комнате, а тебя отстранит от службы или того хуже.

– Да, какие же мы тогда были... – засмеялся слуга, – неопытные, но отчаянные.

– Точно, отчаянные. Мы выпускали зверей и с такой яростью ломали те ловушки, как будто это что-то могло изме-

нить. А потом – помнишь? – темно там было, и я оступилась и полетела в овраг, прихватив с собой тебя.

– Ну и полёт был. Незабываемый. Летели мы кубарем, хорошенько испачкавшись в земле, и, кажется, подскакивали на каждом корне. Синяков потом было...

– Представляю, на кого мы были похожи!

Они засмеялись. Счастливые воспоминания давно минувших дней.

– Возвращались из конюшни и король как назло нас заметил. Шум поднял такой. Я подумала, что он сейчас нас с тобой порвёт – мокрого места не останется. Стою перед ним, а сказать ничего не могу, мыслей нет вообще. Хоть ты не растерялся. Помнишь, что ты тогда сказал?

Оба погрузились в воспоминания.

– Что всё это значит?! – сказал тогда отец Фриджии. – Что за вид у вас и где вы были?

Моррит заметил, что Фриджия растерялась, и выпалил то, что первое пришло в голову:

– Ваше величество, это всё легат Данио со своими подельниками. Они хотели похитить принцессу и напали среди ночи.

– Зачем, – не поверил король, – моему легату похищать мою дочь?

– Прошу прощения, ваше величество, не могу знать. Но говорят, он не первый год против вас недоброе замышляет. И вы разве не замечали, как он на принцессу смотрит?

– Неужели, – загремел король, – Данио! Как он мог! Дочь, скажи что-нибудь! Это правда?

– Да, отец, это правда. Данио хотел сделать что-то плохое. Я отбивалась как могла, но их было больше. Хорошо, Моррит вовремя подоспел! Это он меня спас.

– Дочь моя, больше ни о чём не беспокойся! Ты в порядке – это главное. А Данио мне за всё ответит!

Оба тихо рассмеялись, глядя сейчас друг на друга.

– Когда ты говорил это, ты знал, что Данио и других казнят?

– Знал, конечно.

– Очень мило ты всё обрисовал, а главное – вовремя. Неизвестно, когда бы ещё такой шанс представился. А тут король собственноручно избавляется от своего легата и его подпевал, обвинив их в измене. Всё-таки ты – лучший в своём деле.

– Стараюсь, – улыбнулся Моррит.

За годы, проведённые вместе, они стали лучшими друзьями – принцесса и её слуга. Столько общих воспоминаний, столько мыслей, столько дел объединяло их. Столько они вдвоём пережили. Моррит практически заменил ей старшего брата.

Фриджия молчала, но Моррит инстинктивно почувствовал перемену в её настроении. Она, похоже, грустила.

– Что случилось, госпожа?

– Это просто... так, ничего.

– Может, всё-таки скажете? Я беспокоюсь.

– Нет, Моррит, это я беспокоюсь. – Её тихий голос едва заметно дрогнул. – Какое-то нехорошее предчувствие... Я не знаю, как это описать, но оно не отпускает.

– С кем или чем связано ваше предчувствие?

– Может быть... я в этом не уверена. Давай не будем об этом.

– Госпожа...

– Моррит. – Её голос изменился, в нем появились решительные нотки и как будто волнение. – Подожди. Мне нужно кое-что сказать. Сейчас, возможно, ты услышишь странные вещи. В смысле, для меня странные. Я вообще как-то изменилась за последнее время, и это мне не очень нравится. Но сказать я должна, потому что чувствую, что тогда станет легче.

Немного отдышавшись, она продолжила, и её голос... Слуга никогда такого прежде не слышал. Королева говорила без сарказма, равнодушия, не так, как разговаривают со слугами или с обычными людьми. Совсем тихо, доверительно. И тепло. Это тепло ощущалось почти материально.

– Прости, я не похожа сама на себя, но я хочу, чтобы ты знал. Для меня нет и не будет другого такого человека, как ты. Сколько раз ты меня выручал, был рядом, поддерживал меня. Ты уже давно стал частью нашей семьи. Моим... другом, или, может, братом, которого я всегда хотела. И я... благодарна тебе за это. Спасибо за годы службы. Надеюсь, ты не

жалеешь об этом. – Фриджия поднялась, не глядя на своего стража. – Пожалуй, достаточно на сегодня разговоров. Я иду спать.

Она злилась на себя за все те сопли, что наговорила секундунду назад. Что это было, а главное, зачем – она и сама не могла понять.

– Госпожа! – Моррит вскочил следом. – Фриджия.

Она остановилась, и он смог в тусклом свете единственного фонаря разглядеть неровный шрам на плече.

– Фриджия. Спасибо. Мне так не хватало этих слов.

Девушка все стояла с несвойственной ей нерешительностью. Мгновения тянулись, будто густая патока.

Моррит неуверенно преодолел разделяющее их расстояние и протянул руку, дотронувшись до шрама на спине своей госпожи. Фриджия вздрогнула, и мужчина тут же отвёл руку.

– Прошу прощения, госпожа. Я не хотел...

Она обернулась, заставив его замереть в ожидании пощёчины. Но вместо этого она коснулась его щеки рукой и приподнялась на цыпочки. Поцелуй вышел робким. Моррит осторожно провел по её рукам и плечам, таким тонким и хрупким, почувствовал её прикосновение к своим рёбрам и груди. Обхватил плечи в необъяснимом, неведомом ранее порыве и жадно впился в губы.

Это не продлилось долго. Когда они прервались в попытке отдышаться, Фриджия отстранилась. Она выглядела хмурой и растерянной – злилась на самую себя. Быстро развернулась

и вошла в дом, оставляя Моррита в такой же растерянности
стоять посреди озера с бешено колотящимся сердцем.

Тем временем в Каэлур всё шло своим чередом. Тёплый сезон подходил к концу. Ветер переменял своё направление, и погода постепенно стала меняться. Длина светового дня заметно сократилась, небо всё чаще покрывали мрачные серые тучи, плачущие безрадостным холодным дождём, а трава с утра покрывалась инеем.

Впереди оставалось ещё несколько тёплых дней, на которые по старой традиции выпадал праздник урожая. Он был главным праздником среди прочих, поэтому и готовились к нему основательно, всей страной. По обычаю люди благодарили богов за собранный урожай и молились о том, чтобы и в следующем году руки высших не опустели и их благословенье не покидало поля.

Кроме того, праздничная неделя была временем отдыха от тяжёлой работы, временем весёлых игр, представлений и ярмарок. Все от мала до велика любили этот праздник и ждали его с нетерпением. А в этом году праздник обещал быть особенным.

Как известно, в Каэлур собирают урожай дважды в год за время тёплого сезона. Однако за последние годы урожайность упала, часть полей оставалась невозделанной, а то и вовсе распроданной в личное пользование. Но второй урожай превзошёл все самые смелые ожидания.

Это всё благодаря королеве: она очень основательно занялась растениеводством, сама выбирала, на каких полях что и как посадить, как обрабатывать, когда поливать, предложила новые виды и сорта растений, сама следила за всеми работами. Результатом её деятельности стало небывалое до сих пор количество продуктов, которые к тому же ещё и по качеству превосходили все предыдущие сборы.

Всё больше стран стремились заключить сделки с королевой на поставку товаров, и это сулило стране большой доход и процветание.

Люди были счастливы, сбор урожая закончен, и праздничная неделя началась как нельзя лучше.

Во дворце тоже шла активная подготовка к празднику урожая. Слуги украшали залы и готовили комнаты для приёма гостей – на фестиваль должны были прибыть главы нескольких стран и приглашённые гости из разных концов материка. Кроме того, в страну приезжали и простые люди – путешественники, торговцы, так что мест на постоянных дворах и в гостиницах становилось всё меньше, даже несмотря на поднявшиеся цены. Жителям страны всегда удавалось хорошо заработать во время праздничной недели.

Пока все были заняты уборкой и украшением, Глория, надеявшись, что никто её не заметит и почётный караул к ней не приставят, решила отправиться в храм, вознести богам благодарности и выполнить традиционные обряды.

Посещение храмов было личным делом каждого, и Глория не упускала возможности. А её старшая сестра, наоборот, считала это пустой тратой времени и ходила в храмы очень редко и только если того требовали строгие обычаи. Но на приглашение Глории она нехотя согласилась, и, взяв с собой ещё и Бенедикта, они вместе направились к храму.

Однако, надеждам Глории сделать это тихо снова не суждено было сбыться: к ним-таки приставили сопровождающих в числе восьми человек, среди которых были Эквитум и Рави – двое личных телохранителей королевы.

Путь до храма они проделали на лошадях и как нарочно проехали по главным улицам. Люди приветствовали их, осыпали пожеланиями благополучия, благодарили королеву и желали ей долгих лет. В общем, как всегда.

Глория до сих пор немного смущалась при виде таких толп и множества глядящих на неё лиц. На вопрос, почему именно этот маршрут они выбрали, Фриджия ответила:

– Так надо.

Попросив объяснений, девушка услышала скучающий голос сестры, которая как будто повторяла в сотый раз одно и то же:

– Для поддержания хороших отношений с жителями своей страны монарх обязан хоть иногда показываться на улицах, всех приветствовать и улыбаться. Чтобы получалось создавать видимость живого общения. Чтобы люди чувствовали, что ты существуешь, что ты рядом с ними и что ты пом-

нишь о них.

– Тем более, – добавила после паузы королева, – вам двоим уже пора к такому привыкать. И держать себя нужно уверенно, Глория, потому что на вас смотрят, вами восхищаются, на вас хотят быть похожими.

«Да уж, – подумала девушка и оглядела толпу, стараясь выглядеть подобающе, – на счёт нас сказать не могу, а тобой действительно восхищаются».

Королева, казалось, не испытывала ни малейшего неудобства, мило всем улыбалась и отвечала на приветствия. Она была в своей стихии и ей это нравилось.

Зато появилась прекрасная возможность посмотреть уже украшенные улицы и дома. Глория всю дорогу вертела головой, разглядывая традиционные венки, многочисленные фонарики и плетеных человечков.

Фонарям уделялось особое внимание. Они были развешаны и расставлены повсюду и в большом количестве: под крышами, на деревьях, на балконах и подоконниках. По два фонаря обязательно стояли возле входа, а если были ступени, то и на каждой ступеньке. Можно было подумать, что все фонари в городе выставили на улицы. Все это нужно для последнего дня празднования – Ночи Света. Сотни тысяч свечей горели всю ночь, освещая всё вокруг своим пламенем.

Впереди, наконец, показалось величественное здание храма, ограда вокруг которого и сам храм были полностью увиты цветами и украшены фонарями разных форм и размеров.

Лошадей вместе с несколькими стражниками оставили за пределами священной территории, остальные же по каменной дорожке сквозь небольшой парк пошли дальше.

Изображений богов в храме не было – такой уж существовал обычай, – но все знали, что высшие имеют облик, подобный человеческому. А были только статуи и картины посланцев богов на земле, священных животных, через которых люди и передавали мольбы высшим и через которых высшие вершили свою волю. Так, посланником Солнца считался крылатый Конь, вестником Дождя – Змей, а Лиса олицетворяла Землю.

Существовала легенда, в некоторой степени объясняющая, почему именно эти животные считаются священными, и Фриджия обещала рассказать её племяннику, когда они вернутся во дворец. Мальчик был в храме первый раз – его отец тоже считал посещение подобных мест неподобающим занятием для принца.

Три большие статуи стояли посреди храма, и вокруг них толпились люди. Обряд состоял в том, что к каждому каменному животному нужно прикоснуться, произнести известные слова и положить к каждому пьедесталу по цветку своего цвета. Змею синие или голубые цветы, Коню красные и белые Лисице. За полдня там уже накопились целые кучи цветов, что не удивительно: в городе полно народу, а таких храмов всего три.

Служители и прихожане тихо поприветствовали королев-

скую семью и почтительно расступились перед ними, открывая проход к статуям.

Глория, как всегда, попросила у богов счастья своей сестре и племяннику, чтобы с ними всё было хорошо. Она всегда говорила одни и те же слова: «Пожалуйста, оберегайте Фриджию». А для себя не просила ничего.

Обед для семьи готовила Фриджия. Это стало настоящим долгожданным событием: не часто, очень не часто девушка радовала свою семью фирменной кухней. Такое событие происходило только по большим праздникам, так что каждый что-то заказал, пользуясь моментом. Ведь неизвестно, сколько ещё придётся ждать следующего такого случая: полгода, год. Фриджия на всё согласилась при условии, что ей будут помогать.

Результатом их совместной работы они сейчас и наслаждались. Глория только удивлялась: как сестра научилась так хорошо готовить ещё и по собственным рецептам, почти совсем не практикуясь в этом деле?

Королева уже успела за обедом рассказать Бенедикту основную часть легенды о сотворении мира и перешла к мифам о животных, разлив по пиалам ароматный чай. По залу тут же распространился божественный аромат. Бутоны раскрывались в горячей воде, и чем больше они раскрывались, тем ярственнее ощущалась атмосфера свежего весеннего сада.

– Сначала боги радовались, что обладают такой силой управлять стихиями, но эти же силы лишили их возможности общаться друг с другом и с окружающим миром. Боги стали думать, как им поступить, и решили создать себе хранителей. Хранители должны были стать связью богов с людьми и с другими богами, их помощниками и верными друзьями. Так из ветки Древа Вечного Мира появилась черно-бурая Лиса, из вод Источника Истины и тумана над ним – огромный Змей, из Пламени Очищения вышел крылатый Конь с огненной гривой. Эти священные животные считаются вестниками воли богов на земле. Кроме трёх основных есть и другие, но это не столь важно. Заинтересуешься – считаешь об этом сам.

– А эти боги и правда существуют? – спросил мальчик с чисто детской наивностью.

– Это каждый решает сам для себя. Могу сказать только, что никто их не видел, хотя некоторые утверждают, что боги им действительно помогают. Скажем так, люди считают, что если исправно им молиться, совершать все обряды и вести богоугодный образ жизни, не совершая никаких противоречащих вере поступков, то в сложной жизненной ситуации они откликнутся на мольбы.

Бенедикт задумался, но говорить ничего не стал.

– Знаете, – проговорила Глория после минуты молчания, – я слышала, что на площадях будут выступать актёры и рассказывать легенды о богах и о празднике. Может быть, мы

сможем сходить посмотреть? – Девушка в надежде подняла глаза на сестру и её лицо приняло обезоруживающе умоляющее выражение.

– Я бы тоже хотел посмотреть. Отец никогда не разрешал мне.

– Ладно, раз вы так хотите. На главной площади выступление пройдёт сегодня вечером, в первый день праздничной недели.

– А откуда..? – хотела было спросить Глория, но королева опередила её.

– А кто, по-твоему, все эти выступления оплачивает?

Она допила чай и беззвучно поставила пиалу на стол.

– Сейчас договорюсь, чтобы устроили там место для нас.

– Ты самая лучшая, – улыбнулась Глория.

А Бенедикт тихо произнёс, глядя в пол и немного краснея:

– Вы очень хорошо готовите, сестра. Мама ни разу мне не готовила.

К вечеру на площади перед дворцом собралось большое количество народа. Там собрали сцену для выступлений – как раз на месте эшафота, перед ней приготовили места для королевской семьи. Сцена и вся площадь освещались большими коваными фонарями и огнём в огромных специальных чашах.

Как только немного стемнело, музыканты заиграли на струнах, а люди в это время подходили поближе и затихали,

понемногу погружаясь в таинственную, мистическую атмосферу. Актёры произнесли приветственную речь и начали представление.

На сцену выходили люди в масках тех или иных существ, в невероятных струящихся одеждах своего цвета. Своим танцем и взмахами лент они иллюстрировали легенды, которые в это время пели музыканты, а иногда действие происходило только под звуки музыки. Зрители смотрели на их движения как заморожённые. Когда же музыка внезапно прекращалась, в эти самые моменты люди все как один затаили дыхание, с трепетом переживая особенно волнующие моменты.

Выступление действительно прошло незабываемо и эффектно – актёры знали своё дело.

Разошлись все уже поздно ночью полные впечатлений и счастливые. Праздничная неделя началась отлично. Со следующего дня откроются ярмарки, жители всем городом будут играть в игры, соревноваться, есть, пить и отдыхать. Королева в сопровождении своих стражей в парадной одежде почтит присутствием каждый город своей страны. Пройдёт по главным улицам, а люди соберутся в огромное шествие, чтобы поприветствовать свою добрую королеву.

Праздничные дни прошли весело. Никто не сидел дома, каждому нашлось развлечение по вкусу. Молодые люди участвовали в дружеских боях, забегах, соревновались в стрельбе из лука, скачках, метании топоров. Постоянно зву-

чала музыка. Когда кто-то начинал петь, остальные подхватывали. У детей были свои развлечения по их возможностям, и любимым стало катание на лошадях. С утра и до вечера можно было ходить по бесконечным рядам палаток с товарами, что привозили с разных концов материка. Казалось, здесь можно найти всё, что душе угодно: деревянные изделия, посуда, расшитая замысловатыми узорами одежда, украшения, платки, ковры и даже оружие.

Но главными были, конечно, палатки с едой. От них по всей площади разносились чарующие ароматы чая и кофе всевозможных сортов, слюнки текли от одного взгляда на сладости из далеких стран, леденцы блестели на солнце, а пироги и прочая выпечка с аппетитно румяными боками всегда были свежими и горячими. Любой гурман мог найти здесь что-то на свой вкус, не было недостатка в торговцах мёдом, орехами, сушёными фруктами, копчёным мясом, приправами или заморским алкоголем. Некоторые продавцы, дабы прибавить значимости себе и своему товару, а заодно и продать побольше, в наглую хвастались, что у них покупала сама королева.

И вот время празднований подошло к концу, время, которое, кажется, никогда прежде не было таким весёлым, таким приятным и объединяющим, которое непременно останется в памяти надолго. Теперь осталось совершить только один традиционный обряд.

Как только начали спускаться сумерки, жители потихонь-

ку отправлялись к своим домам и вместе с городовыми зажигали фонари. Город постепенно преобразился в ожидании наступления ночи. По городским площадям разошлись тройки музыкантов – двое играют, один поёт – и с закатом началось торжественное шествие.

Просигналили трубы со стороны дворца, музыканты призвали следовать за ними. Зазвучали всем знакомые мелодии, люди с ближайших улиц присоединялись к процессии, все дружно пели праздничные песни и двигались за ведущими. Каждый человек при этом держал перед собой нечто вроде корзинки из веток и цветов, внутри которой горела свечка.

Процессии сливались на широких улицах, вместе подходили к реке, и в полной тишине люди опускали на воду свои послания богам. Миниатюрные плетёные корзинки подхватывало и уносило течением.

Никто уже толком не помнил, откуда взялся этот ритуал, но ходило мнение, что он пошёл от древнего способа передачи писем.

Звёзд не было видно из-за затянувших небо облаков, и только полуприкрытый глаз луны иногда показывался в далёкой черноте. Споря с этой непроглядной тьмой, внизу светился город. Сотни тысяч фонариков горели каждый своим крошечным пламенем, вместе они давали отпор ночи.

Люди колоннами шли по улицам и не узнавали родного города: мерцание свечей преобразило его, окутало своим волшебством, и даже обыденные вещи стали гораздо значитель-

нее. Люди улыбались друг другу, потому что настало время улыбок, прощали друг другу все обиды, потому что настало время мира, спокойствия и счастья. Эту ночь люди провели действительно вместе. Потому что Ночь Света превращала всех в одну большую семью.

Дворец сиял ничуть не меньше чем весь город, как снаружи, так и внутри. Гости – послы или представители власти других стран с разных концов континента – после вечерних представлений собрались в большом зале, чтобы пообщаться друг с другом перед отъездом и выразить благодарность хозяйке. Народу было не так много, место в основном занимали стража с суровыми лицами при полном параде и слуги, скользящие туда-сюда по всему залу с подносами или поручениями.

От юной принцессы Глории требовалось только, чтобы она всюду ходила вместе с сестрой и всё и всех запоминала, а также обменивалась любезностями с высокопоставленными особами, как того требуют негласные законы. Девушке было откровенно скучно, но она ничем этого не выдавала. Она исправно с вежливой улыбкой говорила гостям заранее заученные фразы и отвечала заранее заученными ответами.

«И скоро ли это закончится? – устало подумала Глория, в очередной раз выслушивая, как её платье расхваливала какая-то дама. Это было утомительно вдвойне, так как Фриджи с ней не было. – Сестра ушла куда-то и сказала, что

ненадолго. Как мне теперь без неё обойтись? Бросила меня на произвол судьбы, – сетовала девушка, судорожно пытаюсь вспомнить все правила хорошего светского разговора и найти, наконец, что отвечать этой даме. – Надо как-то очень вежливо закончить разговор и пойти искать сестру, а то эта женщина... кажется... Сестре бы не понравилось, что я забыла имя своей собеседницы!»

– Благодарю вас, ваше величество, мне очень, очень приятно, – с улыбкой ответила принцесса на все похвалы в свой адрес. – Могу со своей стороны вас заверить, что вы выглядите восхитительно! Вам так идёт цвет вашего платья! Вы сами подбирали ткани?

Пока женщина увлечённо что-то рассказывала, Глория подбирала слова, чтобы вежливо выйти из разговора. Не придумав ничего лучше, кроме как перевести тему на свою сестру, она мысленно вздохнула и произнесла:

– Удивительно! Не каждый обладает таким тонким вкусом, как вы. А что вы скажете о королеве Фриджии? Мне кажется, она выглядит потрясающе! Ой, а вы случайно не знаете, где она?

– Конечно, дорогая. Я видела, как она выходила на балкон. И при том не одна.

– Неужели? В таком случае, разрешите мне вас ненадолго покинуть, ваше величество.

Едва дослушав ответ, Глория уже продвигалась в сторону балкона, стараясь не привлекать к себе внимания и вообще

казаться как можно незаметнее. Она успешно добралась до выхода на балкон и выглянула наружу.

Её сестра действительно была там и действительно была не одна. Из зала их разговора слышно не было, но любопытство Глории взяло верх над воспитанием, она бесшумно проскользнула на балкон в нишу, скрытую портьерой, затаила дыхание и краем глаза выглянула из своего укрытия.

Этот мужчина носил дорогую шелковую одежду с символом Астрелии, и по всему его виду в целом можно было заключить, что он человек очень высокого положения. За разговором он выглядел взволнованно и даже местами хмуро.

– ...но прошу вас, подумайте хорошенько над моим предложением, – говорил он, явно теряя терпение. – Вы просто не видите, какие перспективы открываются перед нами!

«И что ему нужно от моей сестры?»

По мере того, как мужчина запальчиво говорил о чём-то своём, не скупясь на жесты, возмущение Глории всё возрастало. Девушка с негодованием наблюдала, как этот странный тип, яростно что-то доказывая, схватился за руку королевы чуть выше локтя, второй рукой продолжая жестикулировать.

– Только представьте себе, чего мы сможем добиться вместе! Если две могущественные державы объединятся, нам не будет равных. Никто не посмеет восстать против нашей империи! Такая мощь заставит всех склонить головы перед нами! Мы будем диктовать законы на континенте, мы получим всё! Одно ваше слово, королева, положит начало новому ве-

ликому царству!

Спокойная и серьёзная Фриджия, по-видимому, оставалась непреклонна. Но Глория слишком хорошо знала свою сестру и видела, каких усилий ей стоит держать себя в руках.

– Как я уже говорила ранее, король Улисс, я вынуждена отказаться от вашего предложения. Моё решение окончательно.

– Но почему?

– У меня есть на то свои причины.

– Я знаю, ваш муж умер всего несколько месяцев назад. Если вы переживаете насчёт общественного мнения – я готов ждать столько, сколько потребуется.

– Поверьте, кроме смерти моего бедного мужа, есть и другие причины.

– Позвольте узнать их.

– Я не намерена об этом говорить.

– Так, значит?

Казалось, он борется с самим собой. Его лицо и поза выражали затаённую ярость с примесью безумия. У Глории замерло сердце в ожидании, какие действия за этим последуют. Но вспышка гнева сменилась на умоляющий тон.

– Прошу вас, Фриджия, не отказывайте мне! Если вы станете моей супругой, я обещаю вам, нет, я клянусь: весь мир склоню к вашим ногам! У вас будет всё, о чём только можно мечтать! Хотите золота, драгоценностей – я всё исполню, ничего не пожалею! По вашему приказу я буду убивать, буду

миловать, буду обращать в рабство, завоёвывать! Ну разве этого мало? Разве мало? Я исполню любое ваше желание, а взамен прошу только одного!

«Ах ты гад! – бушевала Глория, – Да как ты смеешь! Да ты ей в отцы годишься! Нет, ну он точно не в себе! Кто в здравом уме предложит такое?! Вот же...»

Бедная девушка просто не находила слов для подобных случаев. Её вся эта сцена задела настолько, что она была готова накинуться на короля Улисса и вклепать ему пощёчину как минимум за то, что оставил красный след на запястье сестры. Останавливало лишь то, что Фриджия и сама могла не хуже постоять за свою честь и гордость.

– Моё желание? – Её ледяной голос, в котором к тому же сквозила насмешка, заставил вздрогнуть её собеседника и даже немного отступить. – Как ты жалок! Ты слишком высокого о себе мнения. Ты явился в мой дом без приглашения и возомнил, что можешь отнимать моё время на эти глупые разговоры. Кто дал тебе право прикасаться ко мне? Ты – мусор, не достойный даже того, чтобы прилипнуть к подошве моего сапога. – Королева смерила опешившего мужчину презрительным взглядом. – А теперь будьте любезны, король Улисс, покиньте меня. Иначе мне придётся позвать стражу.

С этими словами Фриджия решительно развернулась и вышла. Только взглянув на сестру, Глория ясно увидела, как тяжело ей сохранять спокойствие. А ведь её, всегда такую холодную и расчетливую Фриджию, очень сложно было вы-

вести из себя. Король Улисс так и стоял, опешив, с глупо приоткрытым ртом. Опять все эмоции пробежали по его лицу как табун лошадей, и он гневно прошипел:

– Я заставлю тебя пожалеть об этом!

Глория вжалась в нишу и подождала, пока он покинет балкон. Похоже, на её глазах только что произошёл исторический момент. И какая же сестра молодец – так ловко унизила и растоптала этого заносчивого типа! Но вместе с тем и плохое предчувствие осталось от его последних слов, брошенных вроде бы от избытка эмоций.

От всего этого – от только что подслушанного разговора, от громкой музыки и сильных запахов у девушки разболелась голова. Глория вышла на балкон и устало свесилась с перилл. А какой, однако, отсюда потрясающий вид! Как будто звёзды сегодня покинули небосвод и опустились вниз, в город.

Фриджия легко сменила одну маску на другую. Она вышла с балкона, любезно улыбаясь каждому гостю, такая сияющая, неотразимая. Она неизменно притягивала взгляды мужчин и женщин и была этим довольна. Даже несмотря на головную боль – от всех этих звуков и запахов она становилась только сильнее, – девушка не собиралась покидать своих гостей так рано. А тот неприятный инцидент на балконе... Какой бы гениальной она себя не считала, подобные ситуации не всегда можно предусмотреть.

Королева приняла из рук слуги бокал с вином. Обычно она предпочитала оставаться трезвой в любой ситуации, но сейчас нужно было немного успокоиться, а травяной настойки под рукой не оказалось. Сделала большой глоток и искала глазами сестру или кого-то из своих приближенных. Заметила Фиделиса – мрачного, как обычно. Взяла у слуги ещё один бокал, который и протянула мужчине. Тот в нерешительности уставился на неё и на жидкость в своём бокале.

– Не волнуйся, не отравлено, – усмехнулась девушка.

– Я не... Я ведь на службе, – то ли спросил, то ли ответил он.

– Ты всегда на службе. Да и от одного бокала хуже не будет. Нам всем иногда нужно расслабиться.

Фиделис сделал несколько глотков, после чего кивнул на её бокал.

– Что-то случилось, госпожа? Не часто вас можно увидеть с бокалом вина.

– Ничего серьёзного. Хотела бы попросить тебя озаботиться вербовкой человека, вхожего во двор короля Улисса из Астрелии.

– Сделаю. Хотите узнать что-то конкретное?

– Пока нет. Достаточно будет просто следить за его действиями.

– Да, госпожа.

– Благодарю. – Она допила свое вино, наслаждаясь кратким мгновениями спокойствия. Но в планах на вечер было

ещё много дел. – Ты не видел Глорию?

– Она на балконе.

Фриджия едва заметно нахмурилась, но все же улыбнулась слуге на прощание и направилась обратно к балкону.

– Сестра.

Глория вздрогнула и быстро обернулась на зов.

– Прости, я...

– Идем, я хочу тебя познакомить с королём Аргусом, его женой и сыновьями.

Сезон холодов и непогоды окончательно вступил в свои права и хорошенько там укрепился. Уже который день подряд по небу бродят беспросветные серые тучи, иногда гремит гром, а дождь перестаёт хлестать пересыщенную влагой землю, кажется, только чтобы часок отдохнуть. Вдобавок ко всему опустилась температура, по-зимнему пронизывающий ветер так и стремился добраться до костей, так что и без того скверная погода оказалась настоящим испытанием.

Жители Каэлур, привычные к такой погоде, тихо сидели по домам возле своих каминов или печей. На холодное время обычно откладывалась вся домашняя работа, такая как шитьё, плетение корзин, женских украшений. Большая часть работ с деревом, глиной, металлами и продуктами питания тоже оставалась на этот сезон. На улицу в такую неприятную погоду выходили только по государственной службе или по очень важному делу.

Вот и королева Фриджия решила заняться в свободное от тренировок, учёбы и государственной работы время своими не менее важными делами. Для таких вот дел ей нужен был один из четырёх её приближённых – Эквитум. Они вместе прошли по темным дворцовым коридорам, холодным в это время года, в одну из множества ничем не примечательных комнат, похожих одна на другую. Все эти комнаты обычно

были запреты и редко использовались.

На стенах висели огромные цветные гобелены старинной работы – горные пейзажи, водоёмы, птицы, животные, вдоль стен стояла мебель. Даже предположить трудно, для чего эта комната предназначена. И только малому числу приближенных было известно, что это один из нескольких входов в подземные галереи.

Королева отодвинула в сторону гобелен – за ним пряталась маленькая дверца. Девушка выбрала нужный ключ из своей связки, щёлкнул замок и дверь беззвучно отворилась. Эквитум зажёл прикреплённый к стене факел, вынул его из крепления и пошёл впереди вниз по узкой лестнице, освещающая спуск. Их шаги гулко отскакивали от каменных стен, а свет причудливо играл с тенями.

Лестница уходила всё ниже и ниже, что казалось, она вообще никогда не закончится, как вдруг за следующим поворотом оказалась площадка с двумя проёмами – входами в подземные галереи.

Об этих галереях ходило множество слухов, мифов и легенд, но едва ли десятая часть из них была правдой. Мало кто знал, что подземные ходы – не плод чьего-то бурного воображения, а вполне реальная вещь. Чего только люди не придумывали о дворцовых подземельях, но те, кто часто здесь бывал – например, Эквитум – точно могли сказать, что никаких призраков и прочей нежити в галереях не водится, коридоры точно не идут через центр земли на другую её сто-

рону и в них не хранится золото предыдущих королей. Это всего лишь прохладные каменные тоннели и залы, имеющие несколько выходов на поверхность по всему городу, и очень хорошо защищённые.

Вначале факел освещал только низкие своды первого тоннеля. Тьма едва расступалась перед движущимся комком света, окутывала его плотной пеленой как покрывалом. И это покрывало казалось таким осязаемым: протяни руку – и погрузишься во что-то мягкое и бархатистое.

Проход внезапно расширился, потолок стал выше, и Эквитум зажёл несколько фонарей, свисающих с потолка на цепях. Мерцающий свет разлился по галерее – а это и была первая настоящая галерея – и выхватил из тьмы белые стены. Каждый их участок состоял из одинаковых деталей. Вот вдоль стен ровными рядами выложены плечевые кости, вот – бедренные, а тут сплошь состоят из рёбер.

Костяная галерея началась круглым залом с несколькими закрытыми проходами в комнаты особого предназначения, а дальше продолжалась широким аркообразным тоннелем. В одной из комнат стояли два мешка, которые и взял мужчина, чтобы отнести к месту работы.

Кто начал выкладывать стены подземелий костями доподлинно неизвестно, но Фриджия и Эквитум с энтузиазмом продолжили эту традицию, до недавнего времени забытую и заброшенную. В мешках, что они принесли с собой, как раз ждали своего часа очередные предметы декора.

– Вижу, ты времени зря не терял, – заметила королева, оглядывая длинную стену из аккуратно сложенных рядов костей.

– Ещё бы, – улыбнулся слуга, – здесь не один десяток новых мертвецов прибавился.

Эквитум лично следил за тем, чтобы отделка стен продолжалась качественно и своевременно, он же следил за предварительной обработкой костей и за их сохранностью. Поэтому ломать руки во время пыток было не принято.

Они высыпали содержимое мешков на пол и приступили к работе.

– Сегодня весь день дождя не было, – сказал Эквитум, раскладывая кости по своим законным местам, – и даже тучи немного разошлись. К чему бы это? Только бы гроза не началась. И так по целым дням дождь льёт.

– Скоро начнётся. К вечеру или ночью, – ответила Фриджия. Она рассматривала плечевую кость, мысленно представляя, как к ней крепятся мышцы. – Дождь – это ещё ладно, надеюсь, ветер не усилится.

– Это точно. Вот, слышали, что за стенами творится? У нас тут ещё ничего, так, обычная зимняя погода, а на западе настоящий ураган. Деревья не выдерживают, их с корнями вырывает. Крыши домов сносит, не говоря уже о всякой мелочи.

– Даже так?

– Говорят, в этот год везде так будет. – Он сдул невидимую

пылинку с очередной кости. Вспомнил о чём-то, рассмеялся. – Кстати о ветре. Я сам на днях видел, как наш судья шел по улице, домой возвращался. Темно уже было, вечер, ничего не видно, и улицу он выбрал тёмную – если и будет там один фонарь, и то подбитый. Так вот: идёт себе судья. Вдруг порыв ветра срывает у него с головы парик. Судья так и подпрыгнул, ухватился за голову, но было уже поздно...

Эквитум имел странную и в то же время забавную манеру рассказывать чрезвычайно выразительно и с артистизмом. Он вообще любил поболтать.

– На свою беду из-за угла дома вышел какой-то бедолага, такой же жирный, как и наш судья. Идёт, переваливается, ни о чём не подозревает. Тут как раз парик пролетает, и, надо сказать, очень удачно, прямо толстяку в лицо. Повисел там немного и дальше полетел. А этот с перепугу как замашет руками, глаза вытаращит – не поймёт, что с ним было. Потом вдруг как закричал – это на него нёсся судья. А в темноте же не видно, что это бесформенное нечто на человека похоже, вот он и кричит: «Демоны!» Судья и сам перепугался, шарахнулся от него, ещё и по сторонам начал озираться. Ну и рожи у них были! Я там чуть не надорвался за углом, пока за ними наблюдал.

– Чувствую, – усмехнулась девушка, – скоро по городу пойдут слухи о волосатых летающих тварях.

– Вот-вот. Так и происходит рождение легенды. А судья свой парик так и не догнал, поэтому все дела отменил, пока

новый не изготовят. Лысиной стыдно светить.

– Надеюсь, это не слишком сильно повлияет на скорость работы суда. А то не хватало мне ещё жалоб, и так их целый ворох, – устало вздохнула королева, а перед её мысленным взором возникла объёмная стопка листов на рабочем столе, которые всё ещё дожидаются рассмотрения.

– Ну, с этим ничего не поделаешь: люди всегда чем-то недовольны.

– Тут недавно наткнулась на одного просящего. Вот уж действительно: не на что жаловаться, так сам придумает. Пишет на двух листах во всех красках, что из окон его дома видны окна другого дома, и оттуда за ним постоянно наблюдает старуха. Никакой личной жизни, видите ли. Давно пора перепоручить все жалобы кому-нибудь другому.

– Понятное дело, если б на него глаз положила молодая красивая девушка, а тут – какая-то старуха.

– Тем более, может бабуля вообще не думала за ним наблюдать. Сидит себе, вышивает возле окна, чтобы светлее было. А нет, пишет: «Она меня сглазить хочет. Нечистая, точно вам говорю». И разбирайся потом, как хочешь. Такое впечатление, что заняться народу нечем.

– Вот и развлекаются, как могут.

Эквитум и Фриджия наконец добрались до черепов. Они разместились далеко вдоль стены ровными рядами никогда не угасающих щербатых улыбок. Слуга зажигал в галереях фонари, и тьма пряталась в пустые глазницы. И он, и Фри-

джия много времени проводили здесь, в подземельях. Только здесь они могли спокойно заниматься любимым делом. Здесь они изучали внутреннее строение людей и животных, здесь обучались проводить операции – со специально приглашенным для этих целей ученым, а позже и самостоятельно, по книгам. Только здесь они оба могли быть собой.

– Одна из причин, по которой мне мертвецы нравятся больше живых, – сказал Эквитум, аккуратно смахивая пыль с желтоватых костей, – это то, что они всегда радуются жизни.

Сотни черепов улыбались ему со своих мест как бы в подтверждение его слов.

– А чего им жаловаться? Тут сухо, тепло, плесенью не пахнет, и компания хорошая. – Очередной череп занял своё место, и Эквитум любовно улыбнулся ему в ответ. – Вот, ребята, у вас прибавление.

– А ведь все слуги уверены, что ты самый открытый и добрый среди моих приближённых, – заметила королева. – Такой человек весёлый, любит пошутить, улыбается каждому прохожему. Ну как не улыбнуться ему в ответ?

– В этом есть свои плюсы. Никто же не знает, почему я им улыбаюсь.

– Почти уверена: ты мысленно откручиваешь им головы.

– И ставлю черепа в галерее. Так сказать, раскрываю истинную сущность людей.

Этот странный молодой человек из всех приближенных

был самым опасным. Его юношеская внешность и его поведение на публике вводили окружающих в заблуждение. Он действительно часто улыбался, умел поддержать любой разговор и был душой компании. Обычно люди испытывали к нему доверие и симпатию. И уж точно никто никогда не догадался бы, что он за человек на самом деле. Псих, жестокий безумец. Но он любил свою работу и отлично выполнял свои обязанности палача, а кроме того отличался преданностью своей госпоже.

– Интересно, – спросила Фриджия, – есть ли хоть один человек, который тебе... нравится, хоть он и живой?

– Да, есть. – Слова прозвучали спокойно и без улыбки в голосе. – Это вы. Я всегда буду верен вам и вашей сестре, госпожа.

Казалось, он говорил всё это черепу, который держал в руках. Но все же под конец фразы украдкой поднял глаза на королеву.

– Глорию ты просто терпишь, потому что я об этом попросила.

– Но это не меняет конечного результата: я буду защищать вас и вашу сестру ценой собственной жизни.

– Рада это слышать.

Они закончили раскладывать кости – те держались сами по себе, аккуратно разложенные у стен. Одно неловкое движение могло бы разрушить многолетний труд. Фриджия уже думала об этом: монсы могли бы навечно скрепить стены и

кости. Осталось лишь найти время, чтобы заняться этим.

Теперь они аккуратно смахивали пыль с костей, стоя бок о бок. После непродолжительного молчания Эквитум задумчиво протянул:

– Тут всё и началось. В этих подземельях. Вы ещё помните тот день?

– Помню, – отозвалась девушка. – Конечно.

Это был ясный солнечный день. Принцесса как всегда наблюдала за тренировкой солдат отца, он ей это разрешал. Она говорила отцу, что смотрит, чтобы лучше запомнить движения, но на самом деле она изучала не приёмы, а воиннов.

Объявили перерыв, и принцесса подошла к одному светловолосому юноше. Ему было только восемнадцать и он недавно поступил на службу, но уже зарекомендовал себя как талантливый воин и приятный в общении человек. Он с лёгкостью становился душой любой компании, вокруг него постоянно собирались сослуживцы, всегда готовые пообщаться и послушать истории.

Принцесса просто и без всяких предисловий спросила:

– Хочешь посмотреть подземелья?

Эквитум удивился – и вопросу принцессы, и тому, что подземелья существуют – но без раздумий ответил согласием.

Они молча прошли по дворцовым коридорам, вошли в комнату с цветными гобеленами на стенах, спустились вниз

в черноту и прохладу галерей. Они казались другим миром, миром вечной тьмы, безмолвия и одиночества. Юноше сразу понравилось это место.

Девочка провела рукой по нескольким черепам, сказала:

– Смотри, эти новые. Я их недавно сюда положила. Но здесь ещё много места, и мне понадобится помощь, чтобы его заполнить. – Она скользнула взглядом по светлым стенам, заглянула в глаза отцовского воина. – Хочешь мне помочь? Хочешь быть палачом, Эквитум?

Странные слова для десятилетней девочки. И взгляд холодных синих глаз: если всмотреться в них при свете факела, можно увидеть небо, и все сомнения, вопросы, тревоги просто тонут в нём, остаётся покой, лёгкость и защищённость. Странно, что именно она первой проникла в его душу, каким-то неведомым образом поняла его и... как ни странно, сделала счастливым.

– Да, – он ответил новой жизни, новому миру.

Фриджия разрешила ему быть собой.

С тех пор прошло немало времени, и довольно быстро Эквитум понял, насколько они с Фриджией похожи. Оба носят маски, оба вынуждены притворяться, чтобы остальные приняли их. И только здесь они могут не бояться осуждения окружающих, могут быть собой.

Столько воспоминаний связано с костяными галереями... Эквитум считал их самыми лучшими. Здесь его настоящая жизнь, а там, наверху, всего лишь слабая тень этой жизни.

– Я помню и ещё кое-что.

Его лицо приняло небывало серьёзное выражение. Мужчина поймал взгляд своей госпожи, и на несколько мгновений оба застыли. Черепа уставились на них в ожидании. Они всегда чего-то ждали.

Эквитум осторожно, вопросительно дотронулся до её руки.

– Могу ли я надеяться...

Фриджия сделала шаг и дотронулась холодной рукой до его тёплой щеки. Ее губы остановилось в сантиметре от его, позволяя ему самому выбирать момент. Долго ждать не пришлось: Эквитум никогда не ждал. Он крепко обхватил её талию, прижал к себе.

– Я так скучал, – сказал он тихо, касаясь губами её щеки. – Мы очень редко бываем вместе.

– Я ведь не запрещаю тебе спать с другими женщинами.

– Но я хочу только вас.

Он снова впился в ее губы. Дыхание сбивалось, сердце колотилось так быстро и шумно, будто готово выпрыгнуть из груди. Фриджия пахла лавандой и мятным чаем, а ещё запахом свежих костей. Головокружительное сочетание.

Она откинула голову, подставляя шею под его поцелуи. Черепа удивлённо глядели на них пустыми глазницами, как и все дни до этого, как и в самый первый раз.

Терпеть уже не было сил, по телу разошлась волна возбуждения, сладостного предвкушения. Эквитум поднял лёг-

кую Фриджию на руки и отнёс в одну из комнат, ту самую, где совершались операции, где вскрывались тела. В центре стоял стол, а на стеллажах вокруг хранились наглядные материалы: черепа разных животных, человеческие органы.

Он посадил её на стол, нежно, страстно глядя в глаза, провел горячими ладонями по её шее, щекам и волосам. Он был уверен, что их связь ничего не значит для Фриджии, но также и почти уверен, что ни с кем другим она больше не спит. И этого ему было достаточно.

Наверху садилось солнце. Чёрные тучи заволокли небо-свод от края до края и не собирались двигаться. Где-то далеко вспыхнула первая молния, и через несколько секунд за ней последовал оглушающий гром.

Первая капля упала в грязь уличных мостовых, потом вторая. И вдруг тучи разом выплеснули всё, что накопилось у них за целый день. Дождь полил сплошной стеной, размазывая контуры уже на расстоянии вытянутой руки. Ветер завыл и засвистел в такт шуму дождя. Еще одна яркая вспышка разрезала небо пополам. Ударил гром. Небо не просто хмурилось, оно сердилось, ненавидело, в ярости кричало и сыпало ударами.

Среди всего этого хаоса, оглушающего шума, рёва природы проступали на заднем плане, совсем ненавязчиво, но ощутимо и даже осязаемо какие-то другие звуки. Это выли за стеной бродячие души. И этот звук – как свист, звон ко-

локола, эхо и разбитые осколки одновременно – добавлял в общую картину тревогу, тоску. Ужас перед надвигающейся опасностью.

Фриджия сидела на столе, перебирая пальцами светлые кудри своего стража. А Эквитум сидел на полу, обхватив руками её колени. Оба тяжело дышали. Эквитум наслаждался каждым мгновением, проведённым наедине с госпожой, и хотел растянуть эти мгновения подольше.

Оба молчали, и это было как раз то, что сейчас нужнее всего.

– Слышишь? – насторожилась Фриджия. Они оба замерли и сосредоточились на слухе.

– Да.

Сквозь тяжёлую тишину подземных галерей пробивался не то чтобы звук, какой-то отголосок звука, как далёкое эхо или шум в голове.

– Но что это может быть?

– Я такое впервые слышу.

– Это точно с поверхности. – Эквитум задумался. – Даже не знаю, на что похоже.

Они снова прислушались. Было что-то настораживающее в этом отголоске, который вернул их обоих к реальности.

Единственный факел отбрасывал пляшущие блики на каменные стены и на стеллажи с экспонатами.

– Ветер, – выдохнула королева. – Нужно уходить.

– Да. Придется.

Они вышли к костяным галереям, где пламя фонарей и факелов дрожало в ответ на странные тревожные звуки. Попутно погасив все зажжённые фонари, Эквитум и Фриджия наконец добрались до лестницы и в молчании поднялись к выходу.

– Пойду разужаю обстановку, – бросила Фриджия и скрылась в дворцовых коридорах.

Теперь же непонятные звуки слышались более явственно. Вдобавок к этому, по всему дворцу разносились завывание ветра, частые раскаты грома и удары крупных капель о крыши. Если буря разыгралась не на шутку, нужно ещё многое успеть сделать. Мало ли, какой силы поднимется ветер, не помешает быть готовыми ко всему.

Для начала королева зашла в комнату сестры. Там никого не оказалось, зато Глория с племянником обнаружили в покоях Фриджии. С ними были Рави и ещё двое стражей. Королева окинула всех быстрым взглядом.

Всё понятно: едва только дети поняли, что буря будет сильнее обычного, все собрались в комнате у старшей сестры, потому что бессознательно считают девушку опорой и защитой, а её комнату подобием крепости. А стражники правильно сообразили, что в такой непонятной, из ряда вон выходящей ситуации может возникнуть потребность в их присутствии.

«Ладно, – подумала Фриджия, – сейчас моя комната – до-

вольно безопасное место. Нет окон и щелей, тепло по сравнению с остальным дворцом. Оставлю их здесь и пойду искать остальных».

Глория и Бенедикт-младший сидели на подушках у стены перед камином, закутавшись в одеяла, и молчали. Лица в основном выражали испуг вместе с вопросом: что вообще происходит и когда всё это кончится? С появлением старшей сестры все немного, но посветлели.

– Фриджи, – выдохнула Глория, – ты здесь. Слава богам.

– Вы как? Всё нормально?

– Да, вроде бы...

– Оставайтесь тут, никуда не выходите. Проследи за этим,

Рави.

– Слушаюсь, госпожа.

– Я скоро вернусь. – Закончила королева тоном, ясно дающим понять: возражения не принимаются, вопросы потом, слушаться, исполнять, помалкивать.

Она быстро накинула на плечи плащ и вышла, оставив растерянных племянника и сестру снова ожидать её возвращения.

А на улице тем временем стихия разыгрывалась всё сильнее и сильнее. Ветер грозился превратиться в ураган. По дворцу уже распространился холод, проникающий сквозь разбитые ветром окна. Вдобавок было темно – ни одно пламя факела или свечей, пусть даже в стеклянном фонаре, не выдержало потоков воздуха такой силы. Переступая через

разбитые стёкла и предметы, которыми эти стёкла были разбиты, королева без промедлений вышла во двор со стороны конюшен.

Каким же рассерженным было небо! Густую тень то и дело прорезали яркие сполохи, на миг освещая пространство, тут же за ними гремел гром. Ветер выл, словно голодный зверь, и рвался вперёд с поразительной быстротой, хватая на своём пути всё, что можно было схватить. А ледяной ливень казался просто водопадом, и вода уже изрядно затопила дворик, сад, даже дорожки, и грозила проникнуть в подвалы дворца.

Небо ненавидело, разрывало в клочья, било по щекам и кричало. Небо, которое только недавно было так благосклонно к людям, теперь пылало яростью. И было в этом неистовстве природы что-то захватывающее, завораживающее, по-своему прекрасное.

За те короткие секунды, когда молнии освещали двор, королева смогла разглядеть людей. Одни давали распоряжения, пытаясь перекричать рёв ветра, другие исполняли, бежали куда-то наугад, сгибаясь под натиском ветра, мокрые насквозь. По обрывкам фраз Фриджия поняла, что все они заканчивают приготовления, эвакуируют людей и имущество, чтобы как можно менее болезненно пережить бурю. Нужно им помочь, решила королева, и, укрывшись плащом, побежала через двор к конюшне. Ветер тут же подхватил полы тяжёлого от воды плаща, бросил в лицо волосы. На пу-

ти ей попался Фиделис, уже насквозь мокрый, который тоже кричал и раздавал приказы.

– Как проходит подготовка? – голос приходилось напрягать, чтобы не остаться без ответа, как и слух, чтобы уловить этот ответ.

– Ещё немного, госпожа! Мы уже собрали всех людей в центре дворца и забили низкие окна, чтобы вода не попала внутрь. Убрали многие предметы вроде садового инвентаря, которые могут послужить причиной травм.

– Хорошо. Как закончите, сразу внутрь. Есть кто-нибудь в конюшне?

– Туда пошёл Моррит и ещё несколько человек. Госпожа, вам лучше вернуться во дворец, здесь опасно.

– Как только устрою лошадей.

Слуга сказал что-то в ответ, но королева уже не слушала. Она проскочила через хлопающие на ветру створки дверей, которые едва не отхватили ей руку, и попала из серого и мокрого мира в тёмный и сырой. Её окружил конский запах, из глубины конюшни донеслись ржание лошадей, обрывки голосов и тусклый пляшущий свет одного-единственного фонаря. Люди обсуждали, как им лучше поступить.

– Что тут у вас? – подошла к ним Фриджия.

– Госпожа? – Моррит удивлённо повернулся на знакомый голос. Пламя едва выхватывало из теней её мокрые локоны и часть лица.

– Все лошади целы?

– Да. Мы как раз осмотрели их.

– Так, здесь им оставаться нельзя. Нужно всех спустить в подземелья. Вход сейчас открою. Свет сюда!

Королева с завидной ловкостью отодвинула настенную панель в сторону, за ней в стене оказалась широкая дверь. Выхватила из связки нужный ключ и распахнула дверь в подземные галереи – один из входов, что располагались по всему городу, а может и по всей стране. За дверью оказался пологий спуск, как будто специально предназначенный для лошадей. Слуги быстро провели всех животных под землю, зажгли закрепленные там факелы, захлопнули дверь и сами остались вместе с испуганными беспокойными животными ждать конца бури.

– Ваше величество, – начал Моррит назидательным тоном, когда все устроили лошадей, успокоили их и успокоились сами, – вы поступили весьма рискованно, когда покинули дворец в такую непогоду...

– Да-да, можешь не продолжать, – остановила потоки нравоучений Фриджия. – Теперь мы с тобой пойдём во дворец. А вы оставайтесь здесь и присмотрите за лошадьми, – обратилась она к остальным слугам. – Ни о чём не беспокойтесь, скоро я пришлю ещё людей со всем необходимым. Чистая одежда, одеяла, еда и вода. Здесь в любом случае безопаснее, чем где бы то ни было.

Коридор, соединяющий дворец и конюшни, никак не пересекался с костяными галереями, поэтому королева с такой

лёгкостью открыла его существование посторонним. Главным же было и остаётся в этот момент уберечь лошадей. Вместе с Морритом они зашагали вглубь переходов, в противоположную сторону от той, с которой только что пришли.

Переход не занял много времени. Поднявшись по крутой лестнице и миновав ещё одну дверь, они вошли во дворец через одну из комнат прислуги. Сейчас комната пустовала. Оно и правильно – в такой ситуации работа найдётся для всех.

Ещё пара коридоров – и вот уже большой зал в середине дворца. Он был полон людей: слуг, стражей, которые тихо переговаривались, занимались своими делами, выполняли поручения старших. А в каминах приветливо потрескивали дрова, яркое пламя и тепло делали своё дело и люди понемногу успокаивались, отходили от того ужаса, что творится снаружи.

– Что скажете, уважаемый Нивис? – обратилась Фриджия к пожилому слуге, подошедшему к ним. Он уже долгое время служил королевской семье и приходился главным дворецким.

– Ваше величество! – он согнулся в поклоне. – Ситуация, конечно, сложилась нехорошая. Такого ветра, однако, никто не ожидал... Но благодаря общим усилиям и слаженной работе мы понесли минимум потерь, которые выражаются в основном в оконных стёклах, створках дверей уличных построек и растительности вокруг дворца.

– Все люди в порядке? Раненых нет?

– Самая малость, ваше величество. У нескольких человек порезы, синяки – так, ничего серьёзного. Раны им обработали.

– Хорошо, – кивнула королева. – Наверно, не стоит ждать, что ветер прекратится в ближайшее время, так что занимайте все пригодные комнаты, кому не хватает места – этот зал, и устраивайтесь на ночь. Поручаю вам проследить за этим и убедиться, что всем хватило одеял и прочего. Возникнут проблемы – сообщайте. – Королева улыбнулась своему старому дворецкому. – Но думаю, вы и сами тут со всем справитесь.

– Да, ваше величество, – поклонился он, – будет исполнено.

– Пойду к сестре, – сказала Фриджия, повернувшись к Морриту. – А ты пока распорядись насчет лошадей и людей, которые сейчас в тоннелях. Еда, вода, одеяла и прочее.

– Да, госпожа.

И они разошлись в разные стороны. Девушка направилась к себе под завывание ветра через тёмные холодные коридоры. Она шла по битому стеклу, веткам и листьям, что принёс ветер сквозь выбитые оконные проёмы, погрузившись в свои мысли, как вдруг её догнал Фиделис. Он, похоже, ещё не успел переодеться в сухую одежду, так что по полу за ними тянулись уже две мокрые полосы.

– Госпожа, – заговорил он негромко, – хотел вам сообщить раньше, но с этой погодой... – Девушка оглядела его

и вытащила из его волос пожелтевший листик. – Разведка доложила, что в городе замечены подозрительные личности. Это не жители нашей страны. Есть основания полагать, что они здесь не просто так, а преследуют какую-то цель. Представляются приезжими, живут в гостиницах, ничем особым не занимаются, кроме исследования города. Часто появляются вблизи дворца.

– Конечно, хорошо бы узнать, кто они и что им нужно, но для задержания ведь нет оснований?

– Нет, госпожа.

– Значит, продолжайте за ними следить. Как что-нибудь выяснится – докладывай. Я так понимаю, разговорить их не удалось?

– Мои люди, переодетые в торговцев, пытались наладить с ними доверительные отношения, так сказать. Молчат. Отвечают уклончиво и переводят разговор на другие темы.

– Ясно. Что ж, посмотрим. Иди, тебе нужно переодеться, иначе рискуешь простудиться.

– Пожалуйста, госпожа, – в голосе Фиделиса промелькнули нотки беспокойства, совсем не свойственные его натуре, – не ходите одна. По возможности берите в охрану не меньше пяти человек, и самых опытных. Я постараюсь всегда сопровождать вас.

– Благодарю, Фиделис. Как скажешь.

Снег. Чистое пронзительное небо. Городская улица заполнена народом. Шумная пёстрая толпа движется одним сплошным потоком. Эти люди похожи на муравьёв в муравейнике. Заняли собой всё пространство, шевелятся, копошатся, переговариваются. От их мельтешения рябит в глазах, от их голосов закладывает уши и в голове они сливаются в один безобразный, надоедливый шум.

Они забили все тротуары, лестницы и возвышения. Последние ряды пытаются пробиться вперёд, а первые ряды почтительно отступают, выстраиваются в колонны по бокам дороги. Все они собрались, чтобы поприветствовать свою госпожу, королеву Фриджию.

Они недовольны друг другом, погодой и своими местами в общей массе, но пытаются казаться счастливыми. Они улыбаются королеве, и королева улыбается им. Они приветствуют её, и она дарит каждому из толпы нечто особенное, осязаемое только сердцем. В Каэлур не без основания говорят: «Жизнь прожита зря, если вы не видели королеву Фриджию». А это морозное небо так удивительно сочетается с глазами девушки!..

Пока процессия из шести человек шествовала посреди толпы, люди успевали разглядеть и обсудить, наверно, все мелочи, пересказать друг другу все свои мысли и пережива-

ния, связанные с сиятельной особой и её сопровождением. Тем, кто был не осведомлён, сразу всё выкладывали: имена слуг и их положение при дворе, и породу лошадей, и даже адрес торговца тканями, который принимает заказы из дворца.

Целью прогулки королевы было посещение торжества в честь дня рождения дочери одного из местных золотовладельцев – дома Конкордия. Очень немногие обладали достаточным богатством, авторитетом и правами, чтобы прислать приглашение самой королеве.

Разумеется, за праздничным столом соберётся вся элита Каэлур. Об этом вечере уже давно говорил весь город. Все знали, что намечается нечто грандиозное, и все стремились любыми способами заполучить приглашение. Пропустить такое событие, оставшись без приглашения – это означало публичное унижение, крах авторитета, это говорило о незначительности рода и даже лишало его некоторых привилегий. А никто не хотел терять вес в глазах окружающих. Тем более упустить возможность пообщаться с самой королевой, или хотя бы лично выразить ей своё почтение.

Незавидная участь ждёт тех, кто остался без приглашения, в то время как их соседи получили заветную открытку. Презрение, насмешки, высокомерное отношение – лишь малая часть того, что получают неудачливые дворяне, каким-то образом попавшие в немилость семье Конкордия.

А простой народ и мечтать о подобных вечерах не смел. Они довольствовались уже тем, что провожают взглядами

свою королеву, грациозно сидящую на белой лошади с чёрной гривой.

На королеве был чёрный драповый плащ, надёжно защищающий от холода. Снежинки, попадая на него, не сразу таяли, а оставались ещё некоторое время на чёрной ткани и золотистых волосах девушки, как будто укутывая её лёгкой полупрозрачной вуалью. Сопровождающие королеву стражи отличались изумительной выправкой и держали себя так, что незнающий человек легко бы принял их за высокородных особ.

С обеих сторон и чуть впереди шли Моррит и Фиделис в таких же чёрных плащах. То один, то другой незаметно, но постоянно оглядывались на свою госпожу, следя одновременно и за движениями в толпе. Эти взгляды украдкой объяснялись не только их обязанностями, но и простым беспокойством со стороны слуг, никому кроме них самих непонятным.

Сегодня Фриджия была напряжена. Это чувствовалось в её немного резких движениях, в улыбке, не такой открытой, как обычно, во взгляде, которым она обводила толпу. А всему виной то незаметное чувство тревоги, уже давно поселившееся в душе девушки. Несколько дней назад тревога внезапно переросла в волнение, и оно всё увеличивалось и увеличивалось, пока не превратилось в напряжение. Причины зарождения этого неприятного навязчивого ощущения остались тайной для самой Фриджии.

Это чувство настолько сильно захватило её, что девушке с трудом удавалось сохранять самообладание. Совершенно естественно, что ни желания, ни настроения посещать кого-либо сегодня у Фриджии не было. Бал фальши, лицемерия и притворства, бесполезных разговоров и неумелого раболепства – не лучшее средство для восстановления душевного равновесия.

Да, все на самом деле тепло любили королеву, и да, ей это нравилось. Но именно сегодня у Фриджии появилось огромное желание остаться дома, в библиотеке, посидеть в тишине и одиночестве с книгой в руках и чашкой зелёного чая. Но долг зовёт, и королева вынуждена нервно вздрагивать при каждом резком движении и слишком громком возгласе.

Казалось, толпе нет конца, и снежинки падают бесконечно долго, и даже само время замедляется на морозном воздухе. Лошади послушно шли вперёд, их горячее дыхание поднималось к небу облачками пара. Дома сменялись домами, а толпа вокруг оставалась прежней, такой же пёстрой, разносортной, шумной, одинаковой.

Краем глаза Фриджия снова заметила в толпе чьё-то резкое движение. Повернула голову – и в следующее мгновение увидела перед собой спину Моррита, а за его плечом – человека. Таких в толпе были тысячи, но он был один. Кроме него Фриджия не видела никого, все просто куда-то исчезли в один момент из её поля зрения. Ещё секунда – и девушка выбросила в его сторону руку со стилетом.

Мужчина не успел ничего предпринять. Стilet с завидной быстротой и точностью воткнулся в горло незнакомца. Мужчина удивлённо открыл рот, пытаясь сделать вдох, потянулся рукой к вошедшему по самую рукоять стилету. На подбородок выплеснулась алая кровь, и вместе с кровью из раны она потекла по плащу, по руке и окропила снег под ногами. Мужчина рухнул вниз.

Толпа тут же отпрыгнула подальше, а по серому затоптанному снегу равномерно начало расплзаться красное пятно. Все взгляды окружающих людей приковала к себе эта завораживающая и пугающая картина, но королева заметила новое движение. Двое таких же неприметных человек бросились в разные стороны сквозь живую испуганную массу.

– Догнать! – крикнула Фриджия своим слугам, и они тут же разгруппировались и сорвались с места, но двое, как и раньше, закрывали собой королеву.

А королева... Для Фриджии мир перестал существовать. Всё её внимание сосредоточилось в одной точке.

Моррит.

Он из последних сил пытался остаться в сознании, одной рукой опираясь о шею лошади, а другой закрывая кровоточащую рану на животе.

Секунду назад он спас жизнь своей госпоже, и осознание этого делало его счастливым. Он вдруг подумал, что вся его жизнь была прожита ради этого самого момента, и он почти незаметно улыбнулся своей мысли.

– Моррит! – проговорила Фриджия, придерживая своего слугу.

Сознание неумолимо покидало его. Девушка аккуратно положила его голову на своё плечо, свободной рукой сильнее прижала рану.

Моррит в эту минуту замечал странные и отстранённые от реальности детали: кожа на лице королевы такая светлая, что смело соперничает с белизной снега, ее шелковистые волосы переливаются и светятся в лучах полуденного солнца, её глубокие синие глаза затмевают собою небо, и оно кажется тусклым на их фоне. А в этих глазах – о боги, это правда или наваждение? – слёзы.

Королева не обращала внимания на толпу, не беспокоилась о том, что эти люди сейчас думают о ней и о её поступке. Она никого вокруг не замечала, кроме своего слуги.

Кругом них – пустота. Между ними – нить, которая становится всё тоньше. Внутри неё – страх.

Всё, что могла сейчас сделать Фриджия – крепче обхватить своего слугу. Как будто это могло помочь. Как будто это могло что-то изменить.

Фриджия прикоснулась своей прохладной щекой к его лбу. Её чувства и ощущение реальности вдруг как-то смялись, смешались, застыли и потемнели.

Это было похоже на падение в бездонный колодец, где с каждым мгновением становится всё темнее и холоднее, а ты как-то смутно, не до конца, понимаешь, что падаешь, и чув-

ствуешь только тоску, непонимание и сожаление. Это не тот момент, когда вся жизнь проходит перед глазами, а наоборот, она застывает и уходит на второй план, как будто её и не было вовсе.

Все это время шёл снег, белыми кружевными хлопьями ложась на волосы и ресницы королевы. Её застывший стеклянный взгляд обращён был в вечность. Вокруг витала тишина. Толпа в эту минуту боялась шелохнуться, вздохнуть, чтобы не спугнуть что-то хрупкое. Капала кровь, алая, яркая, она пылала на белом снегу.

Священную пустоту расколот тихий голос Фиделиса, и маленький неприкосновенный купол стал распадаться на части.

– Госпожа.

Королева вернулась из пустоты и подняла на него глаза. Ей потребовалась всего секунда, чтобы прийти к реальной жизни, собраться, сосредоточиться. Мысли снова ожили и в голове с прежней быстротой появились решения и действия, рассчитанные на несколько шагов вперёд.

– Повязку и жгут. Нужно перевязать ему рану и как можно скорее отправить во дворец.

Слуга уже приготовил всё, что нужно, и ждал только распоряжения своей госпожи. Моррит был без сознания. Они вместе перевязали его рану и разместили его на лошади Фиделиса. Одному из оставшихся с ней стражей она приказала:

– Сообщи в дом Конкордия, что меня не будет на вечере

по причине покушения на мою жизнь. Передай мои извинения.

Королева говорила коротко и по делу, не распространяясь, голос её теперь стал жёстким и совершенно металлическим, и эта холодная сталь пугала и заставляла трепетать. Слуга поклонился и отправился выполнять поручение, а королева вместе с Фиделисом поспешила обратно во дворец. Толпа растерянно и испуганно расступалась перед ними, все, даже самые словоохотливые, притихли. И только когда стук копыт по мостовой затерялся вдали, изумлённые зрители тихо начали обсуждать увиденное только что представление.

По приезде во дворец сильно побледневшего и бесчувственного Моррита сразу же доставили в неприкосновенное и тайное подземное помещение, которое служило королеве операционной и по совместительству хранилищем всех её медицинских препаратов и принадлежностей.

Все стены были уставлены полками, на которых и красовались плоды научной деятельности Фриджии. Полки с заспиртованными органами – гордость коллекции девушки – занимали почётное место. Рядом разместились образцы черепов. На других стеллажах теснились банки, тигли, колбы, всевозможные мешочки и коробочки со снадобьями, лекарствами, травами и порошками, и дальше – идеально острые сверкающие холодным блеском инструменты. Многие из них выполнены по индивидуальному заказу королевы, многие

привезены из других стран. Весь этот набор обошёлся королеве неприлично дорого.

Это место – маленькая мастерская королевы, место её уединения и познания. У неё здесь были даже собственные научные труды – несколько книг и папки с бумагами. Это была её жизнь и страсть.

А сейчас на столе поместилось тело её преданного слуги.

Фриджия выгнала из операционной всех лишних и оставила только Эквитума на случай, если ей понадобится помощь. Любые лекари сейчас оказались бы бесполезны – никто так хорошо не разбирается в анатомии, как королева, никто даже не взялся бы за такую сложную операцию.

Взглянув на беспомощное тело своего слуги, лежащее на столе, на секунду Фриджия почувствовала слабость. Голова закружилась от мысли, что ей предстоит работать не с каким-нибудь посторонним и безразличным человеком, а с тем, кто в некоторой степени дорог ей. Но эта секунда прошла, и неуверенность сменилась холодной отстранённостью профессионала и решимостью с примесью надежды.

Рана была глубокая и, возможно, смертельная. Возможно – потому что в такие моменты надежда не оставляет до последнего, и пока сердце бьётся, можно попытаться спасти Моррита. Если он выживет, это будет чудо.

Фриджия, расчётливый, практичный, далеко не сентиментальный реалист, в любом другом случае признала бы, что человека с такой раной нельзя спасти. Но ведь перед ней ле-

жал Моррит, близкий друг, очень важный для неё человек.

И этот крохотный лучик, маленький комочек надежды был единственным источником света в царстве тьмы её ледяной души.

Хирург и её ассистент продезинфицировали руки, инструменты и рану пациента, приготовили всё нужное для операции и приступили. Девушка мастерски управлялась с инструментами, пусть даже они не были удобны в использовании, её движения были точны, слова и распоряжения коротки и только по делу. Её внимание целиком и полностью сосредоточилось на ране и на состоянии Моррита. И полное погружение в работу приносило свои положительные результаты.

Никто не мог предугадать исход операции. Тем не менее, Фиделис отдал несколько распоряжений и сам принимал участие в подготовке комнаты для Моррита. Он выбрал светлую, тёплую и удобную в плане расположения комнату. В ней вымыли полы, протёрли пыль, вычистили всё, что только можно, кровать застелили чистым постельным бельём и принесли гору подушек. Мебель немного переставили и вынесли лишнее.

Вскоре всё было готово, оставалось только ждать. Чем и занимались Фиделис, Глория и ещё несколько человек прислуги.

Глория, это хрупкое и ранимое существо, не находила се-

бе места. Поводов для волнения у неё было предостаточно. И все её внутренние переживания временами выливались наружу в форме тяжёлых вздохов и даже слёз. Моррит был практически членом их семьи, очень хорошим другом. Таких ещё поискать, и неизвестно, найдётся ли в мире хоть один человек такой же благородный, искренний, преданный.

Девушка очень переживала за него и очень восхищалась им. За двенадцать с небольшим лет их знакомства она не могла упрекнуть этого человека в чём-либо плохом, он всегда проявлял искреннюю заботу и внимание к сёстрам, всегда оберегал их. В его поведении и словах не было лжи или лицемерия. Он бескорыстно отдавался служению королевской семье. Так и теперь...

«О, бедный милый Моррит! – думала Глория в мучительном ожидании исхода операции. – Его поступок поистине достоин уважения и восхищения! Если бы не он, сестра... Неужели всё это происходит на самом деле, а не снится мне в каком-нибудь из кошмаров? Если бы только можно было проснуться утром и забыть этот жуткий сон, чтобы всё снова было по-прежнему!»

Мысли о судьбе слуги плавно перетекали в мысли о возможной участи сестры, которая бы постигла её, если бы не Моррит. Глория так боялась, так переживала, что нападения на сестру продолжатся и что спокойной их жизнь уже никогда не будет. Кто эти жестокие безбожные люди, покусившиеся на бесценную жизнь дорогой Фриджии? У них нет ни

чести, ни совести, ни сердца.

От неизвестности и от недомолвок бедная девушка чувствовала себя просто ужасно. Постоянная недосказанность начинала раздражать её, а будущее пугало своей непредсказуемостью. Старшая сестра – и Глория чувствовала это – постоянно что-то недоговаривала, не во все свои дела посвящала, переводила тему, когда разговор затрагивал неудобные для неё вещи. То ли она берегла Глорию, то ли считала её ребёнком.

И Фиделис, как на зло, туда же! С момента его приезда девушка чуть ли не по пятам за ним ходила, пытаюсь выспросить хоть что-то помимо общеизвестных фактов. Уж он-то точно знал больше, чем говорил, но по какой-то причине всё старательно скрывал, отмалчивался, и вопросы оставались без ответа.

Сидя в новой комнате Моррита, с массой чувств, мыслей и вопросов, которым уже просто не было места внутри, Глория снова обратилась к Фиделису и сделала при этом такое несчастное лицо, какое бывает только у глубоко несчастных людей:

– Ну как ты можешь, Фиделис?! Ты же видишь, я переживаю, я страдаю, я боюсь! А ты, такой жестокий, беспощадный человек, ты заставляешь меня страдать ещё больше! Я не вынесу этого! Ты, видно, хочешь, чтобы я лишилась рассудка. Я ведь не прошу невозможного, всего лишь прошу человеческого отношения ко мне. Разве это много?

– Прощу меня простить, ваше высочество, но разве я когда-нибудь относился к вам без должного уважения и почтения? – Слуга мог только удивляться настойчивости принцессы и надеяться на свою выдержку, ибо это существо с большими печальными глазами сейчас могло разжалобить кого угодно.

– Ты не принимаешь в расчёт мои чувства, Фиделис. Представляешь, каково мне? Моя сестра – любимая, единственная, самый близкий и родной для меня человек... Кто-то пытался отнять у неё жизнь, а я даже не знаю, кто. Не знаю, зачем, с какой целью они хотели это совершить. Не знаю, кто дал им этот приказ и повторятся ли попытки снова. Я нахожусь в полном неведении и чувствую себя вдвойне паршиво, осознавая всю свою беспомощность в этой ситуации. Да, я, может быть, совершенно не приношу никакой пользы, но я, по крайней мере, имею право знать, что происходит, чтобы сделать из этого соответствующие выводы и правильно вести себя с сестрой!

Девушка с шумом выдохнула. Собственная речь её утомила, по щекам распространился лёгкий румянец. Хоть она и не блистала красноречием, но вложила в свою просьбу столько чувств и эмоций!

Фиделис считал упрёки принцессы абсолютно уместными в данной ситуации, но всё-таки постарался сделать ещё одну попытку уклониться от ответа:

– Ваше высочество, я прекрасно понимаю ваши чувства и

то положение, в котором вы сейчас находитесь. Но не лучше ли было бы оставить эти вопросы до тех пор, пока ситуация прояснится? Потому что сейчас мы и сами не располагаем многими сведениями и не до конца уверены в достоверности...

– Прошу, Фиделис! – умоляюще прервала его Глория. – Я хочу знать. Я должна знать. Я же не посторонний человек!

Слуга глубоко вздохнул, понимая, что у него нет возможности держать в тайне те сведения, что удалось разузнать, хоть их и очень мало. Если и дальше молчать и отнекиваться, это уже будет грубостью и неуважением по отношению к юной принцессе Глории. Госпожа запретила говорить об этом с её младшей сестрой, но, принимая во внимание все сегодняшние события и состояние королевы, даже её самые доверенные люди не могли с точностью предугадать её реакцию на что-либо. В таком настроении её ещё прежде никто не видел.

Было бы полнейшим безумием полагать, что её поведение, мысли, решения останутся без изменений. Поэтому Фиделис решил рассказать часть известной ему информации. Своим фирменным ровным безэмоциональным голосом он начал:

– По некоторым данным к нападению на королеву Фриджию причастен король Астрелии Улисс. Повторюсь: это не доказано достоверно. Точно можно сказать лишь то, что эти люди действовали не по своей инициативе, ими руководил

кто-то сверху. Исполнителей было трое; один мёртв, двое пойманы нашими стражами и ожидают своей участи в темнице. На настоящий момент нам неизвестно, есть ли в стране их сообщники. Но есть основания полагать, что нападения продолжатся, так как они не смогли выполнить изначальную задачу. Как скоро это произойдёт – неизвестно. Это всё, что я могу вам сказать, ваше высочество. Нам не удалось собрать достаточно информации для более конкретной оценки ситуации.

Больше рассказывать было нечего, но это и не потребовалось. Глория ушла в глубокую и мрачную задумчивость. Только что полученную информацию следовало осмыслить. Девушка заново прокрутила в голове тот вечерний разговор сестры и короля Улисса, подслушанный ею. Мысли потекли рекой, безудержным потоком, который с головой захватил бедную, в смятении чувств, Глорию.

Гнев, ненависть, ярость по отношению к Улиссу, этому гнусному, заносчивому, себялюбивому типу, наверно, были самыми сильными негативными чувствами, которые когда-либо испытывала Глория. Ненавидеть кого-то не входило в её привычки, и сумасшедший король стал первым её врагом.

Потом боль, страх за сестру: её жизнь постоянно в опасности, нельзя быть уверенными в завтрашнем дне, невозможно понять, кому можно доверять, а от кого держаться подальше. И ещё отчаяние из-за собственной беспомощности. Все эти

события происходят и будут происходить, фигуры движутся по шахматной доске. Может ли она, Глория, чем-то помочь?

Напряжённую сосредоточенность ожидания наконец прервали.

Из коридора доносились шаги нескольких пар ног. Не было сомнения: это сестра со своими людьми. Через минуту Глория узнает судьбу дорогого друга Моррита, и эта мучительная минута длилась для девушки едва ли не дольше, чем несколько часов ожидания до этого.

Она так жадно вслушивалась в звуки шагов, будто хотела по ним определить, какие вести они несут. Страх и надежда, сомнение и предвкушение мешались в одно острое и необъяснимое чувство, залегшее камнем в сердце. До того её напряжение возросло, что она даже дышать перестала, а сердце опустилось куда-то вниз и билось там невозможно медленно и глухо.

Первой вошла королева Фриджия, и Глория тут же вскочила.

До чего же сильно изменилась сестра! Она видела её с утра до отъезда, и это был совершенно другой человек. Это даже не поддаётся описанию, потому что нельзя было сказать, что именно с ней не так. Глория почувствовала что-то интуитивно, и это что-то её напугало...

Следом вошли двое, аккуратно несущие на носилках тело. Они подошли к кровати и бережно перенесли Моррита на чистую постель.

Глория в полуобморочном состоянии, с больно жалящим сердце страхом, дрожащим голосом прошептала:

– Фриджи, он...?

Сестра взглянула на неё небесного цвета глазами и тихо выдохнула:

– Жив.

Вся тяжесть тут же ушла, как и все оставшиеся у девушки силы. Сильнейшая слабость разлилась по всему телу, и Глория упала обратно в кресло.

Жив! Как многое одно это слово способно перевернуть в душе человека, по-настоящему привязанного к своему другу. Счастье и благодарность постепенно наполняли её тело, текли по венам, согревали сердце.

Небеса снова светлы и безоблачны, появилось солнце, наступила весна и жизнь снова прекрасна. Какое же наслаждение услышать это слово: жив!

Оставшееся до вечера время королева провела у постели своего телохранителя. Он был жив, но к слепой надежде на лучшее примешивалась тяжёлая тоска. Как красное пятно на белом снегу, оно понемногу разрасталось. Он был жив, но не приходил в сознание, не открывал глаза. Его кожа по-прежнему имела цвет гораздо бледнее, чем даже светлая кожа Фриджии. Его дыхание иногда сбивалось и пульс прощупывался очень слабо. Но своими опасениями девушка ни с кем не делилась. Она вообще ничего больше не сказала с тех пор как закончила операцию. Эквитум немного рассказал остальным о том, как всё прошло, и счёл нужным упомянуть, чем всё может кончиться. Рана Моррита оказалась тяжёлой, он потерял много крови и шанс, что его организм справится, был невелик. Совсем невелик.

– Однако, – оптимистично добавил Эквитум, – он до сих пор жив, а значит, борется. Моррит крепкий солдат, не думаю, что он так просто сдастся.

Глория при этих его словах ещё больше утвердилась в своей вере в удачный исход: как же может быть иначе? Моррит немного полежит, восстановит силы, его рана затянется и всё снова будет хорошо! Надежда, она такая: никакими силами её не вытравить... И Глория пребывала в греющей душу уверенности в чуде.

А Фриджия пыталась отодвинуть эту надежду подальше, чтобы не было потом ещё больнее. Вместе с надеждой отодвигала и весь мир, сосредоточившись только на состоянии своего слуги, своего друга.

Минуты проходили за минутами, отсчитывая долгие часы. Королеву никто не решался отвлекать. Глория решила пока побыть в стороне, общалась то со слугами, то с племянником. Мимо комнаты Моррита все старались проходить на цыпочках или не проходить вовсе, чтобы не нарушить тишину и не потревожить королеву неосторожным движением.

Королева мирно, сама того не замечая, внушала всем тихий ужас. В её необычной сосредоточенной холодности скрывалось что-то нехорошее. Это было как предчувствие или предзнаменование надвигающейся бури. Все, затаившись, ждали. И, как оказалось, совсем не зря.

Фриджия резко поднялась и подозвала Рави.

– Следи за его состоянием, пока меня не будет. В случае чего – действуй по обстановке.

И после небольшой паузы она таким же ровным тоном добавила:

– Глория и Бенедикт пусть будут здесь. Никуда их не выпускать, особенно на нижние этажи.

– Да, госпожа, – поклонился приближённый вслед своей королеве, которая с прямой спиной направилась к выходу из комнаты. Её походка была лишена обычной плавности, что сразу заметили её приближенные.

– Фиделис, Эквитум, за мной, – бросила она, не оборачиваясь.

В коридоре на порядочном расстоянии от комнаты-лазарета последовал новый приказ:

– Фиделис. Я сейчас напишу официальное письмо дому Конкордия, а ты его доставишь. Поручаю это тебе, так как ситуация серьёзная и портить отношения между властными домами не следует. Если потребуется, всё им объяснишь, разумеется, не открывая лишнего. Затем возьмёшь несколько человек, проведёте пару выступлений на площадях. Вот, скажешь, ситуация крайне опасная, королеве нужна поддержка, любая помощь приветствуется. Сделаешь?

– Да, ваше величество.

– Замечательно, буду благодарна. А ты, Эквитум, составишь мне компанию.

Слуга ещё не знал, что под этим имеет в виду Фриджия, но что-то подсказывало ему, что ничего хорошего ждать не следует.

Эхо шагов сопровождало троих по притихшим коридорам до первого попавшегося кабинета с бумагой и чернилами. Там были выведены изящные слова притворного сожаления – формальная необходимость. Бумагу аккуратно сложили привычным движением, оформили и запечатали по всем правилам, и Фиделис с поклоном удалился выполнять поручение.

Королева повернулась к оставшемуся с ней стражу и с

улыбкой проговорила:

– Не сердись на меня, Эквитум, но сегодня мне придётся нарушить некоторые правила. Воспользуюсь своей привилегией. Особый случай... – С улыбкой, пробирающей до самых костей.

Эквитум только напряжённо сглотнул и предпочёл сохранять молчание, пока это возможно. Он пока что ещё не совсем понимал, к чему клонит королева.

По мере того как девушка с полной безмятежностью на лице, от которой, впрочем, в пору было шараться, переходила из одного коридора в другой, миновала несколько лестничных пролётов и проделала хорошо знакомый слуге путь к закованной в железо двери в подвальные помещения, намерения королевы начали проясняться.

Пара стражей, дежуривших у входа в темницы, поклонились королеве, затем своему командиру. Фриджия мелодично скрипнула ключом в замочной скважине и спустилась по каменным ступеням вниз. От неё так и разливалось чистое благодушие в тёплом полумраке подвала.

Приветствовавших её слуг королева попросила немного постоять снаружи и проследить, чтобы никто ни под каким предлогом не смел беспокоить её. Всё это необходимо в связи с наметившейся важной беседой с двумя молодыми людьми. Дружеской беседой – подчеркнула Фриджия, в завершение одарив стражников обаятельнейшей улыбкой, от которой тем двоим резко стало трудно дышать.

Убедившись, что дверь заперта, девушка бросила ключи своему слуге и приказала:

– Веди их сюда.

Пока Эквитум безмолвно выполнял поручение, зажгла фонари в допросной комнате и поставила к столу друг напротив друга два стула, однако сама не садилась.

Вскоре на один из стульев усадили потрёпанного мужчину средних лет с неприметной внешностью, всего в ссадинах и кровоподтёках после удачной поимки. Его соучастник, не менее живописно разукрашенный доблестной королевской стражей, после нежного толчка Эквитума с грохотом опустился на пол неподалёку.

Руки у обоих были связаны за спиной, а цепь на ногах позволяла делать лишь короткие шаги. Никаких попыток к бегству они не предпринимали. Оба смотрели на королеву гордо, исподлобья, с непоколебимой суровостью. Видно, ещё не догадывались, с чем им придётся столкнуться.

– Развяжи ему руки, Эквитум, – мягко сказала Фриджия. – Не хочу, чтобы между нами осталось какое-то недопонимание. – Неотрывно глядя в глаза наёмнику, она промурлыкала: – Для любого дружеского разговора нужна как минимум одна рука, не так ли?

Тут уже пришла очередь нервно сглотнуть мужчине.

Сейчас его руки были полностью свободны от пут, он мог попытаться хоть как-то исправить своё положение, но не решался даже шевельнуться. Его будто приковала к стулу неви-

димая давящая сила, угнетающая и подавляющая все попытки к действию. Даже голова толком не работала под взглядом чистейших голубых глаз. Сейчас эти глаза больше походили на льдинки, чем на безоблачное небо.

Девушка не улыбалась. Её лицо не выражало ни ненависти, ни сострадания, ни сожаления – ничего. Она взирала на мир подобно каменной статуе.

Несколько минут, проведённых в полном молчании под низкими сводами темниц, произвели на наёмников странное действие. Вся их гордость и непоколебимость с позором забились в дальний угол. Вместо этого осталась неопределённость, очень странная и неприятная.

Вдруг слишком резким движением руки, чтобы можно было что-то предпринять, девушка схватила запястье собеседника отнюдь не нежной женской хваткой. Сделала движение второй рукой...

Что-то тихо хрустнуло. Наёмник проглотил крик только чудом. Тут же почувствовал во рту стальной привкус крови – случайно прикусил губу. Секунду он ошарашенно глядел на свою ладонь, намертво прибитую к столу кинжалом.

Пришло понимание, пришла боль. Мужчина хрипло вскрикнул.

Он не пытался вырваться или отбиться, ведь все его жалкие попытки приведут только к тому, что он самостоятельно располовинит собственную ладонь.

Не успел пленник опомниться от первого потрясения, как

его вторая ладонь уже прижималась к столешнице с занесены над ней ножом. Он инстинктивно дёрнул руку на себя в попытках избежать удара, но слишком медленно. Лезвие со скрежетом обрушилось на кончик его пальца.

Допросную комнату огласил новый крик.

Мужчина в ужасе переводил взгляд со своей руки на обрубок пальца. По руке потекла кровь. Королева снова припечатала его ладонь к столу, и на этот раз кинжал вошёл ровно в центр. Пленник тихо скулил от осознания, что так просто ему умереть не дадут.

Фриджия отвернулась от него, чтобы найти среди инструментов нужный. Безмолвно покрутила в руках тяжёлый металлический молот и вдруг с силой опустила его на палец той руки, что пока ещё была цела.

Снова душераздирающий вопль. От боли и безысходности, от собственной глупости и жадности у мужчины хлынули из глаз слезы, потекли сопли, которые он не мог даже вытереть. Оставалось только с ужасом взирать на то месиво, что осталось от его левого мизинца. Кости и мясо превратились в бесформенную кашу, и только ноготь остался целым посреди этой плоской красной лепёшки.

Девушка всё с тем же отстранённым выражением ткнула пальцем в эту кровавую кашу. Наёмник мог лишь выть и захлебываться.

– Ну что же ты, – заговорила Фриджия ледяным голосом. – Надо было заранее думать, за что берёшься. Теперь ты

можешь только говорить. Расскажи мне что-нибудь полезное, и я, может быть, не стану долго тянуть с твоей смертью.

Бедняга даже при всём желании не смог бы ничего выговорить – от ужасной боли всё его тело свело, к горлу подступил ком, закрывающий дыхательные пути.

– А не захочешь говорить... – снова послышался хруст. – У нас с вами ещё много времени.

День подходил к концу, но состояние Моррита оставалось без изменений. Глория, неотлучно дежурившая у постели друга, постоянно следила за его дыханием, прислушивалась к биению сердца. Только однажды он, не просыпаясь, дёрнул головой и приподнял правую руку, но тут же уронил её обратно на постель. Девушка нашла это хорошим знаком, который она истолковала так: Моррит ещё не восстановил силы, но уже пытается шевелиться, а значит, сопротивляется, выздоравливает. Потихоньку, небольшими шажками, но он идёт на поправку. Сестра всё-таки сотворила чудо, и скоро он обязательно придёт в сознание...

Глория всей душой надеялась на это. Иногда она обращалась к богам с просьбой о помощи и всегда старалась сохранять позитивный настрой, упорно прогоняя от себя мысли «а что будет, если...». Но всё же существование возможности иного исхода причиняло девушке невообразимую боль. Не так часто, но оно проникало через её защитный купол, сотканный из хрупкой надежды, и ранило сердце своими ост-

рыми шипами-вопросами.

«А что если...?»

На город за окном опустились ранние сумерки. Снег перестал. Он ровным слоем лежал на серых улицах, крышах домов, деревьях. Небольшой парк во внутреннем дворе весь преобразился: голые унылые ветки теперь закутались в белую пушистую вуаль, спряталась и пожухлая трава, а вечнозелёная хвоя с лежащим на лапах снегом придавала всей картине ещё большую живописность. Яркий закат раскатывался в морозном воздухе пронзительным сиянием, и лучи последний раз заскользили по укрытому серебром миру.

В комнате уютно потрескивал огонь – маленький кусочек заходящего солнца. Слуги бесшумно зажигали лампы, приносили свечи, и по всей комнате постепенно распространилась особая атмосфера тепла и комфорта, которая бывает только холодными зимними вечерами.

Фиделис сидел в кресле у стены, немного мрачный, как и всегда. Он вернулся сюда сразу после того, как доставил письмо в дом Конкордия. Хозяева, конечно, были огорчены, но выразили свою горячую поддержку и желание принести пользу своей королеве.

«Вы можете рассчитывать на нашу поддержку, Ваше Величество. Наша семья окажет Вам любую помощь. Мы сделаем для Вас всё возможное и невозможное. Бесконечно преданные Вам всей душой и телом...» – таково содержание ответного письма, если вкратце. Примерно такие же мысли, су-

дя по всему, роились в головах доброй половины жителей города. Люди были готовы выполнить любые просьбы королевы и намеревались защитить свою госпожу ценой собственных жизней.

Рави тоже дежурил в лазарете. Сейчас он стоял возле кресла Фиделиса, прислонившись спиной к стене. Они изредка переговаривались, но это было настолько тихо, что Глория не могла уловить даже обрывков фраз. То, что стражи не разговаривают при ней вслух, иногда казалось девушке немного обидным, однако в данный момент был не тот случай. Она и сама бессознательно пыталась производить меньше звуков – почти не двигалась и очень осторожно дышала. Поэтому знакомые шаги она услышала издалека.

«Фриджи, наконец-то! Где ты была?» – начала она внутренний диалог с сестрой, но вслух так ничего и не сказала, когда в комнату вошла королева. Не смея нарушать тишину, Глория только вопросительно посмотрела в глаза старшей сестры.

Фриджия теперь снова выглядела по-другому, чем пару часов назад. И дело было не только и не столько в её новом платье. Скорее, что-то внутреннее, почти неуловимое, что-то, исходящее из самого сердца, что не имеет внешних проявлений.

Фриджия подошла к младшей сестре и ласково положила руку ей на плечо, еле заметно улыбнувшись.

Сколько было боли в этой улыбке и сколько отчаяния в

глазах! О, милая бедная Фриджи!

Глория с трудом проглотила ком в горле и сами собой подступающие к глазам слёзы. Взяв себя в руки, она улыбнулась в ответ дрожащей улыбкой и тихо переместилась к камину. Фриджия с тем же странным выражением прощупала пульс, прислушалась к дыханию своего слуги, провела рукой по его лбу. Потом аккуратно сняла повязки, обработала рану и перевязала чистой тканью.

«Пока без изменений, – сказала она сама себе. – Остаётся только ждать».

«Даа... – Эквитум до сих пор пребывал в лёгком удивлении, – прежде ни разу такого не случилось. Конечно, я догадывался, что и на такое госпожа способна, но... мне ещё не доводилось видеть, чтобы она теряла хладнокровие».

Некоторое время назад королева Фриджия ушла, оставив своего слугу кое-что доделать. А требовалось от него, собственно, только вынести тело. Оно без труда уместилось в обычный мешок для костей, так как королева оставила его в разобранном состоянии. Второго наёмника занесли обратно в камеру до лучших времён. После нескольких минут общения с милой дамой он самым наглым образом обмочился, потерял сознание, и работать с ним дальше стало бесполезно. Тем более, от первого собеседника девушка узнала всю информацию. Просто удивительно, до каких мельчайших подробностей человек может припомнить свою жизнь,

если уметь спрашивать. А Фриджия очень хорошо это умела.

«Если бы госпоже нужна была только информация, – размышлял Эквитум, – она бы воспользовалась другими методами. Знает же немало всяких штучек, которые работают не хуже. Но она поступила именно так, а не иначе. Значит, есть причина».

Неожиданно для себя он почувствовал укол ревности.

Эквитум прошёл по тёмным, пустым, почти не используемым проходам к маленькой комнатке возле противоположного выхода из темниц. Мешок он нёс перед собой на вытянутых руках, потому что из него капало. Открыл дверь своим экземпляром ключа – другой всегда был у королевы – и закинул мешок в плотно сбитый ящик. В комнате было прохладно в это время года, так что бояться за запах пока не стоило.

Этот небольшой чуланчик служил местом, куда сначала сваливалось всё ненужное, а потом всем скопом вывозилось далеко в неизвестном направлении. Надо полагать, таким образом отправились в путешествие сосед портного, бывший писарь, друг того парня из дома напротив и мало ли кто ещё, всех не перечислишь.

Эквитум привычным движением захлопнул дверь, защёлкнул замок и спрятал ключ. Теперь можно было спокойно переодеться и навестить раненого товарища. Туда, скорее всего, и направилась королева. Пока девушка общалась с пленниками, слуга почтительно стоял в сторонке и удивлял-

ся – до чего же мастерски управляется Фриджия, как точно она просчитывает каждое действие, каждое слово! Он восхищённо наблюдал за её движениями, прислушивался к голосу и совершенно не думал ни о чём другом. Все это вызывало в нем волну возбуждения. Зато теперь, когда работа была закончена, Эквитум задумался над смыслом всего произошедшего.

«Думаю, это связано с Морритом, – решил мужчина и помрачнел. Неужели от жизни слуги может зависеть душевное равновесие королевы? – Как странно. Получается, госпоже просто нужно было выместить на ком-то все свои переживания. Мудрое решение – лучше не копить в себе негативные эмоции, а использовать их. Что бы там ни было, но госпожа всегда отлично справляется с собой».

Он улыбнулся, вспоминая недавние насыщенные пару часов. В это время как раз показалась дверь в его комнату. Уютная, теплая, вместительная и очень удобная. Видно, королеве не все равно. У другой стены стояла кровать Рави.

«Как всегда: вытряхнул весь свой гардероб на постель».

Эквитум усмехнулся при виде сваленной в ровную кучу одежды соседа. Сам он имел привычку свои вещи держать в шкафу.

«Интересно, а если бы я оказался на его месте, как бы поступила Фриджия?»

Он снова обратился к сегодняшнему происшествию, которое никак не давало ему покоя. Но чтобы представить се-

бя на месте Моррита, нужно хотя бы знать, как всё было. Он снова почувствовал укол ревности.

– Лучше бы ему выжить.

Это было сказано пренебрежительно и хмуро, и совершенно не искренне.

Это произошло совершенно неожиданно. Фриджия только что закончила обработку раны и незаметно для себя ушла в свои мысли. Со стороны это выглядело, как будто она сконцентрировано разглядывает пламя свечи, но она просто в очередной раз погрузилась в воспоминания.

Вдруг её руки коснулись холодные пальцы. Девушка вздрогнула и тут же перевела взгляд на до этого неподвижного слугу. Он смотрел на неё уставшими утратившими блеск глазами.

Некоторое время они молчали, не шевелились и не отводили глаз. Справившись с первым удивлением, Фриджия тихо выдохнула:

– Моррит...

На этот звук тут же повернули головы все присутствующие, но подойти никто не решился. Как бы ни хотелось сейчас вскочить, с радостными криками «О боги, очнулся!» броситься к нему на шею, все понимали: сейчас не время. Даже Глория, наименее сдержанная из всех, предпочла пока тихо радоваться в своём уголке и не лезть, хоть оставаться в стороне было для неё чрезвычайно трудно.

«Очнулся! Как я счастлива! Наконец-то! Как я счастлива!» – повторяла она, в порыве эмоций сжимая подушку, а по лицу всё шире расплывалась улыбка и глаза чуть ли не светились от радости.

Фриджия тоже улыбнулась. Совсем чуть-чуть, но это была её самая искренняя и светлая улыбка, полная надежды. Она всегда выражала счастье по-своему, как теперь, предпочитала прятать его в глубине сердца.

– Моррит, милый, я так переживала, – все слова она произносила тихо и спокойно, а её рука в это время сжимала холодные пальцы друга. – Как ты?

Его губы зашевелились в попытке сказать что-то, но это получилось не сразу. В полной тишине его мягкий голос прозвучал так по-особенному, так по-родному, что все только теперь поняли, как сильно по нему скучали.

– Спасибо...

– Это мне нужно тебя благодарить.

Моррит покачал головой, ненадолго прикрыл глаза, затем снова обратил их к королеве.

– Моя жизнь принадлежит вам... и я... отдаю её всю...

Он говорил с перерывами, набирая в грудь воздуха для следующих нескольких слов. Фриджия сильно забеспокоилась: было видно, что каждое слово даётся ему с трудом.

– Не говори ничего. Лучше просто помолчи, тебе ещё нужны будут силы.

– Я нисколько не жалею... ни о чём...

– Моррит...

– Это такое счастье, когда...

– Моррит, прошу!

Она не смогла скрыть боли в голосе. Теперь Фриджия ясно видела, что не только говорить ему трудно, но и дышать, и даже просто держать глаза открытыми.

– Вы должны знать, госпожа... всё это время я слышал... ваш голос... Я никак не мог... не получалось ухватиться за вашу руку... и вот получилось... Спасибо...

Девушка ничего не ответила. От его слов почему-то готовы были выступить слёзы, а сердце сжалось в невыносимой тоске. Как бы хотела она сейчас хоть чем-то помочь, но могла только держать его руку в своих дрожащих ладонях.

– Столько лет... я всегда восхищался вами, вы вдохновляли... меня и я многим вам обязан...

– Помолчи.

Её дрожащий голос уже начал подводить её, и даже дышать стало трудно. А он всё продолжал говорить:

– Я могу гордиться собой, потому что... сделал то, ради чего стоило жить...

Некоторое время он пытался отдышаться. Это плохо получалось.

– Был ли я... вам полезен, госпожа?.. Скажите...

Голос её не слушался, слова не хотели появляться, и пока Фриджия справилась с собой, прошла целая вечность.

– Да, Моррит. Ты никогда не подводил меня.

– Спасибо... Мне всё... труднее говорить... но я хочу... сказать ещё так... много всего... попросить прощения... Госпожа, я... люблю представлять... что мы... простите за это... но хоть всё... по-другому, я... всё равно очень... очень счастлив... что встретил вас...

Его дыхание стало настолько частым, что говорить приходилось быстро. Это причиняло ему боль. Но в глазах не было страха или боли, только тихая печаль и бесконечная преданность.

– Все мои мечты... госпожа... только...

Он мечтал только о том, чтобы Фриджия была счастлива. Но сейчас в её сердце не осталось для этого места. Её сердце наполнила тьма.